

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего профессионального образования «Уральский федеральный
университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

На правах рукописи

Городецкая Наталья Борисовна

**Идеологическое оформление интеллектуальной
оппозиции в Сербии в 60 – сер 80-х гг. XX века**

07.00.03 – Всеобщая история (Новая и Новейшая история)

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель: к.и.н., доц. Кирьяков Ю.С.

Екатеринбург – 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
1. Формирование критической интеллигенции в 60-е гг. XX в.	31
1.1. Причины и предпосылки формирования критической интеллигенции в 60-е гг. XX в.	31
1.1.1. Интеллектуальная свобода, как предпосылка формирования критической интеллектуальной элиты.	31
1.1.2. 60-е гг. XX в.: первые проявления кризисных явлений и критики политики СКЮ со стороны интеллектуалов.	39
1.2. Основные формы и содержание критических выступлений представителей интеллектуальной элиты Югославии в 60-е г. XX в.	45
2. Рубеж 1960-х – середина 1970-х. гг.: формирование и развитие двух идейных дискурсов критически настроенной интеллектуальной элиты.....	57
2.1. Политический процессы в СФРЮ конца 60-х - середины 70-х гг. XX в. и реакция на него сербской политической и интеллектуальной элиты.	57
2.2. Раскол интеллектуальной элиты и начало формирования национально-ориентированной идеологической платформы сербских интеллектуалов.	76
3. 1980-е гг.: системный кризис СФРЮ и окончательное идейное оформление интеллектуальной оппозиции.	91
3.1. Системный кризис 1980-х гг.: формирование почвы для выхода на политическую арену национально-ориентированного идеологического дискурса.	91
3.2. Идеологический кризис 1980-х гг. и прорыв национально-ориентированной идеологии.	104
3.2.1 Эпоха «пролома истории» и начало формирования идеологии этнонационализма.	104
3.2.2 Окончательная кристаллизация идеологии интеллектуальной оппозиции.	121
Заключение	144
Список использованных источников и литературы.....	150
Список сокращений	167

Введение

Актуальность темы исследования

В XX в. огромную роль в жизни общества играла интеллектуальная элита. Именно она разрабатывала, формулировала и внедряла в массовое сознание основные идеи, ценностные установки, представления о желательном или неприемлемом направлении развития государства и общества. В периоды кризисных или переходных эпох ее роль только возрастала. Союз или конфронтация политической и интеллектуальной элиты часто определял судьбы страны и ее граждан.

В 80-е гг. XX в. Социалистическая федеративная республика Югославия переживала системный кризис, который включал в себя экономический, политический кризис, кризис межнациональных и межреспубликанских отношений. Важнейшей из составляющих данного кризиса стал идеологический кризис. Он выразился в отказе большинства населения от идеологии югославизма, основным лозунгом которой было «равенство, братство и единство народов и народностей Югославии». Партийно-политическая элита СФРЮ незадолго до обострения кризисных явлений и перерастания их во всеобъемлющий системный кризис отказалась от сотрудничества с интеллектуалами, вынудив их начать поиск и разработку альтернативных идеологических платформ. В конце 1960-х гг. на роль такого идеологического дискурса претендовал либерализм. Но в результате процессов, произошедших в 70-е гг. XX в., он уступил место национально-ориентированной идеологии.

В условиях системного кризиса в СФРЮ процесс становления «новой европейской религии»¹ — национализма — проходил во всех республиках Югославии. Но наиболее ярко этот процесс проявился в Сербии. Именно в этой республике новая идеология, уходящая корнями в прошлое и имеющая в своей основе так называемый «сербский вопрос», стала очень популярной в массовом сознании. Впоследствии Слободан Милошевич смог сделать ее

¹ Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. М., 2000. С. 25

идейной базой своего режима. А интеллектуальная оппозиция 80-х гг., в период правления С. Милошевича трансформировавшись в политическую, составила основу партийного ландшафта страны в 1990-е – 2000-е гг.

Проблема генезиса Югославского кризиса 80-х гг. XX в. получила освещение как в отечественной, так и в сербской историографии. Но, несмотря на безусловную значимость изучения вопроса возникновения и распространения национально-ориентированной идеологии и роли интеллектуалов в этом процессе, предметом специального исследования в отечественной исторической науке он не стал.

Изучение вопроса зарождения и роста популярности этнонационализма в Сербии актуален не только для исторической науки. Безусловно, рост популярности национально-ориентированных идеологий является одной из актуальнейших политических проблем современного мира. Причем это касается не только таких традиционно конфликтных регионов, как, например, Ближний Восток или Кавказ. Данная проблема до сих пор очень остро стоит и в странах Балканского региона, и на постсоветском пространстве.

Объект и предмет исследования

Объектом данного исследования стала сербская интеллектуальная оппозиция в 60-е – 80-е гг. XX в.

Предметом — процесс формирования основных положений идеологии интеллектуальной оппозиции, а также становление национально-ориентированного идеологического дискурса в Сербии и окончательное оформление данной идеологии.

Целью данной работы является изучение становления сербской интеллектуальной оппозиции, формирования в ее среде национально-ориентированного дискурса и выявление причин превращения его в доминирующий в национальном сознании.

Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие **задачи**:

1. проанализировав общественно-политическую и идеологическую обстановку в 60-е гг. XX в., выявить причины появления критически настроенных интеллектуалов, а также возникновения раскола политической и интеллектуальной элиты.
2. проследить процесс зарождения и развития двух ведущих направлений в идеологии критически настроенной сербской интеллигенции: либерализма и национализма.
3. рассмотрев общественно-политические процессы, протекавшие в Югославии, а также судьбы лидеров критической интеллектуальной элиты, выявить причины ослабления влияния либеральной идеи в обществе и роста популярности национально-ориентированной идеологии, достигшей пика в 80-е гг. XX в.
4. выявить причины роста популярности и механизмы распространения национально-ориентированной идеологии в сербском обществе в первой половине 1980-х гг.
5. изучить процесс становления националистической программы как идейной платформы для единственной, приемлемой для большинства, программы выхода из кризиса.

Хронологические рамки работы

В работе рассматривается период 60-х – середины 80-х гг. XX века. Нижняя граница обусловлена тем, что именно в период 1960-х гг. в Югославии, после жесткого идеологического контроля над обществом в 40-е – 50-е гг. XX в., наступает своеобразная «оттепель», что, на фоне кризисных явлений в экономике, привело не только к появлению недовольства состоянием общества среди интеллектуалов, но и открытому поиску альтернативы официальной идеологии «самоуправленческого социализма» и югославизма. Квинтэссенцией этого явления стало появление всемирно известного марксистского журнала «Праксис», а также других философских, литературных журналов (например, журналы «Философ», «Лес и кустарник», «Литературные новости», «Обозрение») и массовой литературы.

Верхняя граница работы определяется периодом середины 1980-х гг., а конкретно - 1986 г. – годом публикации «Меморандума Сербской академии наук и искусств», одного из главных документов сербской интеллектуальной оппозиции. Это стало проявлением открытого конфликта партноменклатуры и интеллектуальной элиты, а выход «Меморандума Сербской академии наук и искусств» спровоцировал окончательное идейное оформление национально-ориентированной идеологии. Кроме того, после 1986 г. системный кризис в СФРЮ перерос во все убыстряющийся процесс распада страны. Интеллектуальная оппозиция в ходе этого процесса начала трансформироваться в системную политическую оппозицию и в скором времени сформировала партийно-политический ландшафт уже другой страны – Союзной республики Югославии, а позже в 2000-х гг. – Республики Сербии.

Источниковая основа работы

Для реализации поставленной цели исследования был привлечен широкий круг опубликованных и архивных источников.

К числу неопубликованных источников относятся документы Союза коммунистов Югославии и Союза коммунистов Сербии², хранящиеся в Архиве Югославии в фонде «Центрального комитета Союза коммунистов Югославии». В этом фонде хранятся документы ЦК СКЮ с 1945 по 1990 г.

Наиболее значимыми из опубликованных источников являются авторизированные сборники документов, например, сборник, посвященный т.н. «делу Голубнячи»³, в котором собраны документы, иллюстрирующие дискуссию вокруг этой пьесы Йована Радуловича или двухтомный сборник документов, подготовленный Институтом славяноведения РАН «Анатомия конфликтов. Центральная и Юго-Восточная Европа: документы и материалы последней трети XX века»⁴. В этом сборнике опубликованы документы,

² Архив Југославије, Ф. № 507, VIII

³ Радуловић Ј. Случај «Голубњача»: за и против. Београд, 2008. 832 с.

⁴ Анатомия конфликтов. Центральная и Юго-Восточная Европа: документы и материалы последней трети XX века. Т1. Начало 1970-х – первая половина 1980-х годов. / под ред. Ю.С. Новопашина, Е.Л. Валева, Э.Г. Задорожнюк, К.В. Никифорова. СПб., 2014. 736 с.; Анатомия конфликтов. Центральная и Юго-Восточная

позволяющие изучить формирование идеологий протестных движений в различных странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Документы, представленные в разделе, посвященном Югославии в основном представлены статьями М. Джиласа и М. Михайлова представляют большой интерес в рамках изучаемой темы. Важное место в источниковом корпусе заняли «Белая книга» 1984 г.⁵ и «Меморандум Сербской академии наук и искусств 1986 г»⁶. (далее — Меморандум САНИ). Помимо этого, в работе были использованы источники личного происхождения, а именно мемуары и дневники участников событий, материалы периодической печати. Особое внимание уделено художественным произведениям сербских писателей. Заметное место в источнике корпусе заняли нормативные документы, в частности текст конституционных поправок 1968 г.⁷ и Конституции Югославии 1974 г.⁸, а также тексты выступлений Иосипа Броз Тито и Эдварда Карделя, опубликованные в различных сборниках⁹.

Наибольшего внимания из архивных документов заслуживают протоколы заседаний Идеологической комиссии ЦК СК Югославии. Этот источник позволяет понять и описать идеологическую обстановку в стране. Протоколы заседаний включают в себя стенограммы докладов, делавшихся на заседаниях комиссии, обсуждений докладов и прений по различным вопросам повестки дня, а также краткое резюме. В резюме выделялись главные мысли докладов, основные этапы обсуждений, решение и мнение, вынесенное Идеологической комиссией. Резюме рассылалось всем членам Идеологической комиссии ЦК СКЮ. Для достижения поставленных целей

Европа: документы и материалы последней трети XX века. Т2. Вторая половина 1980-х – начало 1990-х годов. / под ред. Ю.С. Новопашина, Е.Л. Валева, Э.Г. Задорожнюк, К.В. Никифорова. СПб., 2014. 864 с.

⁵ Bela knjiga – 1984. Обраčun sa “kulturnom kontrarevolucijom” u SFRJ. Beograd, 2010

⁶ Меморандум САНУ // Михаиловић К., Крстић В. Меморандум САНУ под ударима политике. Београд, 2002. С.

⁷ Конституционные поправки XX – XLII. Белград, 1971.

⁸ Конституция Социалистической федеративной республики Югославия. // Конституции социалистических государств: сборник. В 2-х томах. Т.2 / под ред. Б.А. Страшуна, Б.Н. Топорнина, Г.Х. Шахназарова. М., 1987С. 230 – 382.

⁹ Тито И. Броз. Наша молодежь показала свою зрелость. Направления важнейших задач СКЮ в развитии системы общественно – экономических и политических отношений. Београд: Социалистическая мысль и практика, 1968 год. 30 с.; Идейное и политическое наступление Союза коммунистов Югославии. Выступления товарищей Тито, Карделя и Доланца. Белград, 1972.; Доклад президента Тито на заседании общего Собора федерации СФРЮ, состоявшегося 23 апреля 1973 года. Белград, 1973.

были проанализированы протоколы Идеологической комиссии ЦК СКЮ за 1960-ые гг. Протоколы заседаний Идеологической комиссии СКЮ позволили понять и описать идеологическую обстановку в стране в 60-е гг. XX в. Особенностью данного источника является то, что в стенограммах выступлений и в резюме крайне редко упоминаются имена тех, кто высказывал идеи, несовпадающие с официальной доктриной. Но, в каждом случае приводится социальный статус «еретика», дается подробный анализ его высказываний и анализируется их соответствие официальной идеологии. Это позволяет понять, какие идеи высказывались представителями критически настроенной интеллигенции в 60-е гг. XX в.

Другой полезной для достижения поставленной цели группой источников оказались материалы периодической печати. Автором были проанализированы годовые подшивки еженедельного журнала «Воскресные новости» («НИН») за 1984¹⁰ и 1986¹¹ гг. и печатного органа Союза писателей Сербии «Литературное обозрение» за 1980¹² и 1982¹³ гг.

Содержание журнала «Литературное обозрение» составляли, во-первых, отчеты о заседаниях Союза писателей Сербии, что является крайне ценной информацией в связи с той активной позицией, которую занимал Союз в 80-е гг. Во-вторых, журнал регулярно публиковал информацию о литературных новинках, приводил критические статьи, посвященные наиболее интересным из вновь опубликованных художественных произведений, интервью их авторов, материалы круглых столов по значимым проблемам истории и современности. Материалы этого журнала дали ценную информацию о темах, волновавших писателей и общество в начале 80-х гг. XX в. Благодаря критическим статьям о литературных новинках удалось выявить значительное число книг, относящихся к эпохи «пролома истории», а многочисленные интервью с их авторами позволили убедиться в популярности данной литературы среди читателей.

¹⁰ НИН 1984 г. Београд, 1984.

¹¹ НИН 1986 г. Београд, 1986.

¹² Књижевне новине 1980. Београд, 1980.

¹³ Књижевне новине 1982. Београд, 1982.

Содержание журнала «НИН» также включало в себя статьи, посвященные волновавшим общество в тот период темам. Для анализа были выбраны подшивки за 1984 г., год публикации «Белой книги», и за 1986 г., год выхода в свет Меморандума САНИ и наибольшего обострения кризиса в АК Косово и Метохия, характеризовавшегося массовыми демонстрациями косовских сербов в Белграде и подачей петиций в республиканские и федеральные органы власти. Материалы этого журнала позволили выявить реакцию журналистов и общественных деятелей на содержание этих документов, а также получить информацию о восприятии кризиса в АК Косово и Метохия политиками, обществом и очевидцами событий — косовскими сербами.

Еще одной группой опубликованных источников, использованной в данной работе, стали источники личного происхождения. А именно, дневники Добрицы Чосича¹⁴, мемуары Драголюбa Мичуновича¹⁵ и Латинки Перович¹⁶.

«Записки писателя» Д. Чосича представляют собой публикацию дневниковых записей писателя, сделанных «по горячим следам» событий. Благодаря этому источнику можно получить представление о взглядах писателя, узнать и проанализировать его оценку многих событий, происходивших в Югославии в 80-е – 90-е гг. XX в. Несмотря на то, что перед публикацией дневники были подвергнуты редакционной правке, эмоциональность и непосредственность в оценке событий сохранилась, что делает источник еще более ценным. Для реализации поставленных в работе задач данный источник интересен поскольку позволяет анализировать взгляды и идеи Д. Чосича, одного из лидеров сербской интеллектуальной оппозиции, а, помимо того, и настроения и взгляды близких к Чосичу интеллектуалов.

Мемуары Драголюбa Мичуновича, философа, одного из лидеров либерального направления развития интеллектуальной мысли, «Моя

¹⁴ Ћосић Д. Пишчеви записи (1951 – 1968). Београд, 2002. 418 с.; Ћосић Д. Пишчеви записи (1981 – 1991). Београд, 2002. 423 с.; Ћосић Д. Пишчеви записи (1992 – 1993). Београд, 2002. 423 с.

¹⁵ Mićunović D. Moja politika. Beograd, 2005. 479 s.; Mićunović D. Život u nevremenu. Ruža vetrova. Knjga prva: 1930 – 1990. Beograd, 2013. 427 s.

¹⁶ Perovic L. Zatvaranje kruga. Sarajevo, 1991 г. 465 с.

политика»¹⁷ и «Жизнь во время бури»¹⁸ посвящены судьбе автора и близких к нему интеллектуалов. Наибольший интерес представляют собой отрывки, посвященные событиям 70-х гг. XX в. в Белградском университете. Анализ этих событий, а также взглядов и моделей поведения преподавателей университета, которые были уволены в ходе этих событий, позволил автору сделать вывод о причинах ослабления влияния либеральной идеологии в сербском обществе и установить причины того, что в 1980-е гг. на фоне ослабления идеологии «самоуправленческого социализма» и югославизма, либеральная идея не смогла стать в общественном сознании альтернативой официальной идеологии.

Мемуары Латинки Перович, сербского историка и политика, входившего в руководство Сербии, «Замыкание круга»¹⁹ посвящены судьбе т.н. «либерального руководства» Союза коммунистов Сербии. В своих мемуарах Л. Перович подробно анализирует события, участником и свидетелем которых она была сама, описывает обстоятельства прихода к власти команды М. Никезича, внутривластную и идеологическую обстановку, предшествующую этому. Подробно автор описывает и анализирует причины и обстоятельства отставки «либерального руководства» Сербии.

Как уже было отмечено, важное место в корпусе источников заняли документальные источники, а именно «Белая книга» 1984 г.²⁰ и Меморандум САНИ 1986 г.²¹.

Материалы «Белой книги» 1984 г. были изданы сербскими историками Костой Николичем, Срджаном Цветковичем и Джоко Трипковичем в 2010 г. в сборнике «Белая книга 1984. Расправа с «культурной контрреволюцией» в СФРЮ»²². Помимо собственно текста источника, сборник был снабжен предисловием, послесловием и справочным аппаратом. «Белая книга»

¹⁷ Mićunović D. *Moja politika*. Beograd, 2005. 479 s.

¹⁸ Mićunović D. *Život u nevremenu. Ruža vetrova. Knjga prva: 1930 – 1990*. Beograd, 2013. 427 s.

¹⁹ Perovic L. *Zatvaranje kruga*. Sarajevo, 1991 г. 465 с.

²⁰ *Bela knjiga – 1984. Obračun sa “kulturnom kontrarevolucijom” u SFRJ*. Beograd, 2010.

²¹ Меморандум САНУ // Михаиловић К., Крстић В. Меморандум САНУ под ударима политике. Београд, 2002. С. 139–189.

²² Nikolić K., Cvetković S, Tripković D. *Bela knjiga – 1984. Obračun sa “kulturnom kontrarevolucijom” u SFRJ*. Beograd, 2010. 289 s.

представляет собой публикацию материалов Седьмого совещания «об идейной борьбе в сфере культуры»²³, в котором участвовали представители партийно-политической элиты Хорватии и хорватские интеллектуалы. Фактически в ней содержится критика литературы, содержание которой не соответствовало официальной государственной идеологии «самоуправленческого социализма» и югославизма. Причем большинство из рассмотренных на Совещании художественных и публицистических произведений принадлежали сербским авторам. Таким образом, данный источник демонстрирует знаковое изменение в межреспубликанских отношениях Сербии и Хорватии. Начиная с 60-х гг., хорватское руководство придерживалось «политики молчания», не вмешиваясь в дела соседей. А публикация «Белой книги» ярко продемонстрировала решимость хорватской партноменклатуры бороться за влияние в СФРЮ, используя внутренние проблемы соседней республики, что символизировало выход на политическую арену т.н. этнократических кланов.

Меморандум САНИ был опубликован сербскими историками Костой Михайловичем и Василием Крестичем в сборнике «Меморандум САНИ: под ударами политики»²⁴ в 2002 г. Меморандум САНИ был создан ведущими специалистами Академии. Этот документ может служить основным источником, освещающим взгляды сербской интеллектуальной элиты 1980-х гг. Как источник, Меморандум САНИ интересен тем, что хотя изначально он и предназначался для публикации, но работа над ним не была завершена. Многочисленные заимствования идей, содержащихся в тексте Меморандума САНИ, из текстов и высказываний критических настроенных интеллектуалов в 70-е – 80-е гг. XX в., позволяют сделать вывод о том, что Меморандум САНИ 1986 г. адекватно отражает сформировавшийся национально-ориентированный дискурс.

²³ Nikolić K., Cvetković S., Tripković D. Predgovor priređivača // Bela knjiga – 1984. Obračun sa “kulturnom kontrarevolucijom” u SFRJ. Beograd, 2010. S. 55

²⁴ Михаиловић К., Крестић В. «Меморандум САНУ»: под ударима политике. Београд, 2002. С. 139 – 189.

Важнейшей группой источников для изучения идей интеллектуалов, а также для выявления механизмов распространения сербофильских взглядов стали художественные и публицистические произведения сербских авторов. Отдельно следует назвать монографию Владимира Дедиера «Новый взгляд на биографию Иосипа Броз Тито», которая была не только первым публицистическим произведением, в котором были подвергнуты пересмотру основополагающие представления традиционной для социалистической историографии картины истории XX в., но и стала редким в ряду подобных произведений трудом, созданным профессиональным историком. В дальнейшем пересмотр истории происходил, в основном, в художественных произведениях журналистов, публицистов и общественных деятелей. Романы Вука Драшковича «Нож»²⁵, «Русский консул»²⁶, «Ночь генерала»²⁷, пьеса Йована Радуловича «Голубняча»²⁸ и другие литературные произведения эпохи «пролома истории», став настоящими бестселлерами, особенно сильно повлияли на укоренение в массовом историческом сознании сербов национально-ориентированной картины прошлого и возрожденного Добрицей Чосичем «сербского вопроса».

Таким образом, анализ вышеперечисленных источников позволяет сделать вывод о том, что источниковая база исследования достаточно полная, включает в себя разные по происхождению и по групповой принадлежности источники и дает возможность реализовать поставленную автором исследования цель.

Историографическая основа работы

Историографическую основу данной работы составили работы отечественных и зарубежных историков.

В отечественной историографии проблема становления и развития Югославии во второй половине XX в., а также генезиса и последствий югославского кризиса 1980-х гг. получила достаточно широкое освещение.

²⁵ Драшкович В. Нож. М., 1995.

²⁶ Драшковић В. Руски конзул. Београд, 2000.

²⁷ Драшковић В. Ноћ ђенерала. Београд, 2000.

²⁸ Радуловић Ј. Голубњача // Случај Голубњача: за и против. Београд, 2008. С. 9 – 45

Но единой точки зрения на процессы, происходившие в Югославии в этот период, на истоки системного кризиса, оценку и роль его составляющих исследователями сформулировано не было.

Особая роль в изучении этих процессов принадлежит специалистам Института славяноведения РАН, в частности К.В. Никифорову²⁹, В.К. Волкову³⁰ и Е.Ю. Гуськовой³¹.

Начало изучению кризиса и распада СФРЮ положил В.К. Волков, который в своих работах указывает на перерождение республиканских партийно-политических элит в «этнократические кланы»³² как на важнейший фактор распада страны и генезиса вооруженных конфликтов на территории бывшей Югославии. В.К. Волков в данной статье одним из первых исследователей обратил внимание на трансформацию республиканских элит, их отход от прежних идеологических схем. В этой работе автор проанализировал причины и ход подобной трансформации. В.К. Волков сделал вывод о том, что в 80-е гг. XX в. главной целью для республиканских элит становится не сохранение и развитие югославской федерации, а «борьба за власть и собственность, за полный контроль над «своей» территорией при полном изгнании и непризнании за другими этносами тех прав, которых она добивалась для обоснование своей власти»³³.

Глубокий и комплексный анализ причин балканского кризиса дает в своих работах руководителя Центра по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения РАН Е.Ю. Гуськова³⁴. Особое место

²⁹ Никифоров В.К. Глава VI: Югославский эксперимент // Власть – общество – реформы: Центральная и Юго-Восточная Европа. Вторая половина XX века. М., 2006. С. 368 - 386; Никифоров К.В. «Карделевская Югославия» (1974 – 1990). // Югославия в XX веке: очерки политической истории. М., 2011. С. 735 – 765; Никифоров К.С. Сербия на Балканах. XX в. М., 2012. 176 с.

³⁰ Волков В.К. Этнократия - непредвиденный феномен посттоталитарного мира // Полис. 1993. №2 С. 16–35.; Волков В.К. Узловые проблемы новейшей истории страна Центральной и Юго – Восточной Европы. М., 2000.

³¹ Гуськова Е.Ю. История Югославского кризиса 1990 – 2000. М., 2001.

³² Волков В.К. Этнократия - непредвиденный феномен посттоталитарного мира // Полис. 1993. №2. С. 16 - 35

³³ Волков В.К. Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго – Восточной Европы. М., 2000. С. 227.

³⁴ Гуськова Е.Ю. Размышления по поводу книги Карлы дель Понте «Охота: я и военные преступники» // Новая и новейшая история. М., 2008. № 4 С. 14 - 18; Гуськова Е.Ю. Геополитические аспекты современного балканского кризиса // Славянский мир в третьем тысячелетии. Славянская идентичность — новые факторы

среди ее трудов занимает фундаментальная монография «История Югославского кризиса (1990 – 2000)»³⁵. Особое внимание исследователь обращает на сочетание внутренних и внешних факторов генезиса кризиса и распада страны, считая, тем не менее, что определяющую роль сыграли внешние факторы.

Отдельного упоминания заслуживает обобщающая коллективная монография сотрудников Института славяноведения РАН «Югославия в XX веке: очерки политической истории»³⁶. В написании данного труда приняли участие ведущие сотрудники Института – К.В. Никифоров, А.Б. Едемский, Е.Ю. Гуськова и другие. В главах, посвященных интересующему нас периоду, авторы дают подробное описание процессов, происходивших в стране, анализируют их причины и последствия, которые, как видно из этого анализа, неизбежно, хотя и не без влияния внешних факторов, вели к системному кризису 80-х гг. XX в. и распаду страны в ходе серии межэтнических войн в 1990-х гг. Развивая и углубляя идеи В.К. Волкова, Никифоров в главе «Распад Югославии» акцентировал внимание на экономических проблемах страны, которые по его мнению, спровоцировали начало той трансформации элит, на которую указывал В.К. Волков.

С.А. Романенко в фундаментальной монографии, посвященной исследованию процессов становления, кризиса и распада Югославии ««Югославия: История возникновения. Кризис. Распад. Образование независимых государств (Национальное самоопределение народов Центральной и Юго-Восточной Европы в XIX –XX вв.)»³⁷ дает собственную интерпретацию процессов, проходивших в югославском обществе в 80-е гг. XX в. Он считает, что главной причиной развития кризиса и последующего распада СФРЮ стал кризис межнациональных отношений. По его мнению, в

консолидации. М., 2008. С. 44-50; Гуськова Е.Ю. Югославия: Социальная трансформация в условиях кризиса // Новый социальный облик Восточной Европы. М.: ИНИОН, 2002. С. 80-96.

³⁵ Гуськова Е.Ю. История Югославского кризиса (1990 – 2000). М., 2001.

³⁶ Югославия в XX веке: очерки политической истории /отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2011. 888 с.

³⁷ Романенко С. А. Югославия: История возникновения. Кризис. Распад. Образование независимых государств (Национальное самоопределение народов Центральной и Юго-Восточной Европы в XIX –XX вв.) М., 2000.

80-е гг. XX в. в Югославии бурно развивались процессы самоопределения народов. Эти процессы искусственно блокировались центральной властью на протяжении всего XX в. В 1980-е гг. из-за кризиса центральной власти и кризиса тоталитаризма в целом, эти процессы вновь стали актуальными. А на фоне кризиса распределительной экономики, однопартийной политической системы и тотальной системы военно-бюрократического контроля, ядром которой была Югославская народная армия, этот процесс привел к распаду страны и кровавым событиям 90-х гг. XX в.³⁸

Таким образом, мы видим, что в данной монографии С.А. Романенко занимает оригинальную позицию. В отличие от других авторов, которые в первую очередь обращают внимание на экономическую и политическую составляющую кризиса, С.А. Романенко главную причину генезиса кризиса и распада страны видит в кризисе межнациональных отношений. Исследователь в данной работе подчеркивает то, что на протяжении всего XX в. процессы национального самоопределения народов Югославии искусственно блокировались центральной властью. В ситуации ослабления центральной власти они вновь начали развиваться. В данной монографии Романенко убедительно доказывает, что именно искусственное блокирование процессов формирования национального самосознания привело к крайним формам его проявления в 80-е, а особенно в 90-е гг. XX в.

В рамках данной работы для достижения поставленной цели были использованы работы российских историков, посвященные периоду 50-х – 60-х гг. XX в. Именно в это время были заложены многие предпосылки событий, разворачивавшихся в более поздний период и ставших предметом исследования в данной работе. В частности монография А.Б. Едемского «От конфликта к нормализации: советско-югославские отношения в 1953 – 1956 годах»³⁹, который в своем труде дает развернутый анализ межгосударственного конфликта 1948 г. и последовавшего за этим

³⁸ Там же... С. 325 – 350.

³⁹ Едемский А.Б. От конфликта к нормализации: советско-югославские отношения в 1953 – 1956 годах. М., 2008. 610 с.

ухудшения отношений Советского Союза и Югославии. Именно этот конфликт и его последствия стали одной из причин изменения отношений югославской партийно-политической элиты и югославских интеллектуалов от строго надзора и жесткого наказания инакомыслящих к снисходительному отношению к критике отдельных недостатков системы.

Следует назвать работу Ю.В. Шахина «Югославия на пути модернизации: 1947 – 1961 гг.»⁴⁰. Автор в своей работе анализирует последствия этого внешнеполитического конфликта для экономики Югославии, которые привели к возникновению тех негативных явлений в хозяйственной жизни страны, которые критиковали интеллектуалы.

Большой интерес представляет дискуссия ведущих российских историков – балканистов по вопросу оценки одного из основных документов интеллектуальной оппозиции Сербии — «Меморандума Сербской академии науки и искусства»⁴¹ 1986 г. В российской историографии сложились диаметрально противоположные оценки Меморандума. Наиболее четко они выражены в работах Е.Ю. Гуськовой и С.А. Романенко. С.А. Романенко считает, что Меморандум стал «Манифестом националистов, мечтавших о превращении Югославии в «Великую Сербию», либо об объединении в одно государственное образования всех территорий, на которых проживают сербы»⁴². В противоположность ему Е.Ю. Гуськова придерживается точки зрения о том, что причиной написания Меморандума было «экономическое отставание Сербии, антисербские проявления в других республиках, где жили 25% сербов, и рост там национализма, выраженные процессы дезинтеграции федерации»⁴³, а потому его нельзя считать националистическим.

Таким образом, мы видим, что несмотря на значительное число исследований истории Югославии второй половины XX в. и периода кризиса

⁴⁰ Шахин Ю.В. «Югославия на пути модернизации: 1947 – 1961 гг. М., 2008. 237 с.

⁴¹ Меморандум САНУ // Михаиловић К., Крстић В. Меморандум САНУ под ударима политике. Београд: Борба, 2002. С. 139–189

⁴² Романенко С.А. Югославия, Россия, и «славянская идея»: вторая половина 19 – начало 21 века. М., 2002. С. 459.

⁴³ Гуськова Е. Ю. Указ соч... С 73.

1980-х гг., созданных российскими исследователями, отдельных, специальных работ, посвященных такому важнейшему процессу, как идеологический кризис и развитие взглядов интеллектуальной оппозиции нет.

Сербская историография данного периода гораздо обширнее. В частности, следует отдельно остановиться на работах профессоров Белградского университета Любодрага Димича⁴⁴ и Радоша Люшича⁴⁵, сотрудника Института современной истории Косты Николича⁴⁶, монографиях Веселина Джуретича⁴⁷, Перо Симича⁴⁸, Тодора Кулича⁴⁹ и Небойши Попова⁵⁰.

Л. Димич в монографию «История сербской государственности: Сербия в Югославии» включил обширный материал, который охватывает хронологический период со времени создания Королевства сербов, хорватов и словенцев и до распада Социалистической федеративной республики Югославии. В этом труде Л. Димич подробно анализирует политическое развитие Сербии в разные эпохи, условия существования Сербии в различных вариациях югославянского государства. В разделе, посвященном Сербии в СФРЮ, профессор Димич подробно описывает изменения в законодательстве СФРЮ и политическом руководстве Сербии и Югославии. Особое внимание исследователя вызывают конституционные изменения, которые начались в 1967 г. и завершились принятием новой Конституции СФРЮ 1974 г. Именно в них он видит основной импульс распада федерации и автаркизации республик. А на этой почве, по мнению Л. Димича, вырос этнический национализм.

⁴⁴ Димић Љ. Историја српске државности. Србија у Југославији. Нови Сад, 2001.

⁴⁵ Љушић Р. Српска, великосрпска и југословенска државна политика Србије (1804 – 1918) // Велика Србија: истине, заблуде, злоупотребе: зборник радова са Међународног научног скупа одржаног у Српској академији наук и уметности од 24 – 26 октобра 2002.// под ред В. Крстић., М. Недић. Београд, 2003. С. 287 – 315.

⁴⁶ Николић К. Срија у Титовој Југославији: (1941 – 1980). Београд, 2011. 423 с.; Николић К. Прошлост без историје: полемике у југославској историографији 1961 – 1991: главни токови. Београд, 2003. 476 с.;

Николић К. Српска књижевност и политика: 1945 – 1991: главни токови. Београд, 2012. 483 с.

⁴⁷ Джуретич В. Развал Југославије: историческе предпоставке (1918 – 2003 г.). М., 2003

⁴⁸ Симић П. Тито: феномен 20 века. Београд, 2011 419 с.

⁴⁹ Kuljić T. Tito: sociološkoistorijska studija. Beograd, 1998. 394 s.

⁵⁰ Popov N. Iskušavanje slobode: Srbija na prelazu vekova. Beograd, 2010. 630 s.

Статья Р. Люшича «Сербская, великосербская и югословенская государственная политика Сербии (1804 – 1918)», опубликованная в сборнике статей «Великая Сербия: правда, ложь, злоупотребления» представляет собой комплексный анализ эволюции концепта «сербский вопрос», который был в конце 60-х – 70-х гг. возрожден Д. Чосичем и стал основой для формирования идеологии интеллектуальной оппозиции в этот период.

Отдельно следует отметить работы Перо Симича «Тито: феномен XX века»⁵¹ и Тодора Кулича «Тито: социоисторическое исследование»⁵², в которых авторы дают собственный анализ личности Иосипа Броз Тито, выявляя роль его личных взглядов, убеждений, предрассудков и жизненного опыта в процессах, происходивших в Югославии и приведших ее к трагическому финалу.

Монография Небойши Попова «Искушение свободой: Сербия на рубеже веков»⁵³ посвящена периоду истории Югославии с 1989 г., но содержит анализ событий, относящихся к более ранним эпохам, поскольку они необходимы для понимания процессов, происходивших в рассматриваемый автором период. Н. Попов считает, что конституционная реформа, завершившаяся в 1974 г. принятием новой Конституции, сыграла определяющую роль в развитии кризисных явлений в стране. Именно «в конце семидесятых годов идет становление идеи о «национальной государственности», особенно после 1974 г.»⁵⁴, т.е. после того, как по Конституции 1974 г. республики получили широкие права, что фактически превратило Югославию в конфедерацию.

Необходимо подчеркнуть, что во всех вышеперечисленных монографиях сербских историков содержится единый для всех них важнейший вывод: распад Социалистической Югославии стал результатом системного кризиса, вызванного внутренними причинами. Безусловно, все названные

⁵¹ Симић П. Тито: феномен 20 века. Београд, 2011 419 с.

⁵² Kuljić T. Tito: sociološk oistorijska studija. Beograd, 1998. 394 s.

⁵³ Popov N. Iskušavanje slobode: Srbija na prelazu vekova. Beograd, 2010. 630 s.

⁵⁴ Ibid C. 70.

исследователи отмечали влияние на происходившие процессы внешних факторов, но не признавали за ними определяющего значения.

Другая популярная точка зрения о распаде Югославии представлена в книге Веселина Джуретича «Развал Югославии: исторические предпосылки (1918 – 2003 г.)»⁵⁵. Автор данной монографии концентрирует внимание на внешних факторах распада страны. В. Джуретич прослеживает влияние внешних факторов на развитие Югославии с 1918 г. и доказывает, что именно долговременное давление внешних сил на страну привело к ее распаду в 90-е гг. XX в. При этом В. Джуретич практически полностью отрицает влияние внутренних факторов на генезис кризиса и последующего распада.

Таким образом, мы видим, что среди сербских историков, также как и среди российских исследователей доминирует две точки зрения на причины возникновения и развития системного кризиса 1980-х гг. и распада страны. Причем, в отличие от отечественной историографии, в сербской исторической науке изучению влияния внешних факторов на распад страны уделяется меньше внимания.

В современной Сербии, начиная примерно с середины 2000-х гг. стали появляться исследования, посвященные политическим репрессиям социалистического периода истории страны. Начался этот процесс с изучения репрессий 1944 г., но в последние годы появились и первые обобщающие работы. В частности следует упомянуть монографию Срджана Цветковича «Между серпом и молотом. Политические репрессии в Сербии в 1953 – 1985 гг.»⁵⁶. В данной работе, автор, помимо описания репрессий, изучения развития законодательной базы, структуры и деятельности органов правопорядка, приводит характеристику оппозиционных групп, против которых были направлены репрессии. В частности, отдельный раздел монографии посвящен характеристике националистического направления оппозиционной мысли и борьбе органов государственной безопасности с

⁵⁵ Джуретич В. Развал Югославии: исторические предпосылки (1918 – 2003 г.). М., 2003. 897 с.

⁵⁶ Cvetković S. Između srpa i čekića 2. Politička represija u Srbiji 1953 – 1985. Beograd, 2011. 700 s.

ней. С. Цветкович выделяет три самостоятельных течения в рамках оппозиционного националистического дискурса. Это «остатки классовых и политических врагов»⁵⁷, «национал-коммунисты»⁵⁸ и «национализм сепаратизм на территории Косово»⁵⁹. При характеристике всех трех течений автор уделяет внимание преимущественно биографиям основных акторов, нежели описывает особенности их идеологии, причины появления и степени влияния в югославском обществе.

Отдельно следует назвать статью Катарини Спехняк и Тихомира Ципека «Диссиденты, оппозиция и сопротивление – Хорватия и Югославия в 1945 – 1990»⁶⁰. В этой статье авторы, опираясь на работы Эрхарта Ноуберта, предлагают свою классификацию протестного движения как в целом в Югославии, так и в каждой отдельной республике. В частности, авторы выделяют такие группы, как «демократические политические партии, возникшие после Первой мировой войны», «римскую католическую церковь», «ориентированные на реформы группы марксистов и/или либерально ориентированные группы критиков социализма в составе СКЮ и СКХ» и «новые демократические силы появившиеся в 1989 и 1990 гг.»⁶¹. Особое внимание авторы статьи, как следует из названия уделяют развитию диссидентского движения в Хорватии. На хорватском материале авторами была сформирована периодизация изучаемого процесса. Первый этап для Спехняк и Ципека ограничен периодом конца 40-х – 50-х гг. XX в., когда на первый план вышли «радикальные левые»⁶², протестовавшие против разрыва с СССР и отказа от копирования советской идеологии после 1948 г. С другой стороны, в этот же период были сильны радикальные хорватские правые – хорватские националисты. Следующий этап, это период 1960-х гг. Основное содержание этапа – появление оппозиционных групп внутри СКЮ и СКХ,

⁵⁷ Ibid S. 437.

⁵⁸ Ibid S. 450.

⁵⁹ Ibid S 462.

⁶⁰ Cipek T., Spehnyak K. Disidenti, opozicija i otpor- Hrvatska i Jugoslavija 1945-1990. //Časopis za savremenu povijest. 2007. № 2. S. 249 – 513.

⁶¹ Ibid S. 257 – 258.

⁶² Ibid S. 267

требующих реформ как идеологии, так и политической практики СФРЮ. Следующий этап – 1970-е г, главным событием которого является, конечно, Хорватская весна, в котором заметное участие приняли как раз представители оппозиционного «реформистского крыла» СК Хорватии. Этим этапом заканчивается периодизация развития диссидентского движения в Югославии и Хорватии. В последующие десятилетия сформировавшиеся протестные группы будут активно действовать, распространяя свое влияния среди разных социальных групп. В контексте данной работы статья Тихомира Ципека и Катарины Спехняк представляет особый интерес, так как позволяет сравнить периодизацию становления диссидентского движения в Хорватии и Сербии.

Изучая становления национально-ориентированной идеологии интеллектуалов Сербии и распространение их идей, необходимым оказалось рассмотрение объективных причин, сделавших эти идеи такими популярными и востребованными обществом. В частности, особое место в данном случае, занимает кризис в АК Косово и Метохия и положение сербов. Эта проблема освещается в работах, посвященных кризису и распаду Югославии уже названных в данном обзоре. Отдельного внимания заслуживает специальный труд посвященный данной проблеме: монография Д. Батаковича «Косово и Метохия: история и идеология»⁶³. В этой монографии на фоне основных событий истории Сербии дается подробный обзор истории края начиная с периода Средневековья до последних событий, связанных со становлением независимого государства в Косово. Автор подробно рассматривает причины изменения этнической карты КиМ, усиления роли албанцев в крае, что стало одной из главных причин непрекращающегося кризиса и роста межнациональной нетерпимости. Одной из главных причин конфликта Батакович видит в одинаково низком уровне политической культуры как албанцев, так и сербов. Конфликт в Косово, которое сербы всегда воспринимали как «Сербский Иерусалим»

⁶³ Батакович Д. Косово и Метохия: история и методология. Екатеринбург, 2014. 400 с.

всегда крайне болезненно воспринимался сербским обществом, усиливая недовольство властью и протестные, национально-окрашенные настроения.

В данном ряду отдельно стоит хорватская историография. Автор выделяет среди работ хорватских ученых наиболее влиятельного и интересного историка Душана Биланджича. В монографии «Югославия после Тито (1980 – 1985)»⁶⁴ автор анализирует последние годы существования страны - период системного кризиса. Д. Биланджич, рассматривая все элементы системного кризиса, правда, подробно на идеологическом кризисе не останавливается. Он считает, что главную роль в распаде страны сыграли два фактора. Во-первых, кризис системы управления, которую автор характеризует, как «политбюровская»⁶⁵ и кризис Союза коммунистов, который в результате дискуссий по поводу дальнейшей судьбы страны распался на отдельные, враждующие друг с другом национальные «фракции». Во-вторых, экономический кризис. В отличие от многих сербских историков, которые считают идеологию «самоуправленческого социализма» и реализацию положений этой идеологии на практике одной из причин кризиса в экономике, Д. Биланджич и другие хорватские историки убеждены, что эта концепция Э. Карделя была адекватной реакцией на отставание Югославии от Запада. Автор подчеркивает, что на момент начала реализации этой идеологии лидерам страны, в частности И. Броз Тито стало ясно, что экономическая система «государственного капитализма»⁶⁶, созданная в Югославии в послевоенное десятилетие, исчерпала возможности роста. И концепция «самоуправленческого социализма» должна была, стимулировав частную инициативу, вывести экономику страны на новый уровень, что позволило бы избежать кризиса в дальнейшем. Но отрицательное влияние бюрократических сил, партократии не позволило достичь этого. Таким образом, шанс на развитие был упущен, югославская экономика скатилась в

⁶⁴ Bilandžić D. Jugoslavija poslije Tita (1980 – 1985). Zagreb, 1986. 248 s.

⁶⁵ Ibid S. 151.

⁶⁶ Ibid S. 253

кризис, преодолеть который, несмотря на усилия партийно-политической элиты, так и не удалось.

Среди зарубежных авторов следует выделить Деяна Йовича и Ясну Драгович-Сосо.

Глубокий анализ различных аспектов югославского кризиса дает в своей монографии «Югославия: государство, которое отмерло: становление, кризис и распад Карделевской Югославии»⁶⁷ Деян Йович. Он систематизирует развитие СФРЮ в 1980-е гг. и выделяет восемь аспектов системного кризиса. Д. Йович убедительно доказывает свою точку зрения о том, что после принятия Конституции 1974 г. в истории Югославии начинается новый период, возникает так называемая «четвертая» или «карделевская» Югославия. Принятие новой Конституции 1974 г., по мнению исследователя, кардинально изменило политическую систему страны. Именно эти изменения стали одним из решающих факторов распада СФРЮ. Подобной точки зрения придерживается и часть российских исследователей, в частности Е.Ю. Гуськова и К.В. Никифоров. Е. Ю. Гуськова считает 1974 г. годом перехода от федеративного устройства к конфедеративному. Но в то время как, Е.Ю. Гуськова выделяет как внутренние, так и внешние причины распада СФРЮ, Д. Йович подчеркивает, что распад Югославии произошел исключительно в силу внутренних причин. По мнению исследователя, кровавый распад страны стал закономерным следствием процессов, протекавших в «четвертой Югославии», начиная с 70-х гг. XX в. Особую роль в этом сыграл, как считает Д. Йович именно идеологический кризис. Кроме того, в данной монографии Д. Йович дает интересный сравнительный анализ развития национальных интеллигенций в республиках СФРЮ.

Одной из самых интересных работ, посвященных процессам, происходившим в среде интеллектуалов Югославии, является монография Ясны Драгович-Сосо⁶⁸. В ней автор анализирует процессы, происходившие в

⁶⁷ Jović D. Jugoslavija: država koja je odumrla: uspon, kriza i pad Kardeljeve Jugoslavije. Zagreb, 2003.

⁶⁸ Dragović-Soso J. Spasioci nacije: intelektualna opozicija Srbije i oživljavanje nacionalizma. Beograd, 2004. 411 s.

среде интеллектуалов, начиная с 1950-х гг., и фиксирует постоянный рост националистических настроений. Я. Драгович-Сосо практически единственный исследователь, который глубоко анализирует причины и последствия роста национализма в среде интеллектуальной элиты. Кроме того, исследователь подчеркивает взаимосвязь и прослеживает даже некий параллелизм процессов становления сербского национализма и процессов усиления конфедерализации Югославии и автаркии ее республик.

На основании анализа приведенных выше работ, а также монографий и статей, не вошедших в данный обзор, можно сделать вывод о том, что несмотря на то, что системный кризис 80-х гг. XX в. в Югославии и последующий распад страны часто становятся объектами исследования как российских, так и зарубежных авторов, отдельных работ, посвященных конкретно идейному и организационному становлению интеллектуальной оппозиции в отечественной историографии практически нет.

Методологическая основа работы

Цели и задачи, продиктованные проблематикой исследования определили выбор методологических подходов и принципов. Во-первых, это принцип историзма, который предполагает использование логико-исторического подхода. Данный подход предполагает, что события и явления должны рассматриваться как феномены конкретной исторической эпохи, несущие в себе следы ее особенностей, проблем и закономерностей. Но, вместе с тем рассматриваемые события и явления включаются в общеисторический контекст, рассматриваются в развитии и изменении, но, ни как застывшие данности. При этом данный подход предполагает понимание частных фактов, как отражение более общих закономерностей. Во-вторых, это принцип объективности, исходя из которого, необходимо рассматривать изучаемые проблемы, особенно проблему становления идеологии национализма и роста ее популярности в сербском обществе как явления объективной реальности. Приверженность данному принципу позволяет объективно охарактеризовать

процесс зарождения и распространения национально-ориентированной идеологии в Сербии и оценить динамику процесса, который в конечном итоге стал одной из причин трагического распада Югославской федерации. В-третьих, это системный подход, который предполагает рассмотрение объекта исследования как целостного феномена, позволяя выявить и изучить динамику развития и своеобразие всех составных частей данной системы, а также их влияние как друг на друга, так и на всю систему в целом. В частности, в данной работе сербская интеллектуальная оппозиция рассматривается как система, состоящая из комплекса идей, высказанных в разное время интеллектуалами, и самих интеллектуалов, их жизненного пути, повлиявшего на предложенные ими идеологемы. Помимо этого, важным представляется рассмотрение комплекса кризисных явлений в экономической, социальной, политической и идеологической сферах югославского общества как системы. В таком случае становится понятным, что югославская партийно-политическая элита не могла решить ни одной проблемы, вставшей перед обществом в 1980-е гг., и быстрый рост влияния сербской национально-ориентированной интеллигенции был неизбежным. В-четвертых, важным подходом, использованным в данной работе, является биографический подход. Суть этого подхода заключается в том, что основное внимание во время исследования концентрируется на изучении хода всей жизни человека, описываются его карьера, положение в обществе, участие в важнейших исторических событиях исследуемого периода. Данный подход, позволяя увидеть сходства и различия жизненного пути интеллектуалов-будущих оппозиционеров, дает возможность понять причины, подтолкнувшие их на формулирование и продвижение идей, выходящих за рамки идеологии самоуправленческого социализма и югославизма. Примером применения биографического подхода в данной работе является исследование биографии Д. Чосича, В. Драшковича и других интеллектуалов.

Специфика предмета и объекта, а также целей и задач исследования требует рассмотрения некоторых категорий и феноменов, используемых автором.

Тем более что в современном гуманитарном знании отсутствуют их единые, общепринятые оценки и определения. Речь идет о феноменах «национализм» и «сербский вопрос», а также категории «интеллектуальная элита».

Что касается феномена национализма, то определение его сущности и изучение генезиса породили множество концепций и теоретических схем. Большинство принятых в современной науке теорий укладываются в три основных подхода: примордиальный, конструктивистский и модернистский.

Примордиальный подход⁶⁹ был предложен еще в конце XVIII в. немецким философом Иоганном Готтфридом фон Гердером, но не потерял актуальности и в последующие эпохи. Сторонники данного подхода полагают, что и нации, и национализм не являются интеллектуальными конструктами, сформулированными либо интеллектуальной, либо политической элитой. Напротив, они существуют «изначально», или, по крайней мере, на протяжении всей письменной истории человечества. Еще И. Гердер высказал мысль, что нация подобна семье и ее существование также естественно и необходимо как существование семьи⁷⁰. Одновременно, И. Гердер считал, что именно нация лежит в основе возникновения и развития государства, и нормальным является только то государство, в границах которого существует одна нация.

Примордиальный подход, как уже было отмечено, продолжал оставаться актуальным и в XIX – первой половине XX вв., развиваясь и включая в себя теории Отто Бауэра, сочетавшего примордиализм с марксизмом и социал-дарвинизмом⁷¹ Густава Лебона⁷², Жозефа Артура де Гобино⁷³, Хьюстона-Стюарта Чемберлена⁷⁴, представлявших собой биологические концепции

⁶⁹ Подробнее см. Беляков С.С. Идеология Усташеского движения, как историческая форма хорватского этнического национализма (1929 – 1945). Автореферат диссертации канд. Ист. наук Екатеринбург, 2006. 27 с.

⁷⁰ Подробнее см. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977. 459 с.

⁷¹ См.: Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия. // Нации и национализм. М., 2002. С. 52-120

⁷² Лебон Г. Психология народов. // Психология толпы: социальные и политические механизмы воздействия на массы. М. – СПб., 2003. С. 146 – 157.

⁷³ де Гобино Ж.А. Опыт о неравенстве человеческих рас. URL: http://www.hrono.ru/libris/lib_g/gobino00.php (дата обращения 12.04.2014).

⁷⁴ Чемберлен Х.С. Славогерманцы. URL: http://hrono.ru/statii/2005/chember_slavyno.php (дата обращения 12.04.2014).

нации и являвшиеся, по сути, экстремистскими. В отечественной науке наиболее широко данный подход представлен в работах и Л.Н. Гумилёва⁷⁵.

Модернистский и конструктивистский подходы были разработаны в XX в. Философы и историки, теории и концепции которых находятся в рамках модернистского подхода, признают тот факт, что «нация», «национальная идея», «национализм» появляются только в период Нового времени. Одним из самых ранних представителей этой концепции был Ганс Кон. Исследователь подчеркивал, что национализм возник не ранее XVIII в. Толчком же к появлению национализма стала секуляризация сознания и изменение традиционного уклада экономической жизни. Социальной средой, в которой зародился национализм, по мнению Кона, было третье сословие. Оно было менее традиционным, чем аристократия или духовенство, более мобильным, нацеленным как на изменение собственной жизни, так и на реформирование жизни общества. Причем, именно третье сословие претендовало на то, что оно выражает интересы всего народ, его стремление к политическим и экономическим переменам.

Наиболее известным представителем модернистского подхода является Бенедикт Андерсон. Самой известной его работой стала книга «Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма»⁷⁶. Само название этой работы подчеркивает, что Андерсон считает «нации» не данностью объективной реальности, а «воображаемыми сообществами». Но это определение не означает, что нации для Андерсона фикция или фальсификация. Это новый способ связывать воедино большие группы людей, между которыми не возможны личные связи, это способ соединить в единое целое пространство, время и человеческую солидарность. Также как и большинство философов, придерживающихся модернистских или конструктивистских взглядов, Б. Андерсон относит возникновение наций к XVIII в. Среди главных причин появления этого явления философ выделяет

⁷⁵ Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2007. 136 с.; Гумилёв Л. Н. Этносфера: История людей и история природы. М., 1993. 147 с.

⁷⁶ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. 845 с.

упадок религии, развитие книгопечатания на народных языках и языковую политику государства.

Апологеты же конструктивистского подхода утверждают, что представление о «нации» или «национальной идеи», без которого невозможно появление национализма, было сформировано в результате целенаправленных усилий представителей интеллектуальной или властной элиты. Наиболее известными представителями данной концепции являются Э. Геллнер⁷⁷, Э. Хобсбаум⁷⁸, У. Альтерматт⁷⁹, И. Валлерстайн и Э. Балибар⁸⁰.

По мнению Э. Хобсбаума «нации» в современном понимании этого слова возникают не раньше XVIII в., причем ведущую роль в национальной консолидации играет государство. Исследователь обращает внимание на то, что в конце XVIII – XIX в. государство начало постоянно вторгаться в жизнь человека посредством обязательного начального образования, призыва на военную службу, проведения всеобщих переписей. Со временем, с появлением государственной регистрации рождения, смерти, брачных отношений это вмешательство становилось все сильнее, затрагивая самые интимные аспекты жизни человека. В этой ситуации перед государством встала главная проблема, как обеспечить преданность гражданина государству, без которой невозможно такое вмешательство в жизнь каждого человека. Причем, в этот же период, как замечает Э. Хобсбаум, постепенно начинают уходить в прошлое традиционные представления, гарантирующие верность государству (например, религиозное или династическое обоснование необходимости хранить верность монарху, олицетворяющему страну). Поэтому политическая элита начинает создавать представление о «национальной» идентичности как основу для сплочения общества и обеспечения верности государству, олицетворяющему эту нацию. Хобсбаум, в отличие от других конструктивистов, не отрицает существование

⁷⁷ Геллнер Э. Пришествие национализма. // Нации и национализм. М., 2002.

⁷⁸ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб., 1998. 477 с.; Он же: Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе. // Нации и национализм. М., 2002. 332-346

⁷⁹ Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. М., 2000. 366 с.

⁸⁰ Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М., 2004. 658 с.

«протонаций» и роль связанных с ними символов и традиций в формировании «наций». Более того, исследователь признает, что в основе большинства национальных церемоний и символов лежат элементы народной культуры. Создавая «нацию», политическая элита создает и национализм, усиливая патриотизм символами «воображаемого сообщества», как Э. Хобсбаум, вслед за Андерсоном, называет нацию.

С другой стороны, такой исследователь как Э. Геллнер напрямую связывает возникновение представления о национальной общности со становлением индустриального общества. Дело в том, что такое общество, благодаря распространению сложных, наукоемких технологий, требует от человека приобщения к определенной культуре, определенной письменности, определенному языку. Такое общество, в отличие от предшествующего ему аграрного, не терпит уже различные диалекты, субкультуры в своем составе, потому что это ведет к снижению эффективности работника. Культура, пронизывающая индустриальное общество, культура особого рода – «она подчинена сложной системе норм и стандартов. Ее распространение требует неординарных усилий в области обучения, и действительно, в этом обществе последовательно и практически полно осуществлен идеал универсального образования»⁸¹. В индустриальном обществе одной из главных задач государства является именно распространение такой культуры через систему образования. В результате общество гомогенизируется, возникает модель – «одно государства – одна культура», а из нее вытекает обратный вывод: каждой культуре – свое государство. Следующим шагом в данной логической цепочке становится осознание обществом необходимости борьбы за свою монокультурную государственность. Причем, чем выше уровень индустриализации в данном государстве, тем быстрее идут эти процессы. Аграрное общество, как пишет Геллнер, не склонно к национализму. Безусловно, основой для конструирования такой универсальной культуры становится прошлое. Зачастую в основу единой культуры зарождающейся

⁸¹Там же... С. 159.

или борющейся за свои права нации ложится мифологизированный образ национального прошлого. Как и произошло в 80-ые гг. XX в. в Сербии, когда место традиционного для Социалистической Югославии взгляда на прошлое в массовом сознании заняла во многом преувеличенная и мифологизированная ментальная матрица исторического прошлого сербского народа.

В контексте проблематики данной работы особой значимостью обладает проблематика генезиса сербской национальной идеи, в частности так называемого «сербского вопроса». Проблеме возникновения нации и национализма в Юго-Восточной Европе посвящены работы Х. Арендт⁸² М. Хроха⁸³ и С.А. Романенко⁸⁴. Для Х. Арендт проблема возникновения национализма в Юго-Восточной и Восточной Европе органично вписывается в проблему тоталитаризма. Философ не рассматривает проблематику национализма специально, вписывая ее в рассуждения о сущности тоталитаризма. В то время как работы М. Хроха и С.А. Романенко посвящены исключительно интересующей нас проблематике. Оба автора предлагают теоретические схемы генезиса национализма, в основе которых лежит изучение этого феномена на Балканах. Причем, как отмечал М. Хрох на Балканах особую роль в конструировании нации и создании националистической идеологии играли интеллектуалы, которые, формулируя и распространяя «языковые, культурные, социальные и исторические черты»⁸⁵ будущей нации, закладывали этим фундамент для последующего объединения. А в дальнейшем эти, как отмечал М. Хрох, часто мифологизированные представления неизбежно ложились в основу появляющейся национально-ориентированной идеологической платформы.

⁸² Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996. 521 с.

⁸³ Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации М.: Праксис, 2002. С. 121-145

⁸⁴ Романенко С.А. «Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством». Российско–югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе (начало XX века – 1991 год)». М., 2011.

⁸⁵ Хрох М...С. 127.

Особое внимание в рамках данной работы необходимо уделить концепту «сербский вопрос». Большинство исследователей видят корни возникновения этого концепта в политической программе министра внутренних дел Княжества Сербия во время правления Милоша Обреновича Илии Гарашанина «Начертание», созданной в 1844 г. И. Гарашанин предполагал, что будущая сербская держава должна распространиться на все территории, населенные сербами⁸⁶. Политическая программа И. Гарашанина представляла собой развитие идей многих сербских мыслителей того периода. В первую очередь, в основу программы легли идеи Вука Караджича, изложенные в предисловии к его сочинению «Черногория и Бока Которска» — «Сербы везде и повсюду» 1836 г., опубликованному в альманахе «Ковчег»⁸⁷. Особенность этой программы в том, что она впервые в Юго-Восточной Европе декларировала единство не по религиозному, а по национальному, языковому принципу. Программы В. Караджича и И. Гарашанина предполагали объединение сербского народа в одно независимое государство, что неминуемо приводило к нарушению границ уже существующих государств. Кроме того, из-за этнической чересполосицы, характерной для данного региона, подобная цель не могла не войти в противоречие с правами и стремлениями других наций.

Стремление к объединению в рамках одного государства было одним из элементов концепта «сербского вопроса». Позже, после возникновения единого югославского государства, идея объединения трансформировалась в представление о том, что сербы пожертвовали своей государственностью ради создания югославского государства. Кроме того, к нему добавился тезис о постоянной и беспричинной ненависти, которую испытывают к сербам соседние народы, несмотря на огромные исторические заслуги сербов перед ними. Именно стремление к объединению в рамках одного государства, несмотря на невозможность мирной реализации этой цели, которое было

⁸⁶ Љушић Р. Српска, великосрпска и југословенска државна политика Србије (1804 – 1918)//Велика Србија: истине, заблуде, злоупотребе /под ред. В. Крстић, М. Неђић. Београд 2003. С. 287 – 315.

⁸⁷ По Љушић Р. Српска, великосрпска и југословенска државна политика Србије (1804 – 1918) // Велика Србија: истине, заблуде, злоупотребе /под ред. В. Крстић, М. Неђић. Београд 2003. С. 248.

заложено как в «сербском вопросе» XIX в., так и в идеях Д. Чосича и близких к нему интеллектуалов, позволило ряду западных исследователей оценить его как националистический⁸⁸.

Помимо рассмотренных выше концептов, особенности объекта изучения данной работы требуют остановиться на понятии «элита» в целом и «интеллектуальная элита» в частности.

Основоположниками современной элитологии являются такие исследователи, как Г. Моски, В. Парето, М. Вебер, Р. Михельс и другие. Большинство этих исследователей определяет «элиту» как «социальную группу, составляющую меньшинство общества, являющуюся субъектом принятия стратегически важных решений и обладающую для этого необходимым как статусным, так и в идеале личностно-профессиональным потенциалом»⁸⁹. Но мы можем увидеть, что данное определение характерно скорее для властной элиты, чем для интеллектуальной, которая стала объектом исследования в данной работе. Данное противоречие, видимо, можно объяснить тем, что умножение дифференции элит происходит только в Новейшее время. До этого периода элиты различных стран были относительно гомогенны и действительно ограничивались политической составляющей⁹⁰. Об этом говорит и Р. Арон, когда в статье «Опиум интеллектуалов» утверждает, что «эксперты и литераторы не всегда представляли собой своего рода квазиреспублики, ревниво оберегающие свою независимость. Столетиями они были духовно неотделимы от духовенства, т.е. от тех, кто был призван поддерживать или интерпретировать церковные и государственные верования»⁹¹. Таким образом, мы можем увидеть, что как отдельная, независимая категория

⁸⁸ Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. М., 2000; 366 с. Неймарк Н. Пламя ненависти. М.;СПб., 2005. 356 с.

⁸⁹ Сергеев Е.Ю. Современное элитоведение: итоги и перспективы. // Элиты и лидеры: традиционализм и новаторство. М., 2007. С. 7 – 22.

⁹⁰ Дюма Ж. Об изучении элит в современной историографии. // Французский ежегодник М., 2001. С. 56 - 67

⁹¹ Арон Р. Опиум интеллектуалов. // Логос. URL: [http:// www. ruthenia. ru/logos/number/51/10.pdf](http://www.ruthenia.ru/logos/number/51/10.pdf) (дата обращения: 15.05.2006).

«интеллектуальная элита» выделилась относительно недавно, но долгое время существовала в рамках «религиозной элиты».

На основании рассуждений Р. Арона и других социологов, исследователей можно выделить ряд признаков, характерных для интеллектуальной элиты. Именно эти признаки лежат в основе конкретизации объекта данного исследования. К таким признакам относится, во-первых, критическое мышления, способное вывести рассуждения интеллектуала в ходе анализа окружающей его действительности за рамки официальной идеологии. Во-вторых, это наличие высокого уровня образования, которое проявляется в их способности к объективному анализу окружающей действительности, системному подходу к ней. В-третьих, именно интеллектуальная элита является основным генератором и распространителем знаний, идей и оценок. Отдельной проблемой является разграничение «партийно-политической» и «интеллектуальной» элит в Социалистической Югославии. Подробно эту проблему рассмотрел в своей статье В. Гоати⁹². Исследователь отметил, что в случае с СФРЮ, как и с другими социалистическими странами, возникает соблазн отнести к политической элите всех членов правящей партии. Но, так как членство в ней являлось практически обязательным условием успешной карьеры, то этот тезис является неверным. Поэтому В. Гоати предлагает относить к политической элите людей «которые занимают важнейшие посты в правящей коммунистической партии (СКЮ), государстве и других общественных организациях: Социалистическом Союзе трудового народа, Омладине»⁹³. Это наблюдение В. Гоати, а также критерии, сформулированные на основании рассуждений Р. Арона, были использованы в данной работе для дифференциации действующей лиц югославской общественной и политической жизни и выделения категории «интеллектуальной элиты».

⁹² Goati V. Politicke elite, gradjanski rat i raspad SFRJ // Ogleđi sept 1996.

⁹³ Ibid ... S. 3

Для данной работы важным является определить термин «либерализм». В этом случае автор будет исходить не из классического понимания этого явления, а из тех традиций, которые сложились в политической теории и практики социалистической Югославии. В основе нашего понимания понятия «либерализм» лежит определение, которое приводит в своей монографии С.А. Романенко ««либералами» называли коммунистов — сторонников ослабления тоталитаризма (авторитаризма) и репрессивной политики, введения ограниченных гражданских свобод, распространения рыночных принципов в экономике и т.д.»⁹⁴. Безусловно, в данном случае происходит некоторое искажение понятия «либерализм», и югославские «либералы» не являлись «либералами» в классическом понимании этого термина. Скорее можно говорить про них как про «коммунистов–реформаторов». Но в югославских документах люди, придерживающиеся и пропагандирующие подобные взгляды, дифференцируются именно как «либералы», поэтому автор считает возможным сделать подобное допущение, полностью осознавая его ограниченность территориальными и хронологическими рамками.

Научная новизна работы

Научная новизна работы заключается в том, что она является первой попыткой создания специального исследования идеологии сербской интеллектуальной оппозиции и ее влияния на генезис системного кризиса 80-х гг. XX в. в Югославии и последующий трагический распад страны. Кроме того, для реализации поставленной цели в исследовании были использованы источники, ранее не находившие применения в работах российских историков. Речь идет о литературных произведениях сербских интеллектуалов. Такие важнейшие источники как «Белая книга» и «Меморандум Сербской академии наук и искусств 1986 г.» до сих пор не становились предметом специального исследования в отечественной

⁹⁴ Романенко С.А. Между "Пролетарским интернационализмом" и "Славянским братством": Российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе. Начало XX в. - 1991 год. М., 2011. С. 729.

историографии, хотя упоминались в трудах историков, посвященных последнему югославскому кризису.

Апробация основных результатов данного исследования

В ходе проведения данного исследования автором было опубликовано девятнадцать статей, в том числе три, размещенные в изданиях, рекомендованных в списке ВАК⁹⁵. За время проведения исследования автор принял участие в шести международных⁹⁶, шести всероссийских⁹⁷ и четырех региональных⁹⁸ научных конференциях, на которых представил доклады, посвященные различным аспектам возникновения и развития идеологии сербской критической интеллигенции в 60-е – 80-е гг. XX вв., а также ее влияния на процессы, происходившие во внутривосточной жизни страны.

Практическая значимость

Результаты исследования могут стать основой для разработки специального курса, посвященного идеологии интеллектуальной элиты или системному кризису и распаду Югославии. Кроме того, выводы, сделанные в рамках работы, могут быть использованы для написания пособий и составления цикла лекций для общих лекционных курсов, посвященных новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы, в том числе новейшей истории Балкан. Материалы данного исследования могут быть использованы в рамках специальных курсов, посвященных Балканскому кризису и распаду Социалистической Югославии, социальной, культурной и

⁹⁵ Городецкая Н.Б. Югославия на рубеже 1960-х – 1970-х гг: путь к системному кризису // Известия УрФУ. 2013. Серия 2. № 3. С.155 – 163. Городецкая Н.Б. «Белая книга» 1984 г. как свидетельство углубления системного кризиса в Югославии. // Известия УрФУ. 2014. Серия 2. № 1. С. 140 – 149. Городецкая Н.Б. Меморандум Сербской академии наук и искусств 1986 года: к вопросу о проблемах интерпретации. // История. Электронный научно-образовательный журнал. 2013. № 5.

⁹⁶ Славянские диалоги на границе Европы и Азии. Историческая память: арена войны «национальных историй» или основа для диалога и взаимопонимания. Екатеринбург, 23 – 24 ноября 2012 г. Историк, текст, эпоха. IV Международная научно-практическая конференция Уральского отделения Российского общества интеллектуальной истории. Екатеринбург 16 – 18 марта 2012 г. Северные рубежи истории. Сургут 1 – 3 марта 2012 г. Студент и научно – технический прогресс. Новосибирск 10 – 14 апреля 2010 г., 16 – 20 апреля 2011 г., 13 – 19 апреля 2012 г.

⁹⁷ Мир истории: новые горизонты. От источника к исследованию. Екатеринбург октября 2011 г. Мир в новое время. Санкт-Петербург 21 марта 2009 г. Актуальные проблемы современной исторической науки и образования. Нижний Тагил 19 – 20 февраля 2010 г. Диалог культур и цивилизаций. Тобольск 4 – 5 марта 2011 г., 16 – 17 марта 2012 г. Лаборатория историка. Источник и метод. Москва 21 – 22 ноября 2012 г.

⁹⁸ Стратегии стабилизации и опыты обновления в мировой истории. Екатеринбург 30 октября 2010 г. Личность, общество государство. Екатеринбург 31 октября 2009 г. Шаг в историческую науку Екатеринбург 29 апреля 2010 г. Седьмые Научные чтения памяти профессора А.И. Озолина. Саратов 8 февраля 2013 г.

интеллектуальной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы XX в.

Структура исследования

Диссертация включает в себя введение, три главы, разделенные на параграфы, которые в свою очередь в двух главах подразделяются на разделы, заключения, списка использованных источников и литературы и списка сокращений.

Научные положения, выносимые на защиту

1. В 60-е гг. XX в. в Социалистической Югославии в целом и в республике Сербии в частности, в результате внутривластного кризиса и сложной внешнеполитической обстановке конца 40-ых гг. сложилась атмосфера снисходительного отношения к критической интеллигенции, что привело к распространению в этой среде трех дискурсов, противоречащих официальной идеологии: национализма, либерализма и сталинизма. Основное внимание партийных идеологов было направлено на борьбу со сталинизмом, который проявился в общественном сознании ярче всего.
2. В 70-е гг. XX в. в результате глубокого общественно-политического кризиса в Югославии в очередной раз изменилось отношение к инакомыслящим интеллектуалам. Это выразилось в закрытии журнала «Праксис» и "чистке" гуманитарных факультетов Белградского университета. Эти события привели к распаду альянса партийно-политической и интеллектуальной элиты, который существовал в 60-е гг. XX в. В большей степени от чисток и давления пострадало либеральное направление оппозиционной мысли. Часть интеллектуалов лишились работы, некоторые пересмотрели свои взгляды, а наиболее яркие представители были вынуждены эмигрировать. При этом изменение юридического положения республик в результате принятия новой Конституции 1974 г. и последовавший за этим процесс становления

этнократических кланов создали благоприятную почву для развития националистической идеологии.

3. В середине 1970-х гг. в СФРЮ завершился процесс смены генерации партократии, начавшийся еще в середине 1960-х гг. На место уходящего со сцены поколения ровесников Тито, его соратников по партизанской борьбе, пришла молодая генерация «технократов», которые, будучи ориентированны на преодоление кризисных явлений в жизни страны, оказались неспособны к идеологическому творчеству, реформированию идеологии страны в тесном сотрудничестве с интеллектуалами. В 80-е гг. их амбивалентность создала поле для оформления интеллектуальной оппозиции и распространения ее идеологического дискурса среди населения.
4. В середине 80-х гг. XX в. происходит окончательная систематизация идеологического дискурса национально-ориентированной оппозиционно настроенной интеллектуальной элиты, символом чего стала публикация Меморандума САНИ в 1986 г. Это подтолкнуло процесс организационного становления интеллектуальной оппозиции.
5. Идеологическое становление интеллектуальной элиты в рассматриваемый период прошло несколько этапов. Первый этап ограничивается 1960-и гг. Этот период характеризуется первыми сомнениями в существующей идеологии в среде интеллектуалов, появлением интереса и началом изучения альтернативных теорий общественного и экономического развития. На данном этапе интеллектуалами еще не сформулированы какие-либо реформистские предложения и, конечно, не возникло еще стремление отказаться от идеологии «самоуправленческого социализма» и «югославизма». Второй этап – это период конца 1960-х – середины 1970-х гг. Важными событиями, ограничивающими этот период, являются студенческие выступления в Белградском

университете 1968 г. и принятие новой Конституции Югославии 1974 г. Наиболее важной составляющей данного этапа развития идеологии критически настроенных интеллектуалов следует считать их раскол на либеральное (в югославском понимании этого термина) и национально-ориентированное крыло. Третьим, и завершающим, этапом оформления идеологии сербской интеллектуальной оппозиции был период 80-х гг. XX в., когда идеология национально-ориентированной части интеллектуалов была окончательно сформирована и началось ее быстрое и эффективное распространение в республике Сербии.

1. Формирование критической интеллигенции в 60-е годы XX в.

1.1. Причины и предпосылки формирования критической интеллигенции в 60-е гг. XX в.

1.1.1. Интеллектуальная свобода, как предпосылка формирования критической интеллектуальной элиты

60-е гг. XX в. в СФРЮ были отмечены интеллектуальной свободой, стали, по выражению Ясны Драгович – Сосо, «золотым веком»¹ для развития философии, литературы, искусства. В этот период власть позволила интеллектуалам беспрецедентный для Югославии и тем более для других стран «социалистического лагеря» уровень свободы мысли, свободы творчества.

Эта степень свободы была достигнута во многом благодаря событиям предшествующего периода конца 40-х – середины 50-х гг. Очевидно, что именно внешнеполитический конфликт Советского Союза и Социалистической Югославии, произошедший в конце 40-х гг. XX в., и последовавшее вслед за этим внедрение идеологии «самоуправленческого социализма» с одной стороны и репрессий против т.н. «информбюровцев» с другой, а также события, связанные с т.н. «делом Джиласа», послужили основанием для более снисходительного отношения партийно-политической элиты к югославским интеллектуалам. Партийно-политической элите показалось, что таким образом с врагами существующей идеологии будет покончено, а оставшиеся интеллектуалы неопасны.

Внешнеполитический конфликт СССР и Югославии принял открытый характер после II совещания Коминформбюро, посвященного вопросу Югославии 19 – 23 июня 1948 г. В резолюции совещания утверждалось, что «в руководстве КПЮ в последние 5 — 6 месяцев открыто возобладали националистические элементы, имевшиеся ранее в скрытом виде, что

¹ Dragović–Soso J. Spasioci nacije: intelektualna opozicija Srbije i oživljavanje nacionalizma. Beograd, 2004. С. 151.

руководство КПЮ... встало на путь национализма»². Кроме национализма, югославское руководство обвинялось в том, что оно «за последние время проводит в основных вопросах внешней и внутренней политики неправильную линию, представляющую отход от марксизма – ленинизма»³.

В контексте выявления причин снисходительности югославской партийно–политической элиты к критически настроенным интеллектуалам, подробное изложение сути конфликта представляется нецелесообразным. Но огромное значение имеют последствия этого конфликта для внутривластного развития Югославии.

Дело в том, что до разрыва отношений, Советский Союз и страны социалистического лагеря являлись важнейшими экономическими партнерами югославского государства. После начала открытого противостояния Югославия оказалась фактически в экономической блокаде. А «вследствие советской блокады Югославия, во-первых, недополучила 95% предусмотренных кредитов, а во-вторых, упал объем ее внешнеторгового оборота»⁴. В первый период после начала блокады руководство ФНРЮ продолжало хозяйствование теми же методами, что и до разрыва с Советским Союзом. Продолжалось строительство промышленных объектов, предусмотренных пятилетним планом, создание в селах сельскохозяйственных «задруг». Но «выполнение заданий пятилетнего плана происходило, прежде всего, благодаря усилиям и серьезным жертвам населения»⁵. Иосип Броз Тито прекрасно понимал, что выстоять в противостоянии с Советским Союзом в одиночку ему не удастся ни с экономической, ни с военной точки зрения. Поэтому необходимостью для Югославии стала нормализация отношений со странами Запада. Вероятно, именно поэтому после периода усиления давления на общество во время

² По Едемский А.Б. От конфликта к нормализации. Советско – югославские отношения в 1953 – 1956 годах. М.: Наука, С 30 – 31.

³ Гибианский Л.Я. Из друзей – во враги: конфликт с Кремлем (1948 – 1949) // Югославия в XX веке. Очерки политической истории. Отв. Ред. К.В. Никифоров. М., 2011. С 583.

⁴ Шахин Ю.В. Югославия на пути модернизации: 1947 – 1961 гг. М., 2008. С. 80.

⁵ Едемский А.Б. Югославия в 50-ые годы: в поисках «аутентичного» марксизма// Югославия в XX веке. Очерки политической истории. Отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2011. С 596.

репрессий против т.н. «информбюровцев», с целью укрепления власти КПЮ и лично Иосипа Броз Тито, руководство пошло на либерализацию общественной жизни. Без подобной либерализации режима, в частности в отношении к свободе слова, свободе мысли, нормализация отношений с Западом проходила бы сложнее.

Кроме того, конфликт с Советским Союзом привел к появлению еще одного фактора либерализации режима. Отказ Югославии следовать в фарватере политики СССР потребовал разработки другой, новой, непохожей на советскую идеологии, в основе которой лежали бы идеи раннего или, как называли его югославские идеологи, «аутентичного» марксизма. Марксизма, по мнению югославских идеологов, «правильного», истинного, без искажений и деформаций, в отличие от советского варианта. Позже сам Э. Кардель в выступлении на расширенном заседании Межобщинной конференции Союза коммунистов по Герцеговине, состоявшейся 16 сентября 1972 г., вспоминая конфликт со Сталиным, подчеркивал, что «в то время (в 1948 г. – *Н.Г.*) мы обратились к самим себе, к анализу не только советского общества. Мы выявили причины этого конфликта и в нашем обществе, т.е. в самой КПЮ, вернее в тенденциях бюрократизма, срастания партийного аппарата с государственным аппаратом и аппаратом в народном хозяйстве, а также и в самой структуре нашего общества – в способе управления все более развитыми производственными силами и общественным капиталом, в способе распределения дохода, в роли государства и т.д.»⁶

Такой идеологией стала теория «самоуправленческого социализма». Главными разработчиками этой модели были Э. Кардель и Б. Кидрич. В основе сформулированного «аутентичного социализма, именуемого для краткости и ясности «югославским социализмом»⁷, лежал тезис К. Маркса об отмирании государства на пути движения к коммунизму.

⁶ Выступление тов. Э.Карделя на расширенном заседании межобщинной конференции Союза коммунистов по Герцеговине, состоявшейся в Мостаре 16 сентября 1972 года // Идейное и политическое наступление СКЮ. Выступления тов. Тито, Карделя и Доланца. Белград, 1977. С. 26.

⁷ Едемский А.Б. Указ соч... С 603.

На практике система самоуправления начала внедряться в жизнь в 1950 г. с принятия закона «об управлении государственными хозяйственными предприятиями со стороны трудовых коллективов»⁸. Согласно этому закону, жесткое государственное планирование было заменено планированием основных пропорций в производстве, а трудовые коллективы теперь могли сами принимать решения об определении доли прибыли предприятия, идущей на развитие производства и в фонд заработной платы.

В 60-е гг. концепция «самоуправленческого социализма» продолжала развиваться во многом благодаря Э. Карделю, который вплоть до 1966 г. входил, наряду с А. Ранковичем, в число самых влиятельных партийных функционеров. Причем «самоуправленческий социализм» внедрялся не только в экономику, но и во все сферы жизни страны. Более того, к этому времени идеология «самоуправленческого социализма» уже успела стать своеобразным фетишем Югославии, тем, что отличало ее от всех других стран, символом ее независимости, ее особой позиции в блоковом противостоянии Советского Союза и Соединенных Штатов Америки. Таким фетишем «самоуправленческий социализм» оставался вплоть до распада страны. В частности, об этом свидетельствует статья «Единство практики и мысли. В честь семидесятилетия Эдварда Карделя» Томислава Огняновича, опубликованная в газете «Литературное обозрение» за 9 февраля 1980 г. В этой статье, посвященной юбилею Э. Карделя и открытию научного центра «Теории и практики самоуправления» в Любляне, в превосходной степени описываются теоретические достижения Карделя в развитии марксистской мысли, которые вылились в практическую жизнь и заложили основу «конституирования Югославской федерации»⁹.

Одной из особенностей идеологии самоуправленческого социализма была «обязательная критика и самокритика»¹⁰. Критика и самокритика вообще были важнейшим элементом югославской внутрипартийной жизни. Иосип

⁸ Там же... С 604.

⁹ Огњановић Т. Јединство праксе и мисли. Уз 70-годишњицу рођења Е.Карделя. // Књижевне новине 1980 9. септ. С. 2

¹⁰ Jović D. Jugoslavija: drzava koja je odumrla: uspon, kriza i pad Kardeljeve Jugoslavije. Zagreb, 2003. С. 158

Броз Тито нередко в своих речах и выступлениях подчеркивал ее важность и необходимость для коммунистов. Например, в беседе с членами Президиума Союза журналистов Югославии Тито резко критически высказался в адрес тех коммунистов, которые отказываются воспринимать критику в свой адрес. «В СКЮ, в Социалистическом Союзе должен царить социалистический дух, нужна смелая критика, между тем у нас вошло в привычку, что люди ужасно оскорбляются из-за критики ... Это недостойно коммуниста»¹¹. Или в выступлении на собрании руководства актива Социалистической республики Сербии Тито подчеркивал, что «общеизвестно, что критика и самокритика является в нашей партии решающим фактором, особенно в тех случаях, когда происходят некоторые кризисы и появляется необходимость укрепить единство», «самокритика оказывает воспитательное действие и укрепляет облик коммуниста, облик революции»¹². Когда со стороны интеллектуалов стала звучать критика некоторых сторон жизни в стране, то она хорошо подошла как раз под это положение идеологической концепции. И это, очевидно, способствовало снисходительному отношению к подобной критике со стороны партноменклатуры.

Таким образом, конфликт с Советским Союзом серьезнейшим образом повлиял на внутреннюю политику Югославии. И, вероятно, именно эти изменения во внутренней жизни стали причинами начала «золотого века», века свободы в интеллектуальной жизни Югославии.

Еще одним немаловажным фактором стало то, что к началу 60-х гг. XX в. в прошлое ушли два самых серьезных и значимых судебных процесса Югославии, которые завершились массовыми репрессиями (дело «информбюровцев») и расколом правящей элиты («дело Джиласа»).

Репрессии против «информбюровцев» связаны с внешнеполитическим конфликтом Иосифа Сталина и Иосипа Броз Тито. «Информбюровцами» в

¹¹ Наша печать – один из основных факторов формирования и распространения социализма (беседа президента Тито с членами президиума Союза журналистов Югославии). // Речи президента Тито. Возвращение из СССР. В Железнике. Новогоднее послание. Беседа с журналистами. Београд. 1963. С. 43.

¹² Выступление президента Республики Й.Броз Тито на собрании руководства актива Социалистической республики Сербия, состоявшегося 16 октября 1972 года. // Идейное и политическое наступление СКЮ. Выступления тов. Тито, Карделя и Доланца. Белград, 1977. С. 102.

Югославии называли тех, кто отказался признавать, что в конфликте 1948 г. неправым оказался именно Советский Союз. Такие люди подверглись судебным преследованиям, многие из них были сосланы в концлагерь на Голом острове. Причем «репрессии против информбюровцев были в значительной степени превентивными»¹³ и массовыми. По данным Ю.В. Шахина, автора монографии «Югославия на пути к модернизации: 1947 – 1961 гг.» репрессии были массовыми, хотя расстрелов практически не происходило. За весь период борьбы с информбюровцами «количество казненных исчисляется единицами. Зато через лагеря и тюрьмы по разным оценкам прошло от 15 до 60 тыс. человек»¹⁴.

Судьба этих людей оказалась трагической. Условия жизни и работы в лагере на Голом острове были ужасны. Как пишет Драган Маркович, автор книги «Правда о Голом острове», отрывки из которой были опубликованы в газете НИН в 1986 г., «прибывших в этот лагерь ожидали «воспитательные меры», тяжелая физическая работа на голом каменистом острове под палящим солнцем, жажда и многие другие испытания»¹⁵. От опасности быть подвергнутым репрессиям «информбюровцев» не спасали ни довоенный партийный стаж, ни заслуги во время Второй мировой войны, ни родство с героями партизанского движения.

Репрессии против «информбюровцев» были настолько решительными, а наказание настолько суровым, что позволили И. Броз Тито очень быстро и эффективно подавить возможное недовольство в стране и добиться практически всенародной поддержки своей политике. Но уже в начале 50-х гг. начался процесс реабилитации «информбюровцев» и их постепенное освобождение. Так что к началу 1960-х гг. история массовых репрессий в Югославии стала забываться, постепенно переходя в разряд табуированных тем югославской исторической науки.

¹³ Шахин Ю.В. Югославия на пути модернизации: 1947 – 1961 гг. М., 2008. С. 84.

¹⁴ Там же... 84.

¹⁵ Марковић Д. Истина о «Голом оттоку». // НИН 1986. 28 дец. С. 49.

С другой стороны, к началу 1960-х гг. уходило в прошлое и «дело Джиласа».

Милован Джилас вплоть до 1953 г. был одним из главных идеологов партии. «Джилас был одним из четырех вождей (Тито, Кардель, Ранкович, Джилас), идеолог, шеф Агитпропа, председатель Скупщины Югославии»¹⁶. Но в 1954 г. он опубликовал в газете «Борьба» серию статей, в которых «Джилас подверг критике создавшее положение в Югославии и попытался предложить пути и способы дальнейших действий»¹⁷. 10 января 1954 г. была опубликована статья Джиласа «Анатомия одной морали», а уже 17 января 1954 г. он «был исключен из ЦК Югославии и смещен со всех своих постов»¹⁸. Уже в 1955 г. Джилас был осужден на «три года заключения за «компрометирующие заявления»¹⁹, в 1956 г. осужден за критику югославского руководства. В 1957 г. Джилас опубликовал за границей свою книгу «Лицо тоталитаризма», в которой обвинил современный коммунизм и коммунистические партии, в том числе югославскую в «претензиях ... на пусть не абсолютную, но все же величайшую научность, основанную якобы на диалектике и материализме, в которой кроется зародыш его деспотизма»²⁰. Естественно, вслед за этой публикацией последовал очередной приговор и окончательный разрыв отношений Джиласа с партийно-политической элитой.

Важно то, что «дело Джиласа» - это фактически первый в истории послевоенной Югославии случай раскола правящей элиты и исключения из ее рядов влиятельнейшего члена. Более того, это практически единственный случай в истории послевоенной Югославии, когда партийного функционера такого высокого уровня приговорили к тюремному заключению. Следующий случай изгнания с «политического Олимпа» произойдет практически через

¹⁶ Букић С. Политичко гробље. Београд, 2010. С. 73.

¹⁷ Едемский А.Б. Указ соч... С. 612.

¹⁸ Букић С. Указ соч... С. 74.

¹⁹ Там же... С. 74.

²⁰ Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 165

десять лет, на Брионском пленуме 1966 г. с Александром Ранковичем. Но он не закончился тюремным заключением.

Безусловно, «дело Джиласа» должно было произвести огромное впечатление на партийно-политическую элиту. Как и репрессии против «информбюровцев», оно наглядно продемонстрировало, что ради сохранения собственной власти И. Броз Тито готов пойти на самые жесткие меры, невзирая на личность и былые заслуги потенциального врага. Точно также, как и репрессии против «информбюровцев», к началу 1960-х гг. «дело Джиласа» постепенно стало уходить в прошлое, забываться. А других настолько серьезных дел, угрожающих положению не только рядовых членов партийно-политической элиты, но и самых влиятельных представителей партноменклатуры, не было. Вероятно, поэтому номенклатура почувствовала себя в безопасности и ослабила контроль над обществом в целом и над интеллектуалами в частности.

Таким образом, относительно стабильная экономическая и внутривнутриполитическая ситуация, отсутствие угрозы потери привилегированного положения в результате репрессий, привели к появлению у партийно-политического руководства ощущения безопасности. Что, на фоне улучшений отношений с Западом, формулированием идеологии «самоуправленческого социализма», содержащей требование «самокритики», привело к либерализации интеллектуальной жизни в стране.

1.1.2. 60-е гг. XX в.: первые проявления кризисных явлений и критики политики СКЮ со стороны интеллектуалов

Кризисные явления в экономике выразились в том, что процесс развития экономики в Югославии был очень противоречивым. Наблюдалась стагнация в системе общественного самоуправления, но самоуправление к этому времени уже стало «фетишем, догмой, святыней, достижением, содержания которого никто не смел касаться»²¹. На стагнацию в системе самоуправления, которая повлекла за собой стагнацию в экономике и замедление экономического роста, наложился кризис югославской государственности, а именно — все большее и большее стремление республик, особенно наиболее развитых — Хорватии и Словении — к самостоятельности. В стремлении достичь экономического суверенитета руководство Хорватии и Словении боролось за централизацию экономических средств в рамках республик, а противодействие этому стремлению со стороны федерального центра и других республик характеризовали как «великодержавный гегемонизм»²².

Самым серьезным проявлением начинавшегося системного кризиса стал раскол политической элиты по вопросу окончательного выбора принципиального варианта дальнейшего развития югославской федерации, который будет лежать в основе ее дальнейшего государственного устройства.

В 60-е гг. в руководстве СФРЮ сложилось две противоборствующие группы. Первая, возглавляемая Э. Карделем и состоящая в основном из словенских и части хорватских политиков, выступала за большую самостоятельность республик, считая, что именно такой путь соответствует движению к коммунизму. Члены этой группы считали, что сильная власть центра не соответствует марксизму, что это приведет к «сталинскому тупику»²³. По мнению Э. Карделя и его единомышленников, центральное руководство не может решить все проблемы Югославии, многие из которых наиболее ярко проявляются именно на местном, республиканском уровне.

²¹ Димић Љ. Историја српске државности. Србија у Југославији. Нови Сад, 2001. С. 435.

²² Подробнее см. Димић Љ. Указ соч...

²³ По Димић Љ. Указ соч... С. 373.

В другую группу входили в основном сербские партийный функционеры и политики, но к ним примыкали руководители и других республик. Её лидерами были А. Ранкович (на тот момент глава Управления государственной безопасности) и П. Стамболич (на тот момент глава Идеологической комиссии ЦК СКЮ). Они выступали за компромиссный путь развития: разумное сочетание централизма и самостоятельности республик. В этом они видели единственно возможный путь преодоления кризисных явлений. А. Ранкович считал, что «руководители ряда республик и автономных краев Сербии угрожают единству страны»²⁴. По мнению П. Стамболича и его единомышленников «появление хозяйственного и политического партикуляризма, рост автаркаризации республиканских экономик противоречит интересам целостности Югославии»²⁵.

Право окончательного выбора между двумя вариантами принадлежало, безусловно, И. Броз Тито. Свое решение он озвучил на IV пленуме Центрального комитета Союза коммунистов Югославии, который состоялся 1 июля 1966 г. на о. Бриони. В своем выступлении И. Броз Тито привел данные о злоупотреблениях в Управлении государственной безопасности, в связи с чем ее шеф А. Ранкович был «устранен из политической жизни Югославии».²⁶ Он не только лишился всех своих постов на союзном и республиканском уровнях, но и «был исключен из членов Союза коммунистов»²⁷. Это знаменовало собой поражение «сербской группы», кардинальную перестановку сил в руководстве республик и автономных краев.

После ухода А. Ранковича с политической арены сербская группировка не могла больше противостоять группе Э. Карделя. Кроме того, на Брионском пленуме Тито явно дал понять, какую группу и соответственно, какой вариант развития страны он поддерживает. Уже в 1967 г. началась

²⁴ По Димић Љ. Указ соч... С. 372.

²⁵ Там же... С 372.

²⁶ Николић «Нико не сме да вас бије»: Слободан Милошевић у Косову Пољу 24 – 25 април 1987: историја и легенда. Београд, 2006. с. 11

²⁷ Zapisnik sa četrdeset prve sednice Izvršnog komiteta Centralnog komiteta Saveza komunista Jugoslavije od 4. juna 1968. godine // АЈ. Ф. 507. Оп. IV/41. Ед. хр. Prilog 1

Конституционная реформа, которая закончилась принятием новой Конституции Югославии в 1974 г.

Первые конституционные поправки были приняты в 1967 г. Еще в 1964 г. состоялся VIII конгресс СКЮ, на котором впервые после окончания Второй мировой войны был поднят национальный вопрос. На Конгрессе был поставлен вопрос «о связи «бюрократического централизма» с «великодержавным гегемонизмом» и национализмом»²⁸. Конгресс принял решение начать подготовку конституционных поправок с целью побороть данные негативные явления в жизни общества. 17 февраля 1967 г. Палата национальностей парламента СФРЮ выступила с инициативой конституционных изменений. Это было логичное следствие победы на Брионском пленуме группы Карделя. Реформа была продиктована логикой политики осуждения централизма, этатизма, унитаризма, бюрократизма, которую провозгласили на Брионском пленуме. По мнению депутатов Палаты национальностей надо было убрать компромиссные положения из Конституции 1963 г. и уточнить некоторые конституционные принципы. Первые шесть поправок были приняты 18 апреля 1967 г. и касались, во-первых, функций и характера Палаты национальностей, во-вторых, регулировали выборы его членов из состава Союзного правительства, и, в-третьих, были посвящены контролю за средствами федерации и ее правам в области основного законодательства и защиты Конституции и законов. Изменения расширили роль Палаты национальностей Союзного парламента. В ведение Палаты национальностей вошли вопросы, которые касались «равноправия республик, народов, народностей и права, которые Конституция предоставляет республикам»²⁹. Эти поправки ограничили инвестиционные возможности федерации, разделили ответственность в сфере компетенции органов государственной безопасности, ограничили сферу деятельности федеральных органов власти.

²⁸ Димић Љ., Чавошки Й. Политический кризис в Чехословакии и общественная мысль Югославии // 1968 год. «Пражская весна» (историческая ретроспектива) / под ред. Т.В. Волокитиной. М., 2010. С. 287

²⁹ Димић Љ. Указ соч... С. 386.

Государственная структура была нарушена. Расширение прав автономных краев поставило Сербию в неравное положение с другими республиками. Дело в том, что только в состав республики Сербия входили два автономных края – Косово и Метохия и Воеводина. В составе других республик автономных краев не было.

Вторая группа поправок была принята Союзным парламентом 26 декабря 1968 г. Эти поправки определили автономные края как конституционный элемент югославского федерализма. Они привели к ослаблению прав федерации, расширению прав республик, росту самостоятельности автономных краев. Гарантом их прав и автономного положения стала федерация. Края получили судебную, политическую и финансовую автономию, широкие права в организации сил территориальной обороны и государственной безопасности. Их депутаты получили равные права с республиканскими в Палате национальностей.

Таким образом, Брионский пленум ярко продемонстрировал отсутствие единства среди политической элиты. В 1966 г., благодаря огромному политическому влиянию И. Броз Тито этот раскол был не преодолен, но загнан в «подполье».

Решение, принятое на Брионском пленуме в отношении А. Ранковича, привело только к усилению политического кризиса. Выразилось это во-первых в том, что «после падения Александра Ранковича, у Сербии не было вождя серба, в отличие от Хорватии (Владимир Бакарнич), Словении (Эдвард Кардель), Македонии (Лазар Колишевски), Черногории (Светозар Вукманович-Темпо)»³⁰. А во-вторых, после отставки А. Ранковича кардинальным образом меняется ситуация в автономном крае Косово и Метохия.

Еще в начале 60-х гг. в крае обострились межнациональные отношения. В это время начался период активных действий албанцев, направленных на достижение самостоятельности и независимости в рамках югославской

³⁰ Ђукић С. Указ соч... С. 107.

федерации, т.е. изменения статуса КиМ от автономного края к республике. В крае начались провокации и диверсии, осквернялись церковные и культовые памятники, запугивалось православное население. После Брионского пленума и отставки А. Ранковича произошло изменение в руководстве Косово. Уже 12 октября 1966 г. на пленуме краевого комитета Союза коммунистов из состава руководства Косово были исключены сербы, место которых заняли албанцы.

Можно сделать вывод о том, что в 60-е гг. XX в. в Югославии можно наблюдать первые проявления будущего системного кризиса. Это и экономические трудности, и раскол политической элиты, и ухудшение межнациональных отношений, пока еще только в АК Косово и Метохия.

Благодаря политическому авторитету Иосипа Броз Тито, в 60-е гг. эти кризисные явления, в отличие от 80-х гг., не привели к распаду страны. Но именно кризисные моменты этого периода начали критиковать отдельные представители формирующейся сербской интеллектуальной оппозиции. Кроме того, особое внимание в этой критике они обращали именно на проявление неравноправного положения сербов в федерации, которое тоже начало складываться именно в 60-е гг. XX в.

В итоге, очевидно, что к 60-м гг. XX в. в Социалистической Югославии сложились все предпосылки и условия для начала формирования критической интеллигенции. Их основу составили кризисные явления во внутренней жизни страны, ставшие первым предметом критики интеллектуалов, и лояльное отношение партийно-политической элиты к инакомыслящим на данном этапе.

1.2. Основные формы и содержание критических выступлений представителей интеллектуальной элиты Югославии в 60-е гг. XX в.

К началу 60-х гг. XX в. в Социалистической Югославии сложились все предпосылки, необходимые для формирования критической интеллигенции. На этом фоне критически настроенная интеллектуальная элита не могла не появиться.

Несмотря на спокойное отношение власти к интеллектуалам и высокую степень свободы слова и мысли, установившиеся в стране, партноменклатура внимательно отслеживала все события, происходившие в интеллектуальной жизни общества, следила за эволюцией интеллигенции, за настроениями, царившими в этой социальной группе. Ярко свидетельствуют об этом протоколы заседаний Идеологической комиссии Центрального комитета Союза коммунистов Югославии, председателем которой был Петар Стамболич. В этот период критика, исходившая от интеллектуалов, касалась только отдельных, негативных сторон практической жизни общества. Ничего в их критике не оспаривало, ни достижения Югославской революции, ни достоинства И. Броз Тито, как вождя, ни рациональность политики самоуправления.

Необходимо отметить, что Петар Стамболич относился к числу «политических тяжеловесов» Югославии¹. После отставки А. Ранковича он стал самым влиятельным политиком-сербом в стране. Он был членом коммунистической партии с довоенным стажем, активным участником партизанского движения². То, что во главе комитета стоял такой влиятельный человек, подчеркивало высокий статус этого комитета, то внимание, которое уделял этому комитету, и соответственно, вопросам, которые он курировал, И. Броз Тито.

Протоколы заседаний Идеологического комитета ЦК СКЮ позволяют зафиксировать отсутствие идеологического единства в стране и появление

¹ Ђукић С. Политичко гробље. Београд, 2010. С. 96

² Там же... С. 97

недовольства именно среди интеллектуалов. В первую очередь Комитет отслеживал появление критических настроений среди отдельных писателей, журналистов, публицистов.

Например, на заседании Идеологической комиссии 1 марта 1963 г. П. Стамболич отмечал «слабую работу коммунистов, которая приводит к деформации в области культуры»³, что «газеты и журналы, которые специально занимаются вопросами культуры, демонстрируют слабость в анализе проблем и в проведении борьбы с деформациями»⁴. Члены идеологической комиссии подчеркивали, что среди интеллектуалов нет единой линии в критике существующей действительности. «По своему характеру эти деформации могут быть критикой нашей системы либо с либеральных, либо с догматических позиций»⁵.

Критические настроения в основном концентрировались в гуманитарной и творческой среде, но не среди технической интеллигенции. Этому вопросу было посвящено заседание Идеологической комиссии 23 февраля 1962 г. «В основном в дискуссиях участвует общественно-философская интеллигенция, а не представители других интеллектуальных специальностей»⁶. Соответственно, особое внимание Идеологической комиссии ЦК было направлено именно на эти группы интеллектуалов.

Члены Идеологической комиссии внимательно следили за направлениями основных дискуссий, проходивших в среде гуманитарной интеллигенции. Они отмечали неоднородность взглядов интеллектуалов.

Например, по мнению П. Стамболича, «социологи копируют научные дискуссии, которые идут на Западе». В философии «то доминирует абстрактный гуманизм в духе учения Ле Февра и Сартра, то идет откат в догматизм». Необходимо отметить, что «догматизмом» в югославской идеологической практике принято было называть взгляды, близкие к советской, даже сталинской идеологии. Т.е. той идеологии, от которой, как

³ А.Ф. 507. Оп. К-11. Ед. хр. 2-б. С. 2

⁴ А.Ф. № VIII, Оп. №2-б, Ед. хр. 172, С. 58.

⁵ А.Ф. 507. Оп. К-11. Ед. хр. 2-б С. 4

⁶ А.Ф. VIII. Оп. II. Ед. Хр. 2-б-162. С. 9

от искажающей истинный марксизм, идеологи «самоуправленческого социализма» отказались после 1948 г. И «откат в догматизм», и «абстрактный гуманизм» символизируют зарождающиеся в философской среде размышления об «истинности» государственной идеологии.

И среди экономистов не было единства во взглядах. С одной стороны, как отмечалось в протоколе заседания Идеологической комиссии ЦК СКЮ от 1 марта 1963 г., в экономике процветала «защита бюрократизма и государственного капитализма», а с другой, одновременно появлялись «либеральные уклоны» и возникали «теории о развитии капиталистических отношений»⁷. Получается, что экономисты, так же как и философы, размышляли об истинности существующей идеологии в своей научной сфере, рассматривая альтернативные варианты экономической теории.

Вероятно, к стремлению удостовериться в истинности и практической полезности существующей идеологии через сравнение ее с другими, альтернативными взглядами, представителей гуманитарной интеллигенции подтолкнули кризисные явления в экономике Югославии, а также политическая нестабильность, связанная с расколом элит в ходе Брионского пленума.

В этот период Идеологическая комиссия ЦК СКЮ не фиксирует прямую критику существующей идеологии, а только интерес к альтернативным теориям общественно-экономического и политического развития.

Если в среде ученых гуманитариев и обществоведов начинает зарождаться интерес к альтернативным идеологиям, то в среде творческой интеллигенции партийные идеологи фиксировали ярко выраженные критические настроения.

Отклонения от генеральной идеологической линии фиксировались Идеологической комиссией в выступлениях на телевидении, в газетах и журналах, где «дошло до проповеди мелкобуржуазного менталитета»⁸. В

⁷ АЛ. Ф. 507. Оп. К-11. Ед. хр. 2-б. С. 14

⁸ АЛ. Ф. 507. Оп. К-11. Ед. хр. 2-б. С. 21

качестве примера проявлений критических настроений среди интеллектуалов в протоколах заседания Идеологической комиссии приводятся такие произведения, как роман «Последний коктейль» Ч. Миндеровича, романы А. Вука, рассказы писателя Д. Цара. Идеологические деформации отмечались в дискуссии об отечественном кино в журнале «Дело» № 3 от 1961 г. в статье о югославском фестивале короткометражных фильмов, в газете «Студент» № 7 1961 г., в оmlадинском журнале «Поле»⁹.

Следует подчеркнуть, что вышеперечисленные художественные и публицистические произведения представляли собой практически единственный пример, когда члены Идеологической комиссии прямо называли имена критически настроенных интеллектуалов и ссылались на произведения, содержащие критические замечания. В остальных случаях в протоколах фигурировали абстрактные экономисты, философы, социологи, интеллектуалы. Вероятно, это можно объяснить тем, что пока перед членами Идеологической комиссии не ставилась задача предотвращения вышеперечисленных явлений интеллектуальной жизни и наказания интеллектуалов за идеологические отклонения.

При этом далеко не все представители творческой интеллигенции в 60-е гг. допускали «идеологические деформации» и критиковали жизнь в Югославии. Например, VI Конгресс писателей Югославии, по сведениям партийных идеологов, прошел практически без дискуссий и критики. Хотя обратил на себя особое внимание Идеологической комиссии ЦК СКЮ. Об этом свидетельствует то, что, «Информация о шестом конгрессе писателей Югославии (16 – 18 сентября 1961 г.)»¹⁰ стояла первым пунктом в повестке дня заседания Идеологической комиссии ЦК 29 сентября 1961 г. В «Информации...» были подробно проанализированы и подверглись обсуждению речи всех выступавших на конгрессе. Этот конгресс был посвящен 20-летию начала «Народного восстания в Югославии»¹¹. По

⁹ См. А.И. Ф. VIII. Оп. II. Ед. хр. 2-b-161

¹⁰ А.И., Ф. № VIII, Оп. № 2- b, Ед. хр. 159, С. 1 – 3.

¹¹ А.И., Ф. № VIII, Оп. № 2- b, Ед. хр. 159, С. 1

сообщению членов Идеологической комиссии в основном все выступления были посвящены как раз юбилею начала восстания. Так, например, писатель Юре Франичевич-Плочар посвятил свое выступление «литературе в революции и влиянию революции на нашу литературу»¹². Ризо Рамич говорил об образе революции в сербской литературе. Среди выступавших на конгрессе писателей был и Добрица Чосич. «По общему мнению, выступление Чосича ничем не отличалось от других»¹³. В этом выступлении он призвал «бороться с тенденцией, которая привела к уходу на историческую пенсию революции»¹⁴, говорил о том, что многие проблемы в управлении страной сегодня возникают из-за того, что «революционная мысль и практика»¹⁵ ушли в прошлое.

Даже в этот относительно либеральный период в среде партийно-политического руководства страной проявлялось беспокойство по поводу сложившейся ситуации. Об этом говорит и то, что, «...товарищ Тито в этом году говорил о негативных проявлениях в области культуры четыре раза: в г. Железник, в его предновогоднем обращении к народу, на Конгрессе Народной молодёжи и в ряде интервью журналистам»¹⁶. С другой стороны, беспокойство партноменклатуры подчеркивало тот факт, что они особо отмечали количественный рост интеллигенции. «Интеллектуальные работники сегодня общественно-политически не представляют, как некогда представляли, малую группу интеллектуалов»¹⁷. Эту озабоченность вызывало то, что их становилось труднее контролировать, а занятость этой группы в основном в сфере среднего и высшего образования позволяла им распространять свои критические взгляды среди широких масс.

Особое беспокойство среди партийных идеологов вызывало «распространение дискуссии среди культурных деятелей и интеллигенции о

¹² АЈ., Ф. № VIII, Оп. № 2- b, Ед. хр. 159, С. 1

¹³ АЈ., Ф. № VIII, Оп. № 2- b, Ед. хр. 159, С. 2.

¹⁴ АЈ., Ф. № VIII, Оп. № 2- b, Ед. хр. 159, С. 2.

¹⁵ АЈ., Ф. № VIII, Оп. № 2- b, Ед. хр. 159, С. 3.

¹⁶ По АЈ., Ф. № 507, Оп. № К-11, Ед. хр. 2-в, С. 1.

¹⁷ АЈ. Ф. 507. Оп. К-11. Ед. хр. 2-в. С. 7

«национальных мифах» и культурном наследии»¹⁸. Необходимо отметить, что для послевоенной Югославии национальный вопрос был очень тяжелым. Национализм на территории Балкан в XX в. не стал чем-то новым. «На Балканах различные общественные группы (торговцы, буржуазия и неразвитый пролетариат) стремились создать государство, которое обеспечило бы национальное освобождение»¹⁹. Кроме того, на Балканах, как и во всей Европе, всегда существовали противоречия между большими нациями «с долгой государственной традицией (французы, англичане, ... сербы)»²⁰ и малыми нациями «с задержавшейся или неуспешной национальной эмансипацией (баски, каталонцы ... хорваты, мусульмане)»²¹. Эти постоянные противоречия и конфликты обострялись в кризисные этапы истории. Например, Вторая мировая война для народов Югославии фактически превратилась в гражданскую войну между усташами, четниками и партизанами, в межнациональный конфликт сербов и хорватов. После окончания Второй мировой войны и создания новой, социалистической Югославии и усташа, и четники были объявлены военными преступниками. Над лидером четников, генералом Драгомиром Михайловичем, был организован открытый судебный процесс. В 1946 г. генерал Михайлович был расстрелян «по обвинению в коллаборационизме и предательстве национальных интересов»²². После этого, с конца 40-х гг. XX в. югославское руководство взяло курс на замалчивание этих трагических событий, очевидно, с целью предотвратить продолжение межнационального конфликта и обеспечить мирное сосуществование наций. Тема усташей и Независимого государства Хорватии стала табуированной темой в югославской исторической науке.

Одновременно, ради гомогенизации общества, начал реализовываться проект по стиранию национальных различий, превращения всех народов

¹⁸ АЈ. Ф. VIII. Оп. II. Ед. Хр. 2-b-162. С. 14

¹⁹ Kuljić T. Tito. Sociološko istorijska studija. Beograd, 1998.S. 169.

²⁰ Ibid S. 170.

²¹ Ibid S. 170.

²² Мурашко Г.П. Москва и Восточная Европа. Становление режимов Советского типа (1949 – 1953): очерки истории. М., 2002. С. 578.

СФРЮ в единую югославскую нацию. Одним из главных пропагандистов этого процесса был сам И. Броз Тито. В начале конституирования термина «югослав» имелась в виду принадлежность к государственной общности. В речи на VII съезде Народной молодежи в 1963 г. И. Броз Тито, давая определение термину «югослав», отметил, что быть югославом означает «быть гражданином социалистической Югославии»²³. Через некоторое время под «югословенством» стало пониматься наднациональное объединение народов Югославии. В 1969 г. в своей речи в честь пятидесятилетия Люблянского университета Тито уже высказал мысль, что «мы должны больше подчеркивать слово Югославия. Мы – словенцы, хорваты, сербы, македонцы, черногорцы и другие, но все мы одновременно и югославы»²⁴. А уже в 1971 г. во время переписи населения в переписной лист в вопрос о национальности был помещен пункт «югослав». Причем, согласно «Статистическому справочнику Югославии»²⁵ во время этой переписи югославами назвались всего 1,3% жителей страны, а в 1985 г. эта цифра выросла до 5,4%. Эти цифры демонстрируют, что эксперимент по созданию единой югославской нации шел крайне неуспешно. Границы между нациями стереть оказалось крайне трудно.

На фоне всего вышеперечисленного возрождение среди общественно-философской интеллигенции «национально–романтического взгляда на культурное наследие»²⁶ не могло не вызывать беспокойства у партийно-политической элиты.

Таким образом, можно сделать вывод, о том, что в 60-е гг. в интеллектуальной среде Югославии появились критические настроения. Интеллектуалы начали интересоваться альтернативными теориями общественно-политического развития. Скорее всего, это была реакция на первые кризисные явления в экономике и раскол политической элиты.

²³ Из речи на VII съезде народной молодежи Югославии 23 января 1963 г. // Иосип Броз Тито. Избранные статьи и речи. М., 1973. С. 693.

²⁴ Из речи по случаю пятидесятилетия Люблянского университета 11 декабря 1969 г. // Иосип Броз Тито. Избранные статьи и речи. М., 1973. С. 628.

²⁵ Статистический справочник Югославии, 1985 год. Београд: Завод за статистику, 1985. 128 с.

²⁶ А.И. Ф. VIII. Оп. II. Ед. Хр. 2-б-162. С. 17

Безусловно, самым ярким выражением освобождения интеллектуальной жизни стало появление журнала «Праксис».

В 1960 г. в СФРЮ прошла научная конференция философов и социологов, на которой ученые философского факультета Белградского университета впервые вступили в дискуссию с партийными идеологами по вопросу о сущности марксизма. Философы требовали заменить «догматизированный марксизм», лежащий в основе идеологии СФРЮ, «творческим марксизмом», созданным на основе синтеза ранних работ К. Маркса и идей гуманизма. В 1963 г. на острове Корчула прошла летняя школа, которая стала форумом марксистов – гуманистов со всего мира. Работа этой школы до начала 70-х гг. XX в. была регулярной. В ее работе участвовали не только югославские ученые, но и философы со всего мира. Гостями школы в разные периоды были Герберт Маркузе, Эрих Фром, Лешек Калокowski, Эрнест Мандель, Карел Косик и Агнеш Хелер²⁷.

На первой Летней школе 1963 г. было принято решение о создании марксистского философского журнала «Праксис». Его организаторами стала группа профессоров философского факультета Загребского университета. Окончательно редакционный совет оформился в 1966 г. и в него вошли как организаторы журнала, так и философы из Белградского университета. Журнал выходил с 1963 до 1974 г.

В философской науке идеи, которые пропагандировались на страницах журнала «Праксис», принято называть «марксистским или социалистическим гуманизмом»²⁸. В основе идеологии «Праксиса» лежало два важнейших элемента. Во-первых, это категорическое неприятие на теоретическом и политическом уровне «сталинизма и диалектического материализма,

²⁷ Dragović–Soso J. Spasioci nacije: intelektualna opozicija Srbije i oživljavanje nacionalizma. Beograd, 2004 S. 249.

²⁸ Sućeska A. Spekulativnost Praxis – filozofije: pokušaj marksističke kritike // Praxis. Društvena kritika i humanistički socializam. Zbornik radova sa međunarodne konferencije o jugoslovenskoj levice: Praxis-filozofija i Korčulanska ljetna škola (1963 – 1974). Beograd, 2012. S. 134.

служебной сталинской интерпретации Маркса»²⁹ и, во-вторых, «праксисовцы были сторонниками классического немецкого идеализма»³⁰.

Советские марксисты и марксисты стран социалистического блока называли философию авторов журнала «Праксис» «философией практики»³¹. Они обращали внимание на толкование праксисовцами различных философских категорий и положений марксизма. Например, материальные, природные явления, по их мнению, «существуют не объективно, а являются результатом человеческой деятельности»³², практика толкуется ими абсолютно абстрактно как «свободная деятельность человека вообще»³³, мысль рассматривается как форма практической деятельности.

Исходя из этих теоретических установок, праксисовцы выступали против и западной капиталистической системы, и модели социализма, построенной в СССР. Праксисовцы критиковали и югославскую действительность. Они обвиняли партноменклатуру в том, что постепенно в Югославии вместо истинного социализма начинает складываться «бюрократический однопартийный авторитаризм»³⁴, а к власти приходит «партийная олигархия»³⁵.

Но праксисовцы в данный период не критиковали ни коммунистическую партию в целом, ни Иосипа Броз Тито как вождя.

Таким образом, мы можем увидеть, что анализ интеллектуалами внутренней жизни Югославии приводил не только к поискам альтернативной теории общественно–политического развития, но и подталкивал их к созданию общественно-философских журналов, на страницах которых они могли бы высказывать свое недовольство направлением общественно-политического развития страны.

²⁹ Ibid S. 135.

³⁰ Ibid S. 135.

³¹ Козинг А. Философия «современного марксизма» // Вопросы философии 1970 г № 3. С. 175.

³² Там же... С. 178.

³³ Там же... С. 178.

³⁴ Sućeska A. Указ соч... S. 132

³⁵ Ibid S. 132

За критику и неприятие советской идеологии журнал «Праксис» подвергался атакам со стороны советских философов – марксистов. Главное прегрешение праксисовцев, по их мнению, состояло в том, что они отрицали то, что диалектический и исторический материализм является неотъемлемой частью марксистской философии. Например, в журнале «Вопросы философии» № 7 за 1969 г. была опубликована статья М.Н. Руткевича и Н.И. Савцовой «Курс диалектического материализма Югославских авторов». Авторы статьи отмечали, что среди югославских философов есть те, которые придерживаются советской точки зрения по этому вопросу. И эти философы готовы дискутировать с праксисовцами: «авторы (пособия по диалектическому материализму – *Н.Г.*) выступают против сторонников так называемого «абстрактного гуманизма», которые считают диалектический материализм «онтологической» и «позитивистской» «деформацией» философии марксизма»³⁶.

В самой Югославии к «Праксису» относились очень терпимо. Более того, в начале своего существования «Праксис», также как и идеология «самоуправленческого социализма», олицетворял самостоятельность Югославии, ее выход из орбиты влияния СССР, ее независимую и, по мнению югославской партноменклатуры, безусловно, правильную государственную и идеологическую систему. «Праксис» воспринимался как «почтенное интеллектуальное наступление на радикальные проявления отклонений в сторону догматизма и сталинизма»³⁷. Явную поддержку государства демонстрировал тот факт, что вплоть до своего закрытия в 1974 г. «Праксис» издавался за государственные средства. Этот журнал ни разу за этот период не был упомянут в протоколах заседания Идеологической комиссии ЦК СКЮ³⁸. «Праксис», так же как и критически настроенные интеллектуалы, выявленные Идеологической комиссией ЦК СКЮ,

³⁶ Руткевич М.Н. Савцова Н.И. Курс диалектического материализма югославских авторов // Вопросы философии 1969 г. № 7, С. 182.

³⁷ Jakšić B. "Praxis" – kritički izazovi // Praxis. Društvena kritika i humanistički socializam. Zbornik radova sa međunarodne konferencije o jugoslovenskoj levice: Praxis-filozofija i Korčulanska ljetna škola (1963 – 1974). Beograd, 2012. S. 32.

³⁸ АЖ. Ф. 507.

олицетворял собой ту самую «критику и самокритику», обязательный элемент идеологии «самоуправленческого социализма».

Существует еще один фактор, который обеспечивал «Праксису» и другим интеллектуалам, осмелившимся в 60-е гг. критиковать некоторые отрицательные явления в общественно-политической жизни, лояльные отношения партийно-политической элиты. Дело в том, что большинство югославских интеллектуалов старшего поколения имели прочные личные связи с руководством страны. Они установились еще во время Второй мировой войны. Например, будущий сербский диссидент, писатель Добрица Чосич был комиссаром партизанского отряда. Он издавал вместе с Йованом Марьяновичем (будущим историком, деканом философского факультета Белградского университета, критиком искусственного конституирования мусульманской нации) газету «Молодой партизан». Как считает Ясна Драгович-Сосо, в 1960-х гг. критика «праксисовцами»³⁹ и другими интеллектуалами недостатков политической и идеологической жизни СФРЮ воспринималась правящей элитой «как семейная ссора»⁴⁰.

Все это позволяло праксисовцам спокойно и комфортно существовать в Югославии в 60-е гг. XX в.

Таким образом, можно констатировать, что в 1960-е гг. в Югославии сложились все предпосылки для появления критической интеллигенции. Это, с одной стороны, кризисные явления в экономическом и общественно-политическом развитии страны, ставшие предметом критики интеллектуалов и подтолкнувшие их к обсуждению данного кризиса и изучению альтернативных общественно-экономических теорий. С другой стороны, это снисходительное отношение властной элиты, которая не пресекала подобные тенденции. На этом фоне появились группы интеллектуалов, которые начали изучение альтернативных теорий общественно-экономического развития. Причем в процессе изучения эти интеллектуалы позволяли себе не

³⁹ Праксисовцы – философы, авторы журнала «Праксис»

⁴⁰ Dragović-Soso J. Указ соч... С. 56

критиковать данные теории, а, напротив, соглашаться с ними, признавая их ценность. Одновременно появился марксистский журнал «Праксис», авторы которого пропагандировали особый «гуманистический марксизм», основанный на ранних работах Маркса. Именно эти интеллектуалы в будущем, в 80-е гг. XX в., станут основой интеллектуальной оппозиции, протестующей уже не против отдельных недостатков, но против всей идеологической и государственной системы в целом.

2. Рубеж 1960-х – середина 1970-х. гг.: формирование и развитие двух идейных дискурсов критически настроенной интеллектуальной элиты

2.1. Политический процессы в СФРЮ конца 60-х - середины 70-х гг. XX в. и реакция на него сербской политической и интеллектуальной элиты

Рубеж 1960 – 1970-х гг. следует считать одним из важнейших переломных этапов новейшей истории Югославии. В эти годы были заложены тенденции социального, общественно-политического и идеологического развития, которые в конечном итоге привели к взрыву межнациональной нетерпимости, вражды и, в конечном итоге, распаду страны. Это все вызывало резко критическую реакцию интеллектуалов, как в рассматриваемый период, так и позже, уже в разгар системного кризиса 80-х гг. XX века.

Причины этого кроются в предшествующем периоде. В 60-е гг. XX в. в СФРЮ впервые проявилась стагнация в экономической жизни, которая спровоцировала начало автаркизации республик. Помимо этого, Брионский пленум ЦК СК Югославии 1966 г. и последующие события, спровоцировали начало раскола элит по национальному признаку. Эти кризисные явления во внутренней жизни Югославии во многом послужили причиной массовых выступлений конца 60-х – начала 70-х гг. XX в.

Этот период был отмечен беспрецедентными по меркам Югославии предыдущего десятилетия массовыми выступлениями под лозунгами, критикующими внутривластительский курс СКЮ во главе с И. Броз Тито. Это и «Жаркое лето» в Белграде 1968 г., и аналогичные выступления, прошедшие в том же году практически во всех крупных университетских центрах страны: в Загребе, Любляне, Сараево, Новом Саде.

Студенческие митинги, которые в публицистике получили название «Жаркое лето», датируются июнем 1968 г. В ходе этих выступлений

студенты Белградского университета выдвинули достаточно широкие по своему диапазону требования. Главным требованием студентов было «упразднение всех привилегий, демократизация средств массовой информации, свобода собраний и демонстраций»¹. Беспорядки в Белграде продолжались несколько дней. Студенты провозгласили территорию Белградского университета «Красным университетом имени Карла Маркса». Тем самым, «Жаркое лето» 1968 г. в Белграде вписывается, с одной стороны, в контекст студенческих протестов, потрясших университетские центры Европы и США в этот же период. С другой стороны, оно вполне совпадает с обновленной идеологической концепцией, появившейся, когда партийные идеологи, и в первую очередь Э. Кардель, после советско-югославского конфликта 1948 г. обратились в поисках «правильного» марксизма к ранним работам К. Маркса.

В «Красном университете» проходили дискуссии о проблемах страны, в которых участвовали студенты, преподаватели Белградского университета, философы—«праксисовцы», писатели и просто люди с улицы. Основное внимание протестующих студентов было сосредоточено на внутренних проблемах страны. В основе студенческого протеста лежал лозунг: «против ограничения свободы мысли, печати и политической деятельности, что подразумевало отказ от партийного контроля»². Студенты выступали против диктата партии, который распространялся на все сферы жизни общества, против положения Союза коммунистов как единственной легитимной силы в стране. Фактически, это вылилось в выступление против однопартийной системы, сложившейся в СФРЮ.

Выдвигали студенты и экономические требования. А именно: «уменьшение социального неравенства в обществе, решение проблемы безработицы,

¹ «1968» u Jugoslaviji – Studentski protesti izmđu Istoka I Zapada // 1968 – четрдесет година после / главни уредник Др. Р. Радић. Београд, 2008. С. 254.

² Dragović–Soso J. Указ соч... С. 56.

отмена привилегий»³. В то же время, в выступлениях участников «жаркого лета» 1968 г. был заложен и ярко выраженный леворадикальный контекст.

Студенческие требования были изложены в «Обращении к студентам и гражданам Белграда» и «Резолюции студенческой демонстрации»⁴ — это два ключевых документа студенческих выступлений в Белграде. В «Обращении» и «Резолюции» студенты высказывались против социального неравенства, бюрократизации общественной жизни. Не устраивало студентов и положение университета в обществе. В программном смысле эти документы показали широту диапазона студенческих требований. Протестующие требовали улучшения материального положения университетов и студенчества, активных мер по борьбе с безработицей, особенно среди выпускников ВУЗов. Помимо этого, они добивались принятия закона об университетской автономии, участия студентов в решении вопросов, которые касаются студенчества, расширения прав университетского самоуправления.

Студенты выдвигали и политические лозунги. Во многом они основывались на идеях авторов журнала «Праксис». Развивая идеи этих философов, студенты не только констатировали расхождения теории и практики в СФРЮ, но и активно протестовали против этого. Дело в том, что когда СКЮ заявила о построении «самоуправленческого социализма», это вызвало положительные ожидания в обществе⁵. Но на практике система самоуправления превратилась в дополнительную бюрократическую надстройку. Студенты, не протестуя против сути этой системы, требовали, чтобы декларации и решения СКЮ воплощались в реальной жизни.

При этом характерно, что, как отмечает Л. Димич, «демонстрации не были направлены против основ государственного устройства, а против подмены и извращения основных идей социализма»⁶. Несмотря на это, власть была серьезно напугана этими событиями. Во многом из-за того, что это было

³ Димич Л., Чавошки Й. Указ соч... С. 358.

⁴ Митровић М. Студентске демонстрацију у Београду 1968 године. // 1968 – четрдесет година после /главни уредник Др. Радмила Радић. Београд 2008. С. 485

⁵ Там же... С. 489

⁶ Димич Л., Чавошки Й. Указ соч...С. 368

первое со времен Второй мировой войны и прихода к власти И. Броз Тито массовое выступление, содержащее критику самых главных идеологических и системных установок, т.н. «титоизма».

Реакция власти на выступления была оперативной, жесткой и очень продуманной. Анализу выступлений был посвящен 41 пленум Исполнительного комитета ЦК СКЮ, который прошел 4 июня 1968 г. Главным и единственным пунктом повестки дня стал вопрос о причинах студенческих волнений в Белграде. На пленуме члены ИК ЦК СКЮ признали, что тяжелое материальное положение студентов и проблемы в финансировании университета стали причинами волнений. Среди главных причин волнений, помимо тяжелого экономического положения студентов, была названа деятельность оппозиционных интеллектуальных сил. На пленуме особо отметили «организованные действия подполья – прежде всего этнических групп, а также последователей А. Ранковича и сторонников М. Джиласа»⁷. Однако говорилось и о том, что широкое освещение в средствах массовой информации событий т.н. «студенческих революций» в странах Западной Европы могло спровоцировать студентов на бунт. Особой критике была подвергнута работа ЦК Союза коммунистов Сербии. «В сложившейся политической ситуации Президиум и Исполнительный комитет ЦК СК Сербии долгое время действовал недостаточно эффективно»⁸ — таков был вывод пленума. Ответственность за выступления была возложена и на партийную организацию Философского факультета Белградского университета, которая была распущена.

Одновременно с «кнутом» И. Броз Тито применил и «пряник», а именно удовлетворил экономические требования студентов: повысил стипендии и потребовал от руководства Сербии улучшить финансирование Белградского университета. В итоге авторитет Тито только возрос. Рядовые участники студенческих выступлений отправляли восторженные телеграммы

⁷ АЛ., Ф. № 507, Оп. №IV/41, Ед. хр. PRILOG 1. С. 17

⁸ АЛ., Ф. № 507, Оп. №IV/41, Ед. хр. PRILOG 1. С. 24

благодарности И. Броз Тито, которые публиковались во всех центральных газетах Югославии: «дорогой товарищ Тито, в этот великий миг студенты, воодушевленные социализмом и твоей революционной личностью, шлют тебе свой горячий привет и выражают свою готовность следовать за тобой, вместе с тобой бороться за свободу и достоинство человека, за историческую миссию рабочего класса, за торжество нашего самоуправленческого социализма!» (газета «Политика» 10 июня 1968 г.)⁹.

Через несколько месяцев И. Броз Тито в своих выступлениях вновь обратился к теме студенческих волнений. В них Тито неоднократно подчеркивал, что требования и претензии студентов были вполне обоснованы и Союз коммунистов Югославии должен был прислушаться к ним. Например, в речи, которая носит показательное название «Наша молодежь показала свою зрелость»¹⁰, Тито отмечал, что «студенты не раз видели, что мы не очень внимательно прислушивались, когда нам говорили, что необходимо быстрее решать некоторые проблемы»¹¹. В этой же речи Тито неоднократно подчеркивал, что те проблемы, которые озвучили студенты, были уже давно замечены и ЦК СКЮ, и Исполнительным комитетом ЦК СКЮ, и другими руководящими органами. ИК ЦК СКЮ были предприняты определенные шаги для решения этих экономических проблем, но они оказались запоздалыми. В данной речи Тито содержится еще одна интересная мысль, которая напрямую противоречит выводам, сделанным на 41 пленуме ИК ЦК СКЮ. Так, Тито подчеркивал, что «возмущение среди молодежи, среди студентов возникло стихийно»¹², а не было подготовлено различными оппозиционными интеллектуалами и политиками. В дальнейшем, в отличие от выводов 41 пленума ЦК СКЮ, И. Броз Тито свел смысл студенческих выступлений к недовольству своим экономическим

⁹ По: Perovic L. *Zatvaranje kruga*. Sarajevo 1991. С. 58.

¹⁰ Тито И. Броз. *Наша молодежь показала свою зрелость*. Направления важнейших задач СКЮ в развитии системы общественно – экономических и политических отношений. Београд, 1968 год. 30 с.

¹¹ Там же... С. 4.

¹² Там же... С. 7.

положением, которое было лишь дополнено небольшим количеством политических лозунгов.

Однако эти выступления стали поводом для расправы над преподавателями Философского факультета Белградского университета в 70-е гг. XX в. И, таким образом, стали важной вехой в истории развития интеллектуальной оппозиции в СФРЮ. В ходе чистки Белградского университета впервые произошел раскол партийно-политической элиты: из ее рядов были исключены критически настроенные интеллектуалы, в том числе «праксистовцы».

Вторым событием, во многом определившим дальнейшую судьбу Социалистической Югославии, стали события 1968 – 1971 гг. в Хорватии. Наиболее ярким этапом «Хорватской весны» стали события 1970 – 1971 гг., связанные с массовыми народными выступлениями под лозунгами «Маспока».

«Маспоком» или «массовым движением» в историографии называют, как пишет Е. Ю. Гуськова¹³, взрыв национального самосознания, сопровождавшийся активизацией различных, в том числе, политических сил в стране. Целью, которую ставили перед собой лидеры «массового движения» было увеличение самостоятельности республик в рамках федерации. В основе «массового движения» лежали идеи возрождения хорватского языка, культуры, национальной идентичности. Период 1970-1971 гг. стал последним и самым активным этапом деятельности «Маспока». Этот этап и получил название «Хорватская весна». В эти годы в республике, в частности в её столице г. Загребе, проходили массовые демонстрации под лозунгами «Масока».

При этом необходимо отметить, что «Хорватская весна» — многоплановое событие. Изначально действия «Маспока» и «Матицы Хорватской» поддерживала часть членов ЦК Союза коммунистов Хорватии. Это было результатом того, что в руководстве СК Хорватии сосуществовали и

¹³ Югославия в XX веке: очерки политической истории. М., 2011. 888 с.

соперничали два крыла: националистическое и либерально-демократическое. «Одни выступали за реформы в рамках социализма, другие готовы были двигаться в сторону «буржуазной демократии». Одни были готовы согласиться на сохранение единого югославского государства, другие мечтали о независимой Хорватии»¹⁴. В частности, среди поддерживавших курс «националистической», по определению В. И. Фрейдзона¹⁵ «Матицы Хорватской», были молодые лидеры Хорватии во главе с С. Дабчевич-Кучар и М. Трипало.

Реакция И. Броз Тито на события в Хорватии была крайне жесткой. Это было обусловлено тем, что сепаратистская деятельность партийного руководства Хорватии угрожала единству партии, армии и государства, а тем самым личной власти И. Броз Тито. Дополнительную сложность ситуации придавала потенциальная угроза вмешательства во внутренний конфликт Советского Союза, как это было сделано в Чехословакии в 1968 г. Тем более, что незадолго до этих событий состоялся крайне напряженный визит Л.И. Брежнева в Белград, в ходе которого Брежнев пытался добиться от югославского лидера более тесного сотрудничества с СЭВ¹⁶. Угрозу вмешательства СССР Тито даже использовал для давления на хорватское руководство в ходе заседания президиума ЦК СКЮ 28 – 30 апреля 1971 г. на Брионе, когда в ходе дискуссии Тито упомянул о звонке Брежнева с предложением всесторонней помощи в наведении порядка в СФРЮ¹⁷.

В первую очередь И. Броз Тито необходимо было добиться подчинения от партийно-политического руководства Хорватии. Такая попытка была предпринята на его знаменитой встрече с хорватским руководством в Караджорджеве 30 ноября 1971 г.¹⁸. На ней присутствовали члены

¹⁴ Романенко С.А. Югославия: История возникновения. Кризис. Распад. Образование независимых государств (национальное самоопределение народов Центральной и Юго-Восточной Европы в XIX – XX вв.). М., 2005 С 753.

¹⁵ Фрейдзон В.И. История Хорватии. Краткий очерк с древнейших времен до образования республики (1991 г.), Санкт-Петербург, 2001. 318 с.

¹⁶ Симић П. Тито – тајна века. Београд, 2010. С. 306

¹⁷ Vogetić D. Kriza Jugoslovenskog društva početkom 1970-ih i pitanje sovjetske pomoći opstanku Titivog režma. Beograd, 2001. С. 13.

¹⁸ Романенко С.А. Югославия... С.268

Исполнительного бюро Президиума СК Югославии из Хорватии В. Бакарич и М. Трипало, С. Дабчевич-Кучар и другие представители партийно-политической элиты республики. Это были высокопоставленные партийные и республиканские руководители, что говорит о важности и серьезности мероприятия. В начале встречи И. Броз Тито отметил, что ему известно о контрреволюционной деятельности, осуществляющейся в республике. В ходе встречи Тито требовал от руководства решительных действий, борьбы с «Маспоком», разгона демонстраций и митингов. Но М. Трипало и С. Дабчевич-Кучар продолжали отстаивать свою точку зрения.

1-2 декабря 1971 г. там же, в Караджорджеве, состоялось XXI заседание Президиума СКЮ. Повестка дня была обозначена как «Идейно-политическая основа нового пятилетнего плана». Однако обсуждавшиеся на этом заседании вопросы были намного серьезнее. В самом начале встречи И. Броз Тито рассказал о своем разговоре с хорватским руководством. Он заявил о том, что существование хорватского «массового движения» недопустимо, это ничто иное, как попытка «похоронить Союз коммунистов, создав какую-то новую организацию»¹⁹. В принятом в конце заседания Заключении говорилось об обострении в стране политических проблем, активизации антисоциалистических сил, являющихся результатом проявления лидерских амбиций в СКЮ. Было решено провести перестановки в республиканских кадрах Союза коммунистов, Социалистического союза и других общественно-политических организаций Хорватии. Однако, С. Дабчевич-Кучар, М. Трипало и остальные члены Исполнительного комитета СКХ вновь отказались согласиться с Заключением Президиума СКЮ и требованием принять жесткие меры в отношении тех, кто был уличен в сотрудничестве с враждебными социалистической системе силами. Союзному руководству пришлось принять радикальные меры, когда стало

¹⁹ Романенко С.А. «Хорватская весна» и советско-югославские отношения на рубеже 1960-1970-х годов// Славяноведение, 2008. №3. С.64

очевидно, что хорватское руководство отказалось прекратить сепаратистскую деятельность.

В результате этих мер 12-13 декабря 1971 г. на XXIII пленуме ЦК СКХ были обновлены кадры на всех ключевых постах в республике, во всех сферах общественной, культурной, научной жизни, в экономическом секторе. Причем, необходимо отметить, что молодые хорватские лидеры добровольно ушли со своих постов. Заключение XXIII пленума состояло из 20 пунктов. В них хорватское руководство принимало все критические замечания И. Броз Тито, раскаивалось в своих ошибках и закрепляло отставку своих лидеров. Все, кто потенциально мог снова поднять на повестку дня национальные идеи, были изолированы тем или иным образом. Сразу же после отставки хорватского руководства прошли аресты всех лидеров университетского движения. В ночь на 12 декабря были задержаны проректор И. Звонимир Чичак, председатель Союза студентов Загреба Д. Будиша и его заместитель Г. Додиг. В последующие дни милиция проводила рейды в студенческих общежитиях, в ходе которых были арестованы еще более 800 человек, 475 из них предстали перед судом²⁰.

Новой волне отставок и исключений из партии способствовало представленное в мае 1972 г. на XXVIII пленуме ЦК СК Хорватии «Сообщение о положении в Союзе коммунистов Хорватии в отношении проникновения национализма в его ряды» специально созданной комиссией, которая изучила ситуацию, сложившуюся в рядах СКХ. Фактически это «Сообщение» представляло собой расследование, последовательный анализ возникновения националистических тенденций, их проникновение в ряды партии и в другие общественные и культурные организации. В работе комиссии участвовал Б. Бакрач, С. Шувар и другие партийные функционеры, возглавившие Хорватию после смены руководства на XXIII пленуме ЦК СКХ. Вся политическая ответственность за разгул национализма в Хорватии

²⁰ Кузмичева Л.А. Сия семейная вражда. URL: http://www.istrodina.com/old/2001_01_02/vrazhda.htm (дата обращения 18. 09. 2010)

была возложена на М. Трипало, С. Дабчевич-Кучар, П. Пиркера и М. Корптла. «Массовое движение» в сторону национализма и сепаратизма, а именно в этом направлении шла Хорватия, отстаивавшая исключительно хорватские интересы, было подавлено. К власти в Хорватии было приведено послушное И. Броз Тито руководство во главе с Б. Бакаричем, которое принадлежало к старой когорте военных соратников Тито.

Таким образом, необходимо подчеркнуть, что в конце 1960-х – начале 1970-х гг. Сербию и Хорватию потрясли массовые народные выступления, критикующие существующий строй. Эти выступления объединяет ярко выраженный протестный характер. Они отличались друг от друга в первую очередь подготовленностью и продуманностью целей. Если лидеры «Маспока» четко представляли себе конечную цель движения – рост самостоятельности республики, то студенческое выступление в Белграде было более спонтанным, простым всплеском недовольства внутренней ситуацией в стране. Еще одним важным отличием оказались национальные взгляды участников выступлений. Лозунги студентов Белградского университета не были националистическими. Они касались положения не только Сербии, но всей СФРЮ. В их лозунгах не содержалось требования улучшения положения только сербской нации. В то время как требования участников демонстраций «Хорватской весны» некоторые исследователи характеризуют как откровенно националистические.

Несмотря на значительное различие общественных движений, в отношении республиканских элит Иосип Броз Тито предпочитал проводить сбалансированную политику. Поэтому вслед за ударом по Хорватии последовали репрессии против «технократического руководства» Словении и «либерального руководства» Сербии.

Более пристального внимания в рамках рассматриваемой темы исследования требует судьба так называемого «сербского либерального руководства» во главе с Марко Никезичем. Дело в том, что судьба этих

людей теснейшим образом связана с судьбой либеральной идеи в социалистической Сербии в целом.

Именно летом 1968 г. внутри коммунистической партии и руководства Югославии и, особенно, Сербии стала складываться группа либерально настроенных политиков и интеллектуалов. При этом необходимо отметить, что в югославском политическом дискурсе «либералами» называли коммунистов — сторонников ослабления тоталитаризма (авторитаризма) и репрессивной политики, введения ограниченных гражданских свобод, распространения рыночных принципов в экономике и т.д.»²¹

После событий в Белградском университете в высшие сферы государственного и партийного руководства в Сербии Иосип Броз Тито ввел новую, молодую, либерально настроенную генерацию партийных функционеров. На шестом конгрессе СК Сербии, который проходил в 1968 г., на пост председателя Центрального комитета СКС был избран Марко Никезич, а секретарем ЦК СКС стала Латинка Перович (в тот момент молодой, 36-летний профессор исторического отделения философского факультета Белградского университета). В Центральный комитет СКС вошло много новых, молодых людей. Л. Перович в своих мемуарах²² утверждает, что настроения у всех вновь избранных членов ЦК СКС были либерально-реформаторские, они стремились к «развитию самоуправления, демократии и равноправия в межнациональных отношениях»²³. Либералы, как пишет Л. Перович, стремились модернизировать экономику Сербии, создать новую Сербию. Правда, не все исследователи и свидетели тех событий согласны с ней. Так, например, Драгослав Маркович (многолетний член партийно-политического руководства Сербии и Югославии, наряду с Петром Стамболичем ближайший к И. Броз Тито серб в т.н. «узком руководстве» Югославии) в интервью радио Свободная Европа от 27 февраля 2008 г.,

²¹ Романенко С.А. Между "Пролетарским интернационализмом" и "Славянским братством": Российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе. Начало XX в.-1991год. М., 2011. С. 729.

²² Perovic L. Zatvaranje kruga. Sarajevo, 1991 г.

²³ Там же.... С. 74.

подчеркивал, что «либералы много говорили о модернизации Сербии, но звучало это только как праздные фразы. Никаких конкретных предложений в этом смысле не было»²⁴. Драгослав Маркович в этом интервью отмечает, что тогда, когда необходимо было решать серьезные экономические проблемы, проблемы нерентабельности производства, диверсифицировать экономику, «ЦК СКС ничего не делал. ЦК был занят пропагандой своих идей»²⁵. Из-за этого, по словам Д. Марковича, против линии нового состава ЦК СКС выступали и в парламенте, и в правительстве Сербии.

Тем не менее, либерально–демократическое руководство было допущено во власть в разгар политического кризиса конца 1960-х гг. Ему необходимо было найти способ решения, в первую очередь, экономических проблем республики. Политика сербских либералов включала в себя «позитивную селекцию кадров во всех политических и общественных сферах»²⁶, увеличение экспорта и покровительство торговым фирмам. Главное, как считает Томислав Огнянович, автор исследования, посвященного сербскому либеральному руководству, было то, что они отказались от управления экономикой, исходя из идеологических догматов. Стремилась устранить из управления экономикой Сербии непрофессиональных людей, повторяющих идеологические штампы. Их политика была основана на теории о том, что «увеличение предприимчивости граждан и объединение граждан на свободной экономической основе приведет к оздоровлению и росту экономики»²⁷.

Первым серьезным испытанием для нового руководства Сербии, как вспоминает Л. Перович, стали демонстрации в Косове в ноябре 1968 г. После IV (Брионского) пленума ЦК СКЮ, в ходе которого был отправлен в отставку по обвинению в «великосербском национализме» А. Ранкович, в автономном крае Косово и Метохия были произведены масштабные

²⁴ Mihajlović B. Dragoslav Marković: Diskontinuitet. URL: <http://www.slobodnaevropa.org/articleprintview/1045349.html>. (дата обращения: 25. 03. 2009).

²⁵ Там же ...

²⁶ Ognjanović T Utrina ili Srbija. Beograd, 2008. С. 70.

²⁷ Там же... С. 70.

кадровые перестановки. Места практически всех сербов заняли албанцы. С этого момента начинается период доминирования албанцев в крае, а также стали звучать требования о предоставлении Косову республиканского статуса. Вопрос о статусе АК КиМ привел к появлению в Сербии и в Косово двух крайних позиций, между которыми руководство республики вынуждено было лавировать. Марко Никезич в речи на собрании партийного актива 28 ноября 1968 г. отметил появление этих крайних позиций: «изменение в положении албанцев после IV пленума ЦК СКС, разумеется, вызвало реакцию и великосербских элементов, и проявления албанского национализма»²⁸. М. Никезич постарался найти компромиссный вариант решения проблемы. Это, как отмечает Латинка Перович, позволило бы «умиротворить сербскую общественность и договориться с руководством края»²⁹.

Новое руководство Сербии стремилось не только сохранять мирные отношения с автономными краями (Косово и Метохия, Воеводина), но и сотрудничать с интеллектуалами. М. Никезич пытался создать в республике атмосферу интеллектуальной свободы. Здесь выходил журнал «Праксис», начал издаваться «романтически–марксистский»³⁰ журнал «Философ», появились новые литературные журналы, например, «Лес и кустарник», «Литературные новости», на страницах которых шла свободная полемика о разных литературных новинках. Во времена М. Никезича на страницах сборника Белградского университета «Обозрение» практически без всякого контроля шли дискуссии по разным, самым актуальным вопросам общественной жизни.

После событий «Хорватской весны», как уже было сказано выше, Иосип Броз Тито усилил давление и на сербское руководство. Это проявилось, в первую очередь, в ухудшении отношений между М. Никезичем и И. Броз Тито. Как пишет Л. Перович, поводом для критики со стороны

²⁸ По: Perović L. Указ соч... С. 79.

²⁹ Perović L. Указ соч... С. 79.

³⁰ Ognjanović T Указ соч... С. 71.

Иосипа Броз Тито стал вопрос о наказании сербской либеральной интеллигенции. М. Никезич считал, что достаточно административных мер, согласно статьям Уголовного кодекса, в то время как Тито требовал от сербского руководства громких, показательных акций, нацеленных не только на наказание непокорных интеллектуалов, но и на дискредитацию этих интеллектуалов и их идей. Кроме того, Тито начал обвинять сербское руководство в поддержке «великосербского национализма». В мае 1971 г. в разговоре с сербским руководством И. Броз Тито впервые поднял тему «великосербского национализма». Он развил ее во время визита в Западную Сербию, где вновь призвал к борьбе против этого явления. Несмотря на все попытки М. Никезича и сербского руководства отвести от себя это обвинение, в выступлениях руководителей СКЮ, руководителей других республик СФРЮ, в частности Хорватии, все чаще звучало обвинение сербского руководства в национализме. А 18 сентября 1972 г. в адрес Председателя СКЮ и Исполнительного бюро СКЮ пришло письмо от сербских коммунистов, членов Исполнительного бюро ЦК СКС, в котором они перечислили «промахи руководства республики Сербии»³¹ и потребовали их отставки. Уже в выступлении на собрании руководящего актива Социалистической республики Сербии 16 октября 1972 г. И. Броз Тито прямо обвинил сербское руководство в попустительстве анархистам и классовым врагам: «недооценка борьбы против анархо–либерализма и классовых врагов означает по сути дела, оппортунизм, который льет воду на мельницу сил, выступающих за политику твердой руки, вернее стремящихся к бюрократизму, догматизму и так далее. Такие явления имеют место у вас, да и не только у вас»³². Вслед за этими событиями последовала отставка команды Марко Никезича на XXI заседании Президиума СКЮ, состоявшееся 21 октября 1972 г. На их место И. Броз Тито поставил команду своих старых соратников Петра Стамболича и Драгослава Марковича. В результате к

³¹ Ognjanović T Указ соч... С. 73.

³² Выступление Президента республике Иосипа Броз Тито на собрании руководства актива Социалистической республики Сербия, состоявшегося 16 октября 1972 года. // Идейное и политическое наступление СКЮ. Белград, 1972. С. 95 – 96.

власти в Сербии пришло новое руководство во главе со старыми партийными функционерами. По большому счету эти события положили начало процессу смены элит. В ходе этой ротации на первые роли в республике пришли соратники Тито, а на вторых ролях в системе управления оказалось новое поколение технократов, которые не только были не заинтересованы в идеологической дискуссии с оппозицией, но и были не способны к ней. Это трагичным образом скажется на способности партийно-политической элиты успешно реформировать идеологическую концепцию и сохранить доверие к ней общества в 80-ые гг. Поколение политических и партийных функционеров, которые проводили либеральную политику 60-ых гг., было исключено из власти.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что студенческие волнения в Белграде и «Хорватская весна» серьезнейшим образом повлияли на дальнейшее внутривластное развитие СФРЮ. Во-первых, оба движения продемонстрировали партийно-политической элите недовольство реализацией государственной идеологии на практике молодой и активной части общества. Во-вторых, массовые выступления конца 60-х – начала 70-х гг. во многом спровоцировали партийно-политическую элиту к ужесточению внутренней жизни страны. Оно коснулось сербских интеллектуалов, работавших в либеральной атмосфере, созданной Марко Никезичем и его соратниками в руководстве республики. После бурного 1968 г. в стране в целом и в Сербии в частности, увеличилось число судебных дел против писателей, закончившихся арестами обвиняемых. Максимум количество этих дел достигло в 1970 и 1975 гг.³³. И, в-третьих, данные события подтолкнули партийно-политическое руководство СФРЮ к реформированию федерации, пересмотру законов ее функционирования. Речь идет о завершении конституционной реформы, начатой еще в 60-ые гг. XX в.

Принятие новой Конституции стало еще одним важным событием данного периода. Процесс реформирования основного закона страны был запущен

³³ По Bela knjga 1984. *Обраčun sa "kulturnom kontrarevolucijom"* u SFRU. Beograd, 2010. С. 253 - 278

после Брионского пленума 1966 г. с принятия двух групп поправок. Завершился - новой Конституцией 1974 г.. Этот документ настолько изменил внутривластный облик страны, что некоторые исследователи (например, Дейан Йович), называют период с 1974 г. периодом «четвертой» или «карделевской Югославии». Д. Йович даже вынес это определение в заголовок своей монографии³⁴. Эти изменения знаменовались не только формальными изменениями законов, по которым жили республики, но и, самое главное, изменением основной идеи, которая лежала в основе развития всех сфер жизни общества и функционирования государства. В основе концепции Карделя, как пишет Д. Йович, лежала идея, которая была свойственна именно марксизму: «облик и содержание власти важнее, чем само государство»³⁵. Основываясь на марксистской идеологии, Э. Кардель считал, что государство – это порождение буржуазной эпохи, и с переходом к социализму оно постепенно должно отмереть. Буржуазным, отмирающим порождением он считал и саму идею нации. Отсюда понятно отрицательное отношение Э. Карделя как к «великодержавным концепциям», так и к «централистским тенденциям». Положения Конституции 1974 г. о расширении компетенций и прав республик и сужения сферы влияния федерального центра как раз отражает идею отмирания государства. Именно поэтому творцы новой Конституции оценивали ее положительно. Еще в 1973 г., когда работа над проектом новой Конституции только шла, Иосип Броз Тито предрекал, что «когда мы доведем работу над новой Конституцией до конца, у нас уже будут качественно новые отношения в нашем демократическом, социалистическом содружестве, основанные на самоуправлении»³⁶. А Эдвард Кардель в 1972 г. отмечал, что одним из достоинств будущей Конституции станет введение системы делегирования, которая «позволяет установить тесную взаимосвязь между центром и

³⁴ Jović D. Jugoslavija: država koja je odumrla: uspon, kriza i pad Kardeljeve Jugoslavije. Zagreb, 2003. 528 c.

³⁵ Jović D. Указ соч... С. 138.

³⁶ Доклад президента Тито на заседании общего Собора федерации СФРЮ, состоявшегося 23 апреля 1973 года. Белград, 1973. С. 9

базисом, а также обеспечить широкий контроль и сильное воздействие базиса на политический центр»³⁷.

Согласно новой Конституции, республики и автономные края Югославии наделялись очень широкими полномочиями. Сужались экономические и политические функции федерального центра. В его компетенции оставались: «обеспечение независимости и территориальной целостности страны; регулирование трудового права; вопросы экономического планирования, функционирование валютной системы, платежного обращения; государственной безопасности, внешней политики и экономических отношений с другими государствами»³⁸. Республики «становились ответственными за экономическое и политическое развитие своей территории»³⁹. Республиканским парламентам разрешили широкую законодательную деятельность, сотрудничество с международными организациями. В составе парламента СФРЮ в соответствии со статьей 284 появилась самостоятельная палата — Вече республик и краев. В его состав входили делегации «скупщин республик и скупщин автономных краев»⁴⁰. Согласно статье 286, вече обладало обширными экономическими полномочиями. Эта палата участвовала в принятии плана экономического развития, контролировала денежную и бюджетную политику федерации. Помимо этих полномочий, безусловно одним из самых важных прав, которое получило вече, стала возможность самостоятельно, без контроля со стороны других органов власти «принимать решения о взятии на себя кредитных и иных обязательств»⁴¹.

Автономные края получили широкие полномочия, фактически равные республиканским. Единственное различие состояло в том, что автономные края не имели права на выход из состава СФРЮ. Интересно, что еще в

³⁷ Выступление товарища Э.Карделя на расширенном заседании межобщинной конференции Союза коммунистов по Герцеговине, состоявшемся в Мостаре. // Идеиное и политическое наступление Союза коммунистов Югославии. Выступления товарищей Тито, Карделя и Доланца. Белград, 1972. С. 33.

³⁸ Гуськова Е.Ю. История Югославского кризиса 1990 – 2000. М., 2001. С. 60.

³⁹ Там же... С. 60.

⁴⁰ Конституция Социалистической Федеративной Республики Югославия // Конституции социалистических государств: сборник / под ред. Б.А. Страшуна, Б.Н. Топорнина, Г.Х. Шахназарова. Т. 2. М., 1987. С. 343

⁴¹ Там же... С. 345.

поправках, принимаемых в конце 1960-х гг., в соответствующих статьях республики и автономные края упоминались через запятую, что как бы подчеркивало их равенство, декларируемое в основном законе страны. Например, Поправка XXXV пункт 2 гласила, что «республики и автономные края осуществляют сотрудничество с органами и организациями других государств, международными органами и организациями в границах, утвержденных внешней политикой СФРЮ и международными договорами»⁴².

Именно передача огромных полномочий в руки республиканских элит заложила основы для формирования «республиканских этнократических кланов»⁴³. Лидеры республик, главы «этнократических кланов» при жизни Иосипа Броз Тито не могли реализовать идею о «национальном государстве» до конца. Но они получили все рычаги для «достижения фактического суверенитета, особенно Сербия»⁴⁴. В будущем же, лидеры республик, как покажет деятельность Коллективного президиума СФРЮ в 80-е гг. XX в., будут стремиться не к сохранению единой Югославии, а, напротив, к автаркизации республик и автономных краев, с целью усиления собственного влияния и власти.

Следствием расширения экономических прав республик и на фоне углубляющегося неравенства экономического развития стало стремление наиболее богатых и благополучных республик (Словении, Хорватии) к автаркии. Конституция 1974 г. даровала республикам право самостоятельно брать кредиты за рубежом, чем республики активно пользовались. Стремление к автаркии и внешнеэкономическая самостоятельность республик подорвали экономическое единство страны, сделав его настолько призрачным, что в конце 80-х гг., накануне распада страны, раздробленная экономическая система не смогла стать достаточным основанием для сохранения единства государства.

⁴² Конституционные поправки XX – XLII. Белград, 1971. С. 51.

⁴³ Подробнее см. Волков В.К. Этнократия - непредвиденный феномен посттоталитарного мира // Полис. 1993. №2. С. 16 – 35.

⁴⁴ Попов N. Iskušavanja slobode. Srbija na prelazu vekova. Beograd, 2010. С. 90.

Данный период оказался очень важным для внутривосточного развития СФРЮ в целом и для становления интеллектуальной оппозиции в частности. Во-первых, события в Сербии и Хорватии спровоцировали смену партийно-политического руководства этих республик. На смену молодым лидерам нового, послевоенного поколения пришли старые соратники Иосипа Броз Тито еще времен партизанского движения и молодые технократы (среди которых были Иван Стамболич и Слободан Милошевич), не склонные к идеологическому творчеству. В 80-е гг. XX в. эта ситуация создаст серьезные проблемы, став одной из составляющих глубочайшего системного кризиса. Во-вторых, давление на партийное руководство республик привело к расколу властных элит, что, в свою очередь, привело к расколу и в интеллектуальной среде и переходу значительной части интеллектуалов в оппозицию. В-третьих, в 1974 г. была принята новая Конституция Югославии, вызвавшая волну критики со стороны сербской интеллигенции. Причем, критиковали ее не только в 70-е гг. XX в. - в момент принятия, но и позже, в 80-е гг., положения Конституции 1974 г. были в центре внимания национально ориентированной интеллигенции. И, наконец, важным итогом данного периода стал отказ партийно-политической элиты от снисходительного отношения к критически настроенным интеллектуалам.

2.2. Раскол интеллектуальной элиты и начало формирования национально-ориентированной идеологической платформы сербских интеллектуалов

Конституционная реформа конца 60-х – середины 70-х гг. XX в. очень серьезно повлияла на дальнейшее развитие интеллектуальной оппозиции в Сербии. Некоторые положения Конституции 1974 г. позволили национально ориентированной оппозиции обвинить руководство Югославии в дискриминации сербов как нации и Республики Сербии как полноправного субъекта федерации. Более того, эти обвинения легли в основу новой, альтернативной «югославизму» и «самоуправленческому социализму» идеологии, создаваемой как раз в этот период группой критической интеллигенции.

Конституционная реформа оценивалась положительно ее творцами. Но сербские интеллектуалы, в частности профессиональные юристы, еще в ходе подготовки реформы выступили с резкой критикой предлагавшихся изменений.

В 1971 г. на юридическом факультете Белградского университета развернулась дискуссия по поводу изменения Конституции страны. Дискуссия эта освещалась на страницах журнала «Анналы юридического факультета» и привлекла внимание партийной элиты.

Оценка конституционных изменений и проекта новой Конституции сербскими юристами была жестко отрицательной. Коста Чавошки, ассистент юридического факультета, отмечал, что неясной является цель разработки новой Конституции, поскольку предыдущая вступила в действие в 1963 г., и уже через пять лет к ней были приняты первые поправки. Юристы отмечали, что частая смена конституций - признак внутривнутриполитической нестабильности. Кроме того, постоянное изменение основного закона страны свидетельствовало о скрытом от общественного сознания поиске новой альтернативы, который осуществляла партийно-политическая элита.

Безусловно, основное острие критики было направлено не столько на сам факт разработки проекта Конституции, а на содержание документа. Во-первых, критику юристов вызвала фактическая зависимость решений Союзной Скупщины от позиций скупщин республиканских и скупщин автономных краев. «Право вето практически содержится в требовании единогласия, которое заложено в Поправке XXXI, которая говорит, что решение об изменении Конституции принимает Союзная Скупщина с согласия скупщин всех республик и автономных краев, и в Поправке XXXII, в которой говорится, что органы федерации не могут принимать экономические решения без согласования со всеми республиканскими органами и органами автономных краев»¹. То есть, делает вывод К. Чавошки, действие Конституции зависит от очень хрупкого баланса сил и системы договоренностей между федеральными элитами, республиканскими элитами и элитами автономных краев.

Другой участник дискуссии, доктор Андрия Гамс, отмечал, что «изменение Конституции исторически неоправданно и совсем неадекватно исторической ситуации, да и политически несбалансированно»². Он же одним из первых отметил, что конституционные поправки вносят в политическую и правовую практику Югославии элементы конфедерализма, в то время как «для этого нет никакой идейной основы, никакого идейного обоснования»³. Говоря об угрозе конфедерализации Югославии, доктор Гамс критиковал не только новый проект Конституции, но и саму идеологию карделизма. Напомним, что одним из важнейших элементов этой идеологии был тезис о постепенном отмирании государства по мере приближения к формированию социалистического общества. Так вот, А. Гамс отмечал, что идея об отмирании государства «научно непроверенна и необоснованна»⁴. Он предупреждал, что слепое следование научно необоснованной теории в

¹ Расправа о нацрту уставних амандмана и забрани Анала Правног факултета у Београду // Чавошки К. Анатомија једне чистке. Изгон са Правног факултета у Београду 1973 – 1975. Београд, 2013. С. 107.

² Там же... С. 110.

³ Там же... С. 113.

⁴ Там же... С. 115.

экономике может привести к тяжелейшему экономическому кризису, а в политике - к тяжелейшему общественному кризису, который будет включать и кризис власти, и моральный кризис, и кризис законности.

Одним из главных моментов, которые в ходе этой дискуссии отметили юристы, было то, что Сербия - единственная республика, имеющая в своем составе два автономных края (Косово и Метохия и Воеводина). А согласно новому проекту Конституции, как уже отмечалось выше, автономные края получили непропорционально широкие права, нарушающие суверенитет Республики Сербии. Вопросы вызвала не только гипертрофированная роль автономных краев, но и непонятное обоснование их выделения. Тот же А. Гамс писал, что если в основе лежит «историческая традиция», то автономией должна быть Далмация, а если в основе «этническое или национальное разнообразие»⁵, то право автономии должны получить албанцы в Македонии и сербы в Хорватии.

Еще одним пунктом, который вызывал недовольство юристов, была поправка XXXVI, вводящая пожизненный пост Президента республики. Как отмечал профессор Стеван Джорджевич, эта поправка делала И. Броз Тито «индивидуальным шефом государства»⁶. Кроме того, в этой поправке восхвалялись заслуги И. Броз Тито перед страной и народами Югославии. С. Джорджевич, критикуя эту поправку, подчеркнул, что дать адекватную оценку личности могут только потомки, но не современники. Тем более, не место такой оценке в Основном законе страны.

Одним из самых именитых участников дискуссии был Михайло Джурич. В то время он уже был профессором юридического факультета. Как отмечает К. Чавошки, эта была личность, которая сделала «в университете блестящую преподавательскую и научную карьеру»⁷. М. Джурич также позиционировал себя как противник новой Конституции. Он отмечал, что «она изменит характер существования сегодняшней государственной общности

⁵ Там же... С. 116

⁶ Там же... С. 23

⁷ Чавошки К. Анатомија једне чистке. Изгон са Правног факултета у Београду 1973 – 1975. Београд, 2013. С. 17.

югославских народов»⁸. Прямым следствием этого изменения, предупреждал М. Джурич, станет распад общегославской государственности.

Помимо критики собственно содержания новой Конституции, юристы Белградского университета критиковали проект за «тяжелый язык и неясные фразы, большое количество нелогичных и бессмысленных пунктов»⁹.

Таким образом, во время дискуссии о конституционных изменениях сербскими юристами были подняты две важнейшие темы. Во-первых, превращение Югославии из федерации в конфедерацию, постепенное ослабление федерального центра и, как следствие, невозможность справиться с системным кризисом. Во-вторых, неравноправное положение Сербии в федерации. Только она имела в своем составе два автономных края, которые затрудняли управление республикой и нарушали ее суверенитет. Фактически, эти автономные края получили права, равные республиканским, за одним исключением: они не имели права выйти из состава СФРЮ. В-третьих, причины такой явной дискриминации Сербии не имели обоснования, которое исходило бы либо из идеологии, либо из экономики, либо из потребностей управления страной. Впоследствии, в 1980-е гг., эти тезисы будут активно эксплуатироваться национально-ориентированной критической интеллигенцией.

Критика конституционных изменений, высказанная в ходе данной дискуссии, послужила поводом для репрессий против преподавателей юридического факультета, принявших участие в этом обсуждении. В ходе чистки к участникам дискуссии были применены разного рода меры воздействия. Это и исключения из партии, и судебные преследования, и запрещение журналов, в которых публиковались материалы дискуссии. Для того чтобы придать законный вид увольнению преподавателей из университета, был введен критерий «морально-политической благонадежности», внесенный в закон о высших учебных заведениях в 1973

⁸ По Trkulja J. Osuda i izgon Mihaila Đurića. Beograd, 2005. 58 s.

⁹ Расправа о нацрту уставних амандмана... С. 105.

г. как условие поступление на работу»¹⁰. Согласно этому критерию, претендент на вакантную преподавательскую должность должен был доказать свою преданность существующей власти и полное согласие со всеми постулатами государственной идеологии «самоуправленческого социализма».

В первую очередь был наложен судебный запрет на распространение номера «Анналов юридического факультета», в котором были опубликованы материалы дискуссии¹¹. Репрессии против профессоров юридического факультета начались с суда над Михайло Джуричем. Уже 7 июля 1972 г. над ним состоялся суд, который признал Джурича виновным в «пропаганде враждебных идей»¹² и, согласно статье 118 Уголовного кодекса, приговорил его к семи годам заключения. Коста Чавошки 28 ноября 1972 г. был исключен из Союза коммунистов за «выступления противоречащие идейно-политической платформе Союза коммунистов»¹³. Затем в 1973 г. осужден на 2 года условно, а в 1975 г. ему было отказано в переизбрании на должность на факультете в связи с несоответствием критерию «морально-политической благонадежности». «Имея двух детей, два года он был без работы»¹⁴. Необходимо отметить, что в дебатах участвовал и ассистент факультета Воислав Коштуница, которой тоже пострадал в ходе чистки на юридическом факультете. Ему запретили заниматься преподавательской деятельностью и не дали защитить докторскую диссертацию. В результате проведенной чистки практически все преподаватели, которые участвовали в дебатах о конституционных поправках, были уволены из университета и исключены из партии¹⁵.

Показательна судьба еще одного участника дебатов – Стевана Джорджевича, который выступил против появления в Конституции статей,

¹⁰ Dragović–Soso J. Указ соч... С. 84

¹¹ Решење окружно јавно тужилаштво Број: 47/71 Београд, 17. мај 1971. године // Чавошки К. Анатомија једне чистке. Изгон са Правног факултета у Београду 1973 – 1975. Београд, 2013. С. 119

¹² По Trkulja J. Osuda i izgon... 86 s.

¹³ Одлука о избацивању из Савеза комуниста // Чавошки К. Анатомија једне чистке. Изгон са Правног факултета у Београду 1973 – 1975. Београд, 2013. С. 147.

¹⁴ Ђукић С. Указ соч... С. 170.

¹⁵ Dragović–Soso J. Указ соч... С.157.

посвященных роли Иосипа Броз Тито в истории Югославии и присвоения ему пожизненного поста Президента. Дело в том, С Джорджевич во время Второй мировой войны сражался в коммунистическом партизанском отряде, где имел возможность познакомиться с будущими представителями партноменклатуры. Похожая судьба была у многих югославских интеллектуалов. В дальнейшем это знакомство, как отмечалось в предыдущей главе, стало одной из причин снисходительного отношения партийно-политической элиты к критике со стороны интеллектуалов в 60-е гг. XX в. С. Джорджевич был «партизаном, из коммунистической семьи, которая пострадала во время войны»¹⁶. Но несмотря на это все, он тоже был уволен из университета и лишен права преподавать. Вернуться к преподаванию С. Джорджевич смог только после смерти И. Броз Тито.

Расправа над преподавателями юридического факультета — это всего лишь один эпизод из истории чистки в Белградском университете в рассматриваемый период.

Еще одним факультетом, преподаватели и студенты которого пострадали в начале 70-х гг., стал философский факультет Белградского университета. Очевидец и яркий участник этих событий Драголюб Мичунович в своих мемуарах «Жизнь во время бури»¹⁷ вспоминал, что «в начале 1970-х гг. снова возобновились притеснения, в первую очередь молодежной печати во всех республиках»¹⁸. А в Белграде, как писал Д. Мичунович, в редакциях этих журналов состояло много студентов-философов. Репрессии сначала коснулись преподавателей философского факультета. 14 января 1974 г. на собрании партийной организации в университете состоялось обсуждение поведения группы преподавателей философского факультета. В повестке дня стояло предложение «оценить идейно-политическое и моральное соответствие группы преподавателей философского факультета, могут ли

¹⁶ Ђукић С. Указ соч... С. 170

¹⁷ Mićunović D. Život u nevremenu. Ruža vetrova. Knjiga prva: 1930 – 1990. Beograd, 2013.

¹⁸ Ibid S. 263.

они и дальше выполнять функции преподавателей»¹⁹. К этой «группе преподавателей» относились доктора Михайло Маркович, Любомир Тадич, Светозар Стоянович, Миладин Животич, Загорка Голубович, Драголюб Мичунович, преподаватели Небойша Попов и Тривун Инджич. Необходимо отметить, что большинство из них одновременно являлись авторами журнала «Праксис», идеи которого использовали в своих лозунгах студенты, протестовавшие в Белграде в 1968 г. Итогом собрания стало решение об увольнении этих профессоров из-за несоответствия критерию «идейно-политической и моральной благонадежности»²⁰. Кроме того, их обвинили в том, что «они отказались от марксистского взгляда на мир и, более того, вступили в идейно-политическое противостояние с Союзом коммунистов»²¹. В этот же период был закрыт журнал «Философ».

Как уже было отмечено, практически все уволенные преподаватели философского факультета были одновременно авторами журнала «Праксис» и относились к «либеральному крылу» критической сербской интеллигенции. Ярким примером судьбы либерально настроенной интеллектуальной элиты стала судьба Драголюб Мичуновича. В 1974 г. Д. Мичунович был уволен из университета. После этого он практически сразу, как и многие философы-либералы, уехал за границу. В частности, Д. Мичунович с 1977 по 1980 г. работал в университетах в ФРГ, где в основном занимался изучением проблем гражданских прав и свобод, развитием гражданского общества. Все это было предметом обсуждения и в т.н. группе «восьмерых уволенных профессоров». Они писали научные работы и статьи, но реально «только в восьмидесятые годы эти темы получают права гражданства и в Югославии»²².

Под удар попало и историческое отделение Философского факультета. Примечательна судьба декана Философского факультета Йована Марьяновича. Й. Марьянович, также как и многие представители старшего

¹⁹ Ibid S. 274

²⁰ Ibid. С. 274

²¹ Ђукић С. Указ соч... С. 169.

²² Там же... С. 18.

поколения интеллектуалов, был тесно связан с партийно-политической элитой общим военным прошлым. Но в 1968 г. Й. Марьянович на 14 пленуме ЦК СК Сербии проявил солидарность с критикой Д. Чосичем межнациональной политики СК Югославии. Во многом эта критика была вызвана итогами Брионского пленума ЦК СКЮ. На этом пленуме был отправлен в отставку А. Ранкович, что спровоцировало изменения в национальном составе руководства АК Косово и Метохия. Главным событием этого пленума, безусловно, стало выступление Д. Чосича. Поддерживая писателя, в своем выступлении Й. Марьянович затронул несколько важных проблем. Во-первых, он одним из первых поднял вопрос о статусе республиканских Союзов коммунистов. Й. Марьянович подчеркивал, что ни в одном уставном документе не определено, являются ли они самостоятельными партиями, или отделениями СК Югославии. Во-вторых, Марьянович «критиковал бюрократический национализм и автономизацию Сербии»²³. В-третьих, Й. Марьянович заявил, что считает «бессмысленным провозглашение новой, мусульманской нации в Югославии». Й. Марьянович предупреждал, что эта акция приведет к «неминуемому росту межнациональных столкновений и нетерпимости»²⁴. Результатом стало обвинение Марьяновича в «возвращении к сталинизму и лжи»²⁵ и снятие с должности декана. Вслед за делом Й. Марьяновича последовали события, которые стали определяющими для развития сербской исторической науки в 80-ые гг. XX в. Это были события, связанные с публикацией в 1972 г. коллективной монографии официальных историков И. Божича, С. Чирковича, М. Экмечича и В. Дедиера «История Югославии», которых, как пишет Л. Димич, обвинили в том, в отходе как от общепринятых концепций интегрального югославизма историков эпохи королевской Югославии, так и от официальной историографии «соцреализма» с её жестким дозированием «национальных историй». Авторы упрекали в том,

²³ Марьянович Ј. Однос класног националног // Савез комуниста у борби за националну равноправност. Београд, 1968. С. 91.

²⁴ По Николић К «Нико не сме да вас бије»... С. 17

²⁵ Там же... С. 18

что они во имя принципа «научности» отошли от принципа симметрии в истории и уделили отдельным югославским нациям «гипертрофированное внимание». Книга получила клеймо великосербского проекта, поскольку «история сербского народа получила непропорционально большое место по отношению к другим народам»²⁶. Именно этот эпизод с дружным осуждением обобщающего труда ведущих югославских историков со стороны партийно-политического руководства судьбоносно повлиял на дальнейшее развитие всей сербской историографии. Уже в 80-е гг., когда литераторы, журналисты, юристы начнут заполнять «белые пятна» в сербской новейшей истории, профессиональные историки так и не осмелятся принять участие в этом процессе из-за печального опыта, полученного именно в данный период. Это, в свою очередь, приведет к укоренению в массовом сознании разнообразных, в том числе националистических мифов, и станет одной из причин всплеска межнациональной нетерпимости и вражды.

В 1971 – 1972 гг. прошли суды над вождями студенческих выступлений в Белградском университете 1968 г. Репрессиям подверглись режиссеры фильмов либерального направления «черная волна», члены Союза сербских писателей. Было запрещено проведение Летней школы философов на острове Корчула, которая, при покровительстве либеральной команды Марко Никезича, была заметным мировым форумом марксистов–гуманистов. В этот же период были закрыты журналы «Праксис», «Философ», «Анналы юридического факультета», «Студент», «Полет», «Взгляд»²⁷.

Таким образом, обсуждение проекта новой Конституции и последовавшая за этим резкая реакция властей, затронувшая основные гуманитарные факультеты Белградского университета, ознаменовала собой новый подход партийно-политической элиты к оппозиционным интеллектуалам. Если в 60-е гг. XX в. власть терпимо относилась к критике со стороны

²⁶ См.: Жутич, Н. Срби римокатолици такозвани Хрвати: „Срби сви и свуда“: хрватске земље без Хрвата. Земун, 2006. С. 18.

²⁷ По Mićunović D. Život u nevremenu... С. 270

интеллектуальной элиты, как было показано во второй главе, то в 70-е гг. начинается серьезное давление на интеллектуалов. Причем, власть продемонстрировала, что, в отличие от 60-х гг., поводом для снисхождения не может быть ни общее партизанское прошлое, ни следование важному для идеологии «самоуправленческого социализма» тезису о постоянной «критике и самокритике».

В этот же период кардинально изменяется позиция будущего лидера сербской интеллектуальной сербофильской оппозиции, будущего президента Союзной республики Югославии, сербского писателя Добрицы Чосича.

Добрица Чосич относился к той же категории близких к власти интеллектуалов, которые добились высокого положения благодаря общему партизанскому прошлому с первыми лицами Социалистической Югославии.

Добрица Чосич родился 29.12.1921 г. Во время Второй мировой войны он был комиссаром партизанского отряда. Совместно с Й. Марьяновичем издавал газету «Молодой партизан». После окончания войны, благодаря военным заслугам и покровительству главы Службы государственной безопасности Александра Ранковича, быстро сделал политическую карьеру. В 1952 г. вместе с А. Ранковичем, Д. Чосич посетил концентрационный лагерь для политических заключенных «Голый остров», что говорит о высочайшей степени доверия к нему со стороны партийной элиты и близости к узкому кругу руководства страны. В 1961 г. он был в составе делегации, которая посетила страны Востока с «миссией мира маршала Тито» на корабле «Галеб»²⁸. Во время народных выступлений в Венгрии 1956 г., по поручению А. Ранковича, Д. Чосич был в Будапеште, где, как предполагают некоторые авторы²⁹, вел переговоры о предоставлении Имре Надю и его сторонникам убежища в посольстве Югославии. В 50-е – начале 60-х гг. XX в., он был депутатом сербского и союзного парламента, входил в Центральный комитет СК Сербии. Примерно до середины 60-х гг. он был

²⁸ Тодоровић Д. Књига о Ћосићу: Добрица Ћосић - прилози за политичку биографију. Београд, 2005. С. 22.

²⁹ Тодоровић Д. Књига о Ћосићу: Добрица Ћосић - прилози за политичку биографију. Београд, 2005.

преданным существующей власти, существующей идеологии, человеком, который занимал заметное положение в системе государственной и партийной власти и мог достичь еще большего. Но события 1966 г., связанные с отставкой А. Ранковича и последовавшей вслед за этим сменой партийно-политической элиты в Косово заставили Д. Чосича пересмотреть свою позицию. Причем, вероятно, на решение выступить против партийно-политической элиты повлияла как отставка покровителя писателя А. Ранковича, так и ухудшение положения сербов в Косово.

Конфликт Добрицы Чосича с партийно-политическим руководством Сербии разразился на пленуме ЦК СК Сербии в мае 1968 г. Фактически выступление Д. Чосича представляло собой отчет о посещении АК Косово, которое имело место быть незадолго до этого. Позже это выступление было опубликовано в сборнике его статей «Косово» в 2004 г. под названием «Критика концепции власти о национальной политике»³⁰. В этом выступлении Д. Чосич «осудил злоупотребление самоуправлением как ширмой для партикуляризма и бюрократического национализма»³¹. Он подчеркнул, что особенно тяжелое положение у сербов, проживающих в Косово и Метохии: «ощущение опасности у сербов и черногорцев, давление на них с целью заставить эмигрировать, систематическое вытеснение с руководящих постов сербов и черногорцев, неравноправие перед судом, несоблюдение законов»³². Кроме АК КиМ, рост антисербских настроений, по мнению писателя, можно зафиксировать в Хорватии и Словении. Таким образом, Д. Чосич одним из первых обратился к проблеме неравноправия сербов в составе союзной Югославии, которое нашло выражение в остром недовольстве своим «положением и развитием, покорности судьбе, ощущении нарушения национального и исторического достоинства, некоего всеобщего гнева, направленного против широких кругов сербского народа»³³. В этом же выступлении он подверг критике национальную политику СКЮ:

³⁰ Ћосић Д. Косово. Београд, 2004. С. 13 – 24.

³¹ Jasna Dragović – Soso Указ соч... С. 71

³² Ћосић Д. Косово... С. 15.

³³ Там же... С. 13.

«к сожалению, в решениях о развитии и характере межнациональных отношений, в концепции «национальной политики», социалистическая демократия пока делает нерешительные и робкие шаги»³⁴.

Необходимо подчеркнуть, что в 1970-е гг. в Сербии впервые прозвучал тезис о несправедливом отношении и к сербскому народу, и к республике со стороны союзных властей. Эти обвинения прозвучали и от Добрицы Чосича, и от преподавателей юридического факультета. Отличаются они только акцентом на национальность, который сделал Д. Чосич. Такое внимание к национальной составляющей проблемы положения Сербии и сербов в федерации стало первым шагом на пути к возрождению т.н. «сербского вопроса», которое Д. Чосич осуществил в 70-е – 80-е гг. XX в.

Выступление Добрицы Чосича, также как и выступление Йована Марьяновича, о котором речь шла выше, стало предметом обсуждения на заседании Идеологической комиссии Центрального комитета Союза коммунистов Югославии. Реакция на эти доклады была однозначной, они были квалифицированы как диверсия. Авторы называли «националистами», «остатками потерпевших поражение бюрократических сил»³⁵. Д. Чосич был исключен из партии, изгнан из реальной политической жизни. Именно после этих событий Добрица Чосич был вынужден начать поиск новой идеологической схемы, альтернативной официальной идеологии югославизма и самоуправленческого социализма. Неудивительно, что основой его поисков стал национальный вопрос, т.е. так называемый «сербский вопрос».

После ухода Д. Чосича в оппозицию вокруг него и постепенно возрождаемого им «сербского вопроса» стала группироваться национально-ориентированная интеллектуальная элита. Именно эта группа в 80-ые гг. станет единственной реальной интеллектуальной силой, способной противостоять партийной элите и предложить обществу новую идеологию. А

³⁴ Ћосић Д. Косово... С. 10.

³⁵ Цит. по Ристановић П. Добрица Ћосић и отварање косовског питања 1968 године. // Приштина, 2012 г. С. 197 – 229.

либералы, в том числе из-за эмиграции, в 80-е гг. окажутся разобщенными. У них не будет ни лидера, ни четко сформулированной программы, способной составить конкуренцию за влияние на массовое сознание сербофилам во главе с Д. Чосичем.

Таким образом, именно в конце 70-х гг. Добрица Чосич начал путь к роли национального лидера сербского народа. И именно тогда от этой роли окончательно отказалась сербская партийно-политическая элита. В 1977 г. Президиум ЦК СК Сербии дал задание группе специалистов «подготовить предложения по ревизии Конституции»³⁶. Этот документ получил название «Голубая книга». Во главе группы разработчиков «Голубой книги» стоял Найдан Пашич. В-первую очередь, сербские партийные функционеры, повторяя критику конституционных поправок преподавателями юридического факультета Белградского университета, были озабочены широкими правами автономий. Члены рабочей группы подчеркивали, что в условиях такой широкой автономии не может нормально работать ни один орган власти Республики Сербии. «Скупщина работает как орган конкретной части Республики, но состоит из делегатов со всей территории»³⁷. В подобной ситуации вынуждены работать и Исполнительное вече, Верховный суд, республиканские министерства, средства массовой информации. Большие проблемы такая ситуация, как подчеркивали члены рабочей группы, создавала для «народной обороны», так как республиканские штабы территориальной обороны и штабы автономных краев не могли договориться о субординации. Целью авторов проекта была «изменение Конституции СФРЮ и Республики Сербии, исключение, в первую очередь, тех пунктов, которые привели к политической раздробленности Сербии»³⁸.

Этот проект вызвал широкую критику среди руководства Югославии и партийно-политической элиты республик. Иосип Броз Тито отметил, что этот

³⁶ Никифоров В.К. Глава VI: Югославский эксперимент // Власть – общество – реформы: Центральная и Юго-Восточная Европа. Вторая половина XX века. М., 2006. С. 370 – 371

³⁷ Николић К. Србија у титовој Југославији (1941 – 1980). Београд, 2011. С. 333

³⁸ Шутовић М. Покушај (ре)дефинисања уставног аранжмана аутономних покрајина из 1974. године. Приштина, 1994. С. 11.

документ «не согласуется с идейно-политическим направлением Союза коммунистов»³⁹. Против проекта выступил и Э. Кардель, и представители других республик и автономных краев. Так что партийная элита республики сама отозвала это предложение, «боясь обвинений в «великосербстве»⁴⁰.

Практически одновременно с этой капитуляцией сербского партаппарата Добрица Чосич вновь ярко выступил в роли защитника сербства. Это произошло на заседании Сербской академии наук и искусств 29 марта 1977 г., посвященном приему Д. Чосича в члены САНИ. В ответной речи под названием «Литература и история сегодня» писатель впервые публично поднял две важнейшие для дальнейшего развития оппозиционного дискурса тем. Во-первых, он заявил о том, что роль сербов в истории XX в. недооценивается и что «в Европе больше нет малого народа, который в последние два века, а особенно в двадцатом веке, столько воевал, принес столько жертв ради освободительных целей и ради великих изменений, как сербский народ»⁴¹. Во-вторых, он подчеркнул, что жертвы сербов ради других народов Югославии, которые они понесли в Первую мировую войну, не были оценены и даже были напрасны: «какой мы народ, какие мы люди, которые воевали и гибли только за свободу, но после победы остались без нее?»⁴². В конце своей речи, подводя итог, писатель призвал сербов задуматься о своей истории и понять, что «создание Югославии вместо сербского государства было ошибкой»⁴³.

На фоне практически отказа партийно-политической элиты республики бороться за ее права, за уравнивание ее юридического положения с другими республиками, речь Добрицы Чосича, содержащая признание великой роли сербов в истории, а самое главное, призыв к другим народам оценить эту роль и воздать сербам должное, сделала его неформальным лидером нации, ее защитником и оратором.

³⁹ Николић К. Србија у титовој Југославији... С. 336.

⁴⁰ Никифоров В.К. Глава VI: Югославский эксперимент... С. 371

⁴¹ По Николић К. Српска књижевност и политика: 1945 – 1991: главни токови. Београд, 2012. С. 280.

⁴² По Dragović-Soso J. Указ соч...С. 144.

⁴³ Ibid С. 144.

Таким образом, рубеж 60-х – середины 70-х гг. XX в. оказался решающим для будущего развития сербской интеллектуальной оппозиции. Во-первых, следствием давления на Белградский университет стал раскол элиты. Вплоть до начала 70-х гг. даже критически настроенные по отношению к существующему политическому режиму интеллектуалы были частью властной элиты, выполнявшей важную функцию критики недостатков современной действительности. Во-вторых, в эти годы оказался в оппозиции и сформулировал свою идеологию Добрица Чосич, заложив основу для своего будущего лидерства в протестном интеллектуальном поле. В-третьих, отошли на второй план либералы, тем самым фактически предопределив в 80-е гг. борьбу только двух идеологий: официальной идеологии югославизма и «самоуправленческого социализма» и идеологии возрожденного «сербского вопроса». В-четвертых, партийно-политическая элита Сербии фактически отказалась от роли защитника республиканских и национальных интересов, уступив эту роль интеллектуальной оппозиции. И, в-пятых, удар по гуманитарным факультетам Белградского факультета надолго, практически на десять лет, вплоть до 1986 г., заставил профессоров воздерживаться от участия в идеологических, философских и исторических дискуссиях. В первой половине 80-х гг. эти дискуссии будут проходить без участия профессиональных историков, и это приведет к печальным последствиям, усугубит раскол общества и станет одной из причин межэтнического противостояния 90-х гг. XX в. на территории уже бывшей Югославии.

3. 1980-ые гг.: системный кризис СФРЮ и окончательное идейное оформление интеллектуальной оппозиции

3.1. Системный кризис 1980-х гг.: формирование почвы для выхода на политическую арену национально-ориентированного идеологического дискурса

В 80-е гг. XX в. в Социалистической федеративной республике Югославии разразился системный кризис. Начиная с 1960-х гг., целостность и единство Социалистической Югославии базировались на трех фундаментальных основах: системе самоуправленческого социализма, Югославской народной армии и Союзе коммунистов Югославии. Стабильность этой системы, а следовательно и единства страны, поддерживал Иосип Броз Тито. Его смерть 4 мая 1980 г. послужила спусковым механизмом к началу глубочайшего системного кризиса, который разрушил все три основания Югославской федерации и, вслед за этим, всю страну.

В первую очередь, кризис проявился в экономике самоуправленческого социализма. Основными элементами экономического кризиса стали «критическое положение в области поддержания внешней платежеспособности страны; сокращение промышленного производства; усиление общего и структурного несоответствия в области поддержания внешней платежеспособности страны; превышение темпов роста потребления над реальными материальными и финансовыми возможностями страны; рост цен и темпа инфляции; снижение производительности труда и эффективности хозяйствования; обострение проблем безработицы; падение жизненного уровня и заработной платы; рост социальных различий. В стране ощущалась нехватка сырья и полуфабрикатов, электроэнергии, товаров широкого потребления»¹.

Во многом эти проблемы коренились в логике предшествующего развития экономики СФРЮ и самой федерации. Содержание некоторых статей

¹ Гуськова Е.Ю. Указ соч... С.63.

Конституции 1974 г. предопределило возникновение экономических трудностей. Конституционная реформа привела к увеличению административного аппарата. «Количество союзных органов государственного управления, например, в 1956 г. насчитывало 20 ведомств, а в 1979 г. на том же уровне. Число организаций составило 31, ... за последние десять лет выросло и совокупное число сотрудников общественно-политических организаций. От 120 000 человек в 1971 г. до 182 500 человек в 1981»². Безусловно, увеличение количества ведомств и чиновников привело к росту расходов на их содержание, что не могло не нанести ущерб экономике федерации.

Развитием заложенных в новой Конституции принципов роста самоуправления и автономизации стали «организации объединенного труда», введенные Законом об ОУРАХ 1976 г. По замыслу авторов закона они должны были ограничить влияние директорского корпуса и государственных органов на работу предприятий. Но на деле «серьезно затрудняли оперативное принятие экономических решений»³. Из-за ОУРов возникли проблемы с управляемостью экономикой, снизилась эффективность хозяйствования и производительность труда. Кроме того, «оуризация» экономики привела к еще одному крайне неблагоприятному последствию. А именно, к росту внутренней автономии предприятий, что в условиях экономического кризиса «размывало» хозяйство республик, лишало его единства и целостности. Фактически, предприятия получили возможность самостоятельно искать способы выживания, не считаясь с общереспубликанскими нуждами.

Вторым фактором, который привел к экономическому кризису, стали непропорционально широкие внешнеэкономические полномочия, переданные республикам в ходе конституционной реформы. Еще при жизни И. Броз Тито у Югославии образовалась огромная внешняя задолженность.

² Матић М. Гигантизам администрације. // НИН 1986. 23 новемб. 1986 г. С. 17.

³ Никифоров К.С. Распад Югославии... С. 369.

За десять лет - с 1965 г. по 1976 г. - объем внешнего долга достиг 7 млрд. долларов. Положение усугублялось тем, что иностранные займы распределялись крайне неэффективно, а Конституция 1974 г. разрешила республикам самостоятельно брать кредиты за рубежом. Во второй половине 1970-ых гг. они пользовались этим правом очень активно, тем самым увеличив совокупную задолженность СФРЮ до 20,1 млрд. долларов к 1981 г.⁴ Выплаты этих долгов и процентов по ним тяжелым грузом легли на общенациональный бюджет. Более того, механизмы, позволявшие республикам самостоятельно брать кредиты за рубежом, спровоцировали автаркизацию республик. Они ослабляли их экономическую зависимость и от федерального центра, и от других республик Югославии. Возможность самостоятельно взаимодействовать с иностранными кредиторами усиливала центробежные тенденции в субъектах югославской федерации. Еще одним экономическим фактором, увеличившим стремление республик к самостоятельности и нагнетавшим межреспубликанские конфликты и противоречия, была разница в развитии субъектов Югославской федерации. Все республики и автономные края Югославии по состоянию на 80-е гг. XX в. можно разделить на пять групп. Это «развитые республики – Словения и Хорватия; среднеразвитый край – Воеводина; малоразвитая республика Сербия (без краев); слабо развитые республики – Босния и Герцеговина, Македония, Черногория; особо неразвитый край Косово»⁵. В частности, ежегодный уровень дохода на душу населения в промышленно развитых Словении и Хорватии примерно в три раза превышал аналогичные показатели в АК Косово и Метохия⁶. В 1981 г. уровень безработицы среди албанцев в Косове составил 27%, заметно превосходя общенациональный уровень⁷. В 70-х гг. XX в. в СФРЮ проводилась политика, направленная на выравнивание уровня экономического развития регионов. С этой целью был

⁴ Николаева Т.В. Анализ югославской модели социализма в контексте причин балканского кризиса 90-х гг. М., 2002. С.13.

⁵ Валич Э.Б. Югославский клубок. // География 1996 № 5. С. 7.

⁶ По Jović D. Jugoslavija: drzava koja je odumrla: uspon, kriza i pad Kardeljeve Jugoslavije. Zagreb, 2003. С 218.

⁷ Некрасов И. Ни разругать, ни развязать. Косово – заложник противоположных интересов // Известия. 1999 14 янв. С.5.

принят закон об отчислении развитыми республиками 2% своего общественного продукта в так называемый Фонд федерации для кредитования недостаточно развитых республик и автономного края Косово и Метохия. Это должно было, по мнению авторов концепции «выравнивания», сгладить зарождавшиеся межреспубликанские противоречия⁸. Но после смерти Тито, на фоне углубляющегося экономического кризиса и явной неспособности руководства страны справиться с ним, партийно-политические элиты республик – доноров стали предпринимать меры для защиты экономик своих республик. Меры пользовались поддержкой и среди населения этих республик.

Таким образом, в 80-е гг. XX в. стало очевидно, что экономическая система, созданная Конституцией 1974 г. и Законом об ОУРах 1976 г., не функционирует. Ее реформа означала отказ от системы «самоуправленческого социализма», порождением которой эта система была. Партийно-политическая элита была не готова отказаться от одного из основных элементов идеологии. Но единственным эффективным выходом из кризиса был именно пересмотр основ экономической системы, перевод ее на принципиально другие рельсы. Возникла патовая ситуация. Неспособность найти выход вела к росту недовольства населения, становившемуся все более восприимчивым к пропаганде националистической идеологии.

Проблемы в функционировании экономики федерации породили серьезные социально–психологические последствия. Это привело к разочарованию в экономическом и политическом курсе, в общественно-политическом строе. Разочарование, в первую очередь, проявилось в массовом сознании, но затронуло и партийно-политическую элиту. Например, Иван Стамболич отмечал, что «мы жили с иллюзией, что развиваем социализм, а оказалось, что нет денег даже на социальную защиту»⁹. В общественном сознании начался поиск причин кризиса. Вполне логично, что в глазах жителей

⁸ Вуяич В., Заславский В. СССР и Югославия: причины распада. // Этнографическое обозрения. 1993 №1 С.25

⁹ Стамболић И. Криза нас буди. // НИН 1986 20 апр. С. 29.

Словении и Хорватии виноватыми оказались слаборазвитые республики и особо неразвитый автономный край Косово и Метохия, в бюджетах которых, без видимого эффекта, оседали значительные денежные суммы, изъятые из экономик развитых республик. Поэтому лидеры республик прекратили выплачивать взносы в Фонд Федерации и предприняли меры для защиты своих рынков от продукции предприятий из других регионов Югославии. В результате «хрупкий общегославский рынок стал на глазах распадаться на шесть республиканских и два краевых»¹⁰.

Прекращение выплат в Фонд Федерации привело к снижению дотаций в бюджеты слаборазвитых республик и АК КиМ и к снижению уровня жизни населения этих территорий. В свою очередь, это породило у них обиду и недовольство развитыми республиками и федеральным центром. А в Косове все громче стали звучать призывы к выходу из состава СФРЮ.

Экономический кризис привел к резкому падению уровня жизни в Сербии. Начало 80-х гг. в Белграде отмечено веерными отключениями электричества, введением талонов на некоторые товары и нормированным распределением бензина. «Характерной чертой середины 80-х становится маргинализация городского населения: быстрый рост безработицы (по официальным данным регистрации — до 1 млн, а по неофициальным — до 5 млн чел.), сопровождался притоком в крупные города, в частности, в Белград, рабочих-мигрантов из т.н. «слаборазвитых» республик — Черногории, Боснии и Герцеговины, Македонии»¹¹. Отдельную проблему представляла студенческая молодежь. «Высшая школа превращалась в своеобразный «отстойник» — реабилитационный резерват для безработной молодежи»¹², которая не надеялась после окончания обучения найти работу, а приезжие из других частей страны не могли рассчитывать на какое-либо другое жилье, кроме общежитий. Поэтому зачастую даже отчисленные студенты

¹⁰ Никифоров К.В. «Карделевская Югославия» (1974 – 1990). // Югославия в XX веке: очерки политической истории. М., 2011. С. 745.

¹¹ Кирьяков Ю.С. Белград 1983: на какой почве вырастают «монстры» национальной памяти? // Славянские диалоги на границе Европы и Азии. Историческая память: арена войны «национальных историй» или основа для диалога и взаимопонимания. Екатеринбург, 2013. С. 274

¹² Кирьяков Ю.С. Белград 1983 ... С. 274

продолжали занимать места в общежитиях, а в комнатах, рассчитанных на троих человек, могло проживать шестеро. Все это создавало взрывоопасную обстановку в студенческой среде и способствовало росту националистических настроений. Как отмечает С. Анджелич (секретарь комитета СК Югославии в Белградском университете), «во время празднование Нового (1983 – *Н.Г.*) года сотни студентов надели на себя этнические пилюльки и пели национальные песни»¹³. С другой стороны, аналогичные процессы происходили в среде студентов других национальностей. В результате «выросло поколение «невоинствующих», которое через 5 – 10 лет станет «пехотой» «митингов истины», «антибюрократической революции» С. Милошевича, а затем пушечным мясом войны на взаимное истребление»¹⁴. В условиях жесточайшего экономического кризиса партийно-политическая элита не смогла остановить процесс маргинализации городского общества. Более того, она была не в состоянии предложить этой молодежи ни надежд на будущее улучшение их положения, ни даже приемлемого объяснения, почему они оказались в такой ситуации. В то время как национально-ориентированная интеллектуальная элита создала «образ врага» и предложила молодым людям ясную жизненную цель: борьбу за национальные права своего народа любыми средствами.

Кризис в Косово стал одним из важнейших составляющих системного кризиса 80-х гг. События в крае в 80-е гг. были в центре внимания интеллектуалов и обывателей. И каждый виток кризиса в Косове и Метохии способствовал все большей радикализации общественного сознания.

Очередное обострение ситуации в крае началось в марте 1981 г., когда там прошли массовые демонстрации с требованием предоставить Косово статус республики. Причины этих демонстраций, как отмечают и исследователи этих событий, и представители партийной элиты Югославии того периода,

¹³ Лазаревић Р. У реду за ручак, читаоницу, купатило...// Политика 23 феб. 1983. С. 11.

¹⁴ Кирьяков Ю.С. Белград 1983 ... С. 275.

были разнообразными и не ограничивались только ростом национализма среди албанцев. Например, македонский представитель в союзном Президиуме, Лазар Колишевский считал, что причиной выступлений были экономические проблемы края. А член ЦК СКЮ Васка Дуганова заявляла, что «невозможно достичь европейского развития с азиатским приростом населения»¹⁵. Председатель Президиума ЦК СК Сербии Тихомир Влашкалич говорил о высокой степени бюрократизма, царившей в КиМ, которая и спровоцировала людей на митинги. Еще одним фактором, ставшим причиной волнений в Косово и Метохии, было влияние соседней Албании, которая поддерживала демонстрантов и на страницах прессы настраивала их против центрального правительства. В качестве примера можно привести статью в официальной албанской газете «Зери и попули», в которой содержалась критика Югославии за использование полиции для разгона демонстраций, и подчеркивалось, что это вмешательство возродило «старый дух Карджорджевича и тень Ранковича. Она обращала внимание Белграда на то, что не должно было случиться такого, чтобы сербская милиция, вооруженная до зубов, окружала косовские города»¹⁶. Несомненно, важной причиной роста нестабильности в крае был и албанский национализм.

Если причины начавшегося кризиса были разнообразны, то его проявления с течением времени все больше сводились к противостоянию живущих в крае сербов и албанцев, основной формой которого стали покушения албанцев на жизнь, здоровье и имущество сербов. Ярким свидетельством этого послужил исход сербов из края. Причиной его являлась опасность, которую потенциально представляли албанские жители. Помимо эмиграции из КиМ, сербы в этот период регулярно направляли в Белград так называемые «марши правды», с требованиями улучшить систему государственного управления в крае, навести там порядок и наказать виновных в преступлениях против сербского населения. Самой крупной стала делегация, которая прибыла в

¹⁵ Jović D. Указ соч... S.286

¹⁶ По Jović D. Указ соч... S. 298

Белград в феврале 1986 г. Ее руководители присутствовали на заседании Скупщины. Они свидетельствовали, что «в первые шесть месяцев прошлого года зарегистрирован 71 случай нападения на сербов и черногорцев и семь случаев осквернения памятников и могил»¹⁷. В этот же период «было написано 1190 листовок, содержащих ирредентистскую пропаганду»¹⁸. Проявления насилия касались и детей в школах. «Преподаватели организовали албанских детей... Албанские дети схватили инструменты и бросились на сербских детей с мотыгами и лопатами, поэтому сербские дети должны были убежать»¹⁹. Опасности подвергалось имущество сербов. На дом 75-летней вдовы «в 1983 г. нападали шесть раз»²⁰. При этом все косовские сербы и черногорцы, пришедшие к Скупщине, подчеркивали абсолютную безнаказанность албанцев. Ни директора школ, в которых нападали на учеников, ни милиция, на партийные органы власти не предпринимали ничего для защиты сербов и наказания виновных в преступлениях против них. Причину подобной пассивности делегаты видели в том, что большинство представителей власти были албанцами и не желали выступать против своих. В то же время, республиканские и союзные власти также не предпринимали ничего, что могло бы стабилизировать ситуацию в крае.

Благодаря «маршам правды» бедственное положение сербов в Косово стало достоянием общественности. Наиболее острую реакцию это вызывало как раз в среде маргинальной молодежи, еще больше подогревая ее националистические настроения. Отсутствие адекватной реакции и попыток решить данную проблему со стороны партномеклатуры усиливало растущее социальное недовольство. Взрыв, катализатором которого в будущем станет именно Косовский вопрос, стал неизбежным. Таким образом, социальный кризис, совпавший по времени с очередным обострением ситуации в Косово,

¹⁷ Кальевич Б. Косовски егзодус. // НИН 1986 2 фебр. С. 11

¹⁸ Там же... С. 11

¹⁹ Шта су косовци рекли у Скупштины. // НИН 1986 23 март. С. 53

²⁰ Там же... С. 55

подготовил почву для распространения национально-ориентированного дискурса.

Кризис межнациональных отношений ярче всего проявился именно в Косово и Метохии. Но и в других республиках на фоне экономического кризиса и ухудшения межреспубликанских отношений росла межнациональная напряженность.

Например, в 1980-е гг. в Македонии начала воплощаться в жизнь политика ассимиляции сербов, о чем писал в своем дневнике Добрица Чосич. «Сотни тысяч сербов насильно ассимилированы коммунистической властью в Македонии»²¹. В этом же отрывке Д. Чосич упоминает о насильственном прибавлении к сербским фамилиям суффиксов «ски» и «ов», о том, что македонское руководство разбило на месте сербских воинских могил зоологический сад. В это время в республике распространялись идеи о «едином и самостоятельном Македонском государстве»²². Косвенно свидетельствует о росте межнациональной напряженности в Хорватии резкое падение интенсивности культурных контактов с другими республиками, особенно с Сербией. Об этом с большим сожалением писал журналист Свертак Стольеджа в статье «Загребская ситуация», опубликованной в журнале «Литературное обозрение»²³ 15 марта 1986 г. В этой статье автор отмечал, что, с одной стороны, «Литературное обозрение» невозможно купить ни в одном загребском киоске»²⁴, а с другой стороны, сами хорватские литераторы не стремятся публиковаться в Белграде.

Еще одним ярким примером углубления автаркизации республик и межнациональной напряженности стала проблема сербохорватского языка, которая обострилась в середине 80-х гг. XX в. Дело в том, что в середине 40-х гг. XX в. в Социалистической Югославии началась работа над созданием единого «стандартного»²⁵ языка, который соединил в себе хорватский,

²¹ Чосић Д. Пишчеви записи (1981 – 1991). Београд, 2002. С. 43

²² Јеличић З. Наши национализми. // НИН 1986 23 фебр. С. 17

²³ Стољеђа С. Загребска ситуација. // Книжевне новине 1986 15 март. С. 13.

²⁴ Там же... С. 13

²⁵ Вучелић М., Луковић М. Још једном заједно: језик и политика. // НИН 1986 27 апр. С. 34 – 35.

сербский, черногорский и боснийский варианты единого «сербохорватского языка». Эта работа завершилась т.н. «Новосадской декларацией», которую подписали «90 самых известных литераторов, лингвистов, общественных и культурных работников из четырех республик, в которых говорили на сербохорватском языке»²⁶. На протяжении нескольких десятилетий единый язык воспринимался как еще одно связующее звено между республиками, основа для единства федерации. Но, в 70-х – 80-х гг. языковое единство перестало восприниматься как должное. «В начале 70-х гг. в Хорватии стали появляться лингвисты, которые потребовали признание двух языков «сербского» и «хорватского»»²⁷. В дальнейшем, в середине 80-х гг., языковое разобщение стало проявляться гораздо ярче. Маркером этого явления можно считать использование алфавита. На территории Югославии долгое время одинаково часто использовалась и латиница, и кириллица. Но в 80-е гг. в Косово, в Боснии и Герцеговине и в Хорватии «латиница стала явно доминировать над кириллицей»²⁸. И это доминирование воспринималось в Сербии как притеснение сербов, проживающих в Хорватии, БиГ и Косово.

Таким образом, экономический обвал и маргинализация населения подготовили почву для роста протестных настроений в республике. А межнациональный конфликт в Косово и Метохии усилил националистические настроения в среде радикально настроенной молодежи, подготовив тем самым все основания для возникновения национально-ориентированного идеологического дискурса.

Еще одним составляющим системного кризиса, разразившегося в СФРЮ после смерти И. Броз Тито, стал политический кризис. Он характеризовался параличом системы центрального управления, связанным, во-первых, с особенностями политического и конституционного устройства Югославии, а во-вторых, с усилением роли «этнократических республиканских кланов»²⁹ и борьбой двух группировок в центральном руководстве страны. К

²⁶ Там же... С. 34

²⁷ Вучелић М., Луковић М. Још једном заједно: језик и политика. // НИН 1986 27 апр. С. 35

²⁸ Зечевић В. Неравноправност равнопривних слова. // НИН 1986 6 апр. С. 13.

²⁹ Волков В.К. Этнократия - непредвиденный феномен посттоталитарного мира // Полис. 1993. №2. С. 16.

представителям «этнократии» В. К. Волков относит часть старой партократии, бюрократические слои, управленцев в экономической сфере, дельцов теневой экономики, а также националистическую интеллигенцию. «Общей чертой всех этнократических кланов является их стремление к национально-авторитарным формам правления, борьба за власть и собственность, за полный контроль над «своей» территорией при полном игнорировании и непризнании за другими этносами тех прав, которых она добивалась для обоснования своей власти»³⁰.

Паралич центральной власти в Социалистической Югославии спровоцировала смерть И. Броз Тито. Дело в том, что Конституция 1974 г. могла работать только при наличии высшего арбитра, который, благодаря своему огромному личному авторитету, мог бы разрешать конфликты и споры между республиками и сдерживать перерождение республиканских элит в «этнократические кланы»³¹. После смерти Тито в Югославии не оказалось такого лидера. Был выдвинут лозунг «И после Тито – Тито!»³², символизирующий верность вождю. Реальная политическая власть и право принятия решений в Федерации перешли к Президиуму СФРЮ, в который входили представители от республик и от автономных краев. Каждой год по принципу ротации избирался новый председатель, представитель одной из шести республик или двух автономных краев в составе Республики Сербии. Такая система приводила к тому, что принятие любых решений блокировалось усилившейся межреспубликанской борьбой. К этому моменту сложились очень глубокие противоречия между республиками, и по многим вопросам достижение консенсуса было невозможно. Главным камнем преткновения стал вопрос о дальнейшей судьбе Конституции 1974 г. Группа «уставореформаторов» (устав по-сербски – Конституция) выступала за реформу Конституции и рецентрализацию страны. Им противостояла группа

³⁰ Подробнее см.: В.К. Волков. Узловые проблемы... С.227-228.

³¹ Волков В.К. Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000. С. 147.

³² Dragović-Soso J. Указ соч... С. 258.

«уставобранителей»³³, настаивавших на сохранении статуса-кво. Во главе группы «уставореформаторов» стояли в основном сербские политики, а к числу «уставобранителей» относилась преимущественно словенская и хорватская партноменклатура. Впервые идею реформы Конституции 1974 г. сербские политики предложили еще в 1977 г. в т.н. «Голубой книге». В центре внимания инициаторов реформы находился вопрос о положении автономного края Косово и Метохия. Сербские политики настаивали на сокращении полномочий краевых органов управления в пользу республиканских. В конце 70-х гг. негативная реакция И. Броз Тито и представителей других республик вынудила сербскую партийно-политическую элиту отказаться от идеи реформы. После смерти Тито предложения, изложенные в «Голубой книге», были озвучены вновь, что и привело к политической борьбе «уставобранителей» и «уставореформаторов». Так как к группировке «уставореформаторов» относились в основном сербские и поддерживающие их черногорские политики, а к противоборствующей — хорватские и словенские, — Президиум СФРЮ оказался расколот по национальному признаку. Эта борьба, делая невозможным принятие решений, подтачивала и единство Союза коммунистов Югославии и собственно Социалистической Югославии. Это делало невозможным решение экономических и социальных проблем и подогревало межнациональные противоречия не только среди элит, но и на массовом уровне.

Еще одной составляющей политического кризиса стал кризис идеологический. В первой половине 80-х гг. XX в. этот кризис затронул в основном интеллигенцию. На уровне интеллектуальных элит в этот период происходил процесс смены основополагающих ценностей, лежавших в основе социальной и политической общности. Наднациональная идеология югославизма перестала быть актуальной, перестала быть основой для самоидентификации и самосознания. Эту роль постепенно стали играть

³³ Подробнее см. Jović D. Jugoslavija...528 с.

различные национальные идеи: сербская, хорватская, словенская. Зачастую, одной из составляющих этих национальных идей становился образ врага. Началась актуализация проблемных вопросов национальной истории, постепенно возрождался интерес к межнациональным конфликтам и обидам, которые официальная пропаганда считала забытыми. Часто в основе этих вопросов лежали не только реальные исторические факты, но и мифы национального сознания. Уже с середины 80-х гг. этот процесс вышел за пределы узкого круга интеллектуалов. Поиск новой идеологии захватил и другие социальные группы, особенно маргинальную молодежь. Исторические мифы начали распространяться среди широких слоев общества, а профессиональное историческое сообщество оказалось неспособно противопоставить этому взвешенный и беспристрастный анализ ключевых моментов истории сербского народа. В то же время, пришедшая к власти в 1970-е гг. генерация «технократов» проявила неспособность и нежелание в условиях системного кризиса отказаться от привычных идеологических схем, от привычного образа действий и предложить какую-либо реформу, делающую государственную идеологию более актуальной. Неспособность «политиков-технократов» провести обновление существующей идеологической концепции объясняется обстоятельствами, в результате которых они были рекрутированы во власть. Как упоминалось во второй главе данной работы, в 70-е гг. на фоне событий «Жаркого июня» 1968 г. в Белграде и «Хорватской весны» произошла смена элит, в ходе которой во власть попали люди, не способные к самостоятельному идеологическому творчеству. Тем самым Й. Броз Тито обезопасил себя и страну от повторения сценария событий «Хорватской весны», назначив на ключевые должности исполнителей, способных действовать только в определенных самим Тито рамках. Напомним, что во главе событий, получивших общее название «Хорватская весна», стояла именно высшая партноменклатура республики, стремившаяся к увеличению собственной власти, способная самостоятельно генерировать новые идеи и концепции.

Борьба «уставобранителей» и «уставореформаторов», подточив единство СКЮ, разрушила одну из фундаментальных основ единства Социалистической Югославии – единую Коммунистическую партию. В то же время, экономические проблемы подорвали веру в непогрешимость концепции «самоуправленческого социализма». Рекрутированные во власть политики-технократы не смогли выработать какую-либо новую, привлекательную для общества идеологию. Таким образом, две из трех фундаментальных основ, на которых покоилась Югославская федерация, ушли в прошлое.

Кризис системы управления сделал невозможным решение экономических, социальных и межнациональных проблем. Общество фактически оказалось предоставлено самому себе, оставшись без руководства и без идеологических ориентиров. В этой ситуации неизбежным стал рост популярности национально-ориентированного идеологического дискурса.

3.2 Идеологический кризис 1980-х гг. и прорыв национально-ориентированной идеологии

3.2.1 Эпоха «пролома истории» и начало формирования идеологии этнонационализма

Реакцией сербской интеллектуальной элиты на системный кризис стал всплеск оппозиционных настроений, который вылился в бурные общественные обсуждения, митинги и протесты. В 80-е гг. XX в. вышли в свет работы многих оппозиционных интеллектуалов, содержащие идеи, которые не могли быть публично озвучены в предыдущие периоды. Была полностью разрушена устоявшаяся прежде интерпретация национального прошлого. В массовом сознании начала возрождаться другая трактовка прошлого, основанная на «сербском вопросе». В основе «новой» картины прошлого лежали как исторические мифы, так и реальные факты истории сербского народа, которые сознательно замалчивались официальной исторической наукой прежде. Острейший экономический и социальный

кризис привели к тому, что эта картина прошлого стала основой для новой национально-ориентированной идеологии.

Изменение политического и идеологического климата особенно ярко проявилось в сфере массовых, укорененных в сознании большинства знаний о прошлом. До 1980-х гг. историческая наука строго контролировалась государством и партией. Основой всех исторических исследований была официальная идеология «самоуправленческого социализма» и югославизма. Круг тем был строго регламентирован. Оценка роли И. Броз Тито в «национально-освободительной борьбе» и строительстве новой Югославии, характеристика главных действующих лиц военного периода, собственно интерпретация событий Второй мировой войны, национальной политики, основанной на интегративном югославизме и место движения неприсоединения в системе международных отношений³⁴ не подлежали пересмотру. В условиях системного кризиса и ослабления идеологического контроля в печати началось обсуждение тех исторических событий, которые раньше оценивались однозначно или вообще были закрыты.

Например, к числу произведений, освещавших эти события, можно отнести книгу Владимира Дедиера «Новый взгляд на биографию Иосипа Броз Тито», романы Антония Исаковича «Миг 2», Павле Угриновича «Очарование» и «Цель жизни», повесть Витомира Зупана «Менуэт для гитары», романы Вука Драшковича «Нож», «Русский консул», «Ночь генерала» и Добрицы Чосича «Время зла», «Время смерти», «Грешник», «Отступник», пьесу Йована Радуловича «Голубняча» и другие. Необходимо отметить, что публикация данной литературы воспринималась в начале 80-х гг. как феномен. Недаром еженедельник «Недельне информативне новине»³⁵ (далее – НИН) назвал 1983 г., на который пришелся пик опубликованной литературы, «годом пролома истории».

³⁴ Подробнее см. Николић К. Прошлоост без историје: полемике у Југословенској историографији 1961 – 1991. Главни токови. Београд, 2003. 476 с.

³⁵ Воскресные новости

Первым полностью литературным произведением, которое условно «открывает» период «пролома истории», стала пьеса Йована Радуловича «Голубняча» («Голубиная яма»), поставленная в Сербском народном театре в административном центре АК Воеводина Новом Саде. Пьеса была посвящена геноциду сербских крестьян в Далмации во время Второй мировой войны. Театральная судьба «Голубнячи» сложилась очень удачно. После постановки в Новом Саде, в том же 1982 г. она с успехом прошла в Белграде и в Любляне³⁶. В этом же году пьеса была представлена на нескольких театральных фестивалях. А на 12 театральном фестивале в Новой Горице «Голубняча» была признана лучшим спектаклем³⁷.

Эта пьеса сразу оказалась в центре внимания партийно-политической элиты. Дело в том, что появление пьесы совпало с ухудшением отношений между партийным руководством Воеводины и Сербии. Партийно-политическая элита АК Воеводины стремилась к еще большей самостоятельности в рамках республики, тогда как сербское руководство всячески препятствовало этому. Эта борьба происходила на фоне противостояния уставобранителей и уставореформаторов, что еще больше осложняло ситуацию.

Сразу же после постановки пьесу осудило руководство Воеводины. На заседании Президиума Городского комитета СК Воеводины 7 декабря 1982 г. постановку осудили, подытожив, что в ней «заложены политические идеи и цели, противоположные идейно-политическим определениям СК. Они вызывают сомнения в НОБ-е (национально-освободительной борьбе – Н.Г.), социалистической революции и даже социалистическом самоуправлении, на котором построено наше общество»³⁸. Руководство Воеводины поддержали партийно-политическая элита Хорватии и Боснии и Герцеговины. Например, на заседании Комиссии по идейной и теоретической работе ЦК СК Боснии и

³⁶ Дамјановић П. Успех «Голубњаче» у Љубљани // Случај «Голубњача»: за и против. / Јован Радуловић. Београд, 2008. С. 514

³⁷ Радошевић М. Људски крик на сцени // Случај «Голубњача»: за и против. / Јован Радуловић. Београд, 2008. С. 512

³⁸ Оцене, ставови и закључци 22 седнице Председништва Градског комитета СК Нови Сад (7 децембра 1982) // Случај «Голубњача»: за и против. / Јован Радуловић. Београд, 2008. С. 123.

Герцеговины, состоявшемся 15 июня 1983 г. докладчик Миро Ласич отметил, что «в «Голубняче» все вредно: события показаны как бескомпромиссное противостояние на уровне отдельных людей и народов»³⁹. В отличие от партийно-политической элиты Воеводины, сербское руководство пьесу поддержало, что было «хорошим поводом прочесть демократическую лекцию воеводинским догматикам»⁴⁰. Такую же позицию заняла и сербская пресса, и общественные организации. Например, секретариат Союза писателей Сербии принял специальное заявление «в защиту свободы творчества»⁴¹.

Таким образом, «Голубняча» стала первым литературным произведением, направленным на пересмотр оценки событий недавнего прошлого. Общественное внимание, которое она привлекла, конфликт партийно-политических элит, использовавших ее во внутривоеводинской борьбе, только актуализировали те вопросы, который поставил перед обществом автор пьесы Йован Радулович. И, в первую очередь, самый главный вопрос: а какой на самом деле была история сербов в первой половине XX в., кем они были: жертвами или виновниками преступлений? Ответ на этот вопрос общество надеялось найти в других произведениях эпохи «пролома истории».

Эти художественные произведения имели несколько общих черт. Во-первых, они были очень популярны. Как отмечала Я. Драгович-Сосо, «пересмотр прошлого захватил все уровни югославской науки, культуры и прессы»⁴². Во-вторых, большинство этих произведений были созданы не профессиональными историками, а популярными писателями, журналистами, публицистами. В-третьих, для всех авторов этих произведений было характерно стремление убедить читателей в том, что они, в отличие от профессиональных историков, рассказывают правдивую и

³⁹ Из комисије за идејни и теоријски рад ЦК СК БиХ // Случај «Голубњача»: за и против. / Јован Радуловић. Београд, 2008. С. 684.

⁴⁰ Джукич. С. Како се догодио. Београд, 2009. С. 256.

⁴¹ Из Удружења књижевнеки Србије. // Случај «Голубњача»: за и против. / Јован Радуловић. Београд, 2008. С. 622.

⁴² Dragović-Soso J. Указ соч... С. 121.

полную версию событий. Для придания достоверности повествование зачастую велось либо от первого лица, либо подавалось в форме дневника главного героя. И, в-четвертых, в основе большинства из этих литературных произведений лежали традиционные исторически ценности и представления, которые постепенно вытесняли в общественном сознании догматы «самоуправленческого социализма» и «югославизма». Данные романы, пьесы, рассказы способствовали тому, что эти взгляды стали популярными среди сербов. Безусловно, это была самая главная, определяющая черта этой литературы.

К числу наиболее характерных черт в измененной картине мира, прочно вошедших в ментальную карту прошлого в тот период, относились развенчание культа личности Иосипа Броз Тито и высокого морально-политического авторитета СКЮ. Наиболее остро и убедительно это было сделано в монографии Владимира Дедиера «Новый взгляд на биографию Иосипа Броз Тито»⁴³ и в романе Антония Исаковича «Миг 2». Роман был посвящен концлагерю на Голом острове и представлял собой протест «против догматического учения, злоупотреблений»⁴⁴, которые, по мнению А. Исаковича, властная элита считала нормальными мерами для удержания власти.

Поскольку книга В. Дедиера стала первым не литературным, а научно-публицистическим произведением в ряду работ эпохи «пролома истории», а сам Дедиер был соратником вождя по народно-освободительной борьбе и автором изданных в 50-е – 60-е гг. XX в. и канонизированных партийной пропагандой авторизованных документально-биографических работ о Тито, остановимся на ее содержании подробнее.

Личность И. Броз Тито была сакральной для югославской идеологии и общественного мнения. В югославской историографии использовались следующие эпитеты для характеристики личности Тито: ««великий»,

⁴³ Dediđer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Rijeka, 1981. 473 s.

⁴⁴ Палавистра П. Критичка књижевност као облик очишћења. // Књижевне новине. 1982 8 апр. С. 7

«гениальный», «творец», «товарищ», «организатор», «учитель», «сын народа», «вождь», «героический вождь», «полководец»⁴⁵. Для официальной государственной югославской идеологии Тито был борцом против фашизма, который после войны добился национального равноправия в стране и всегда выступал за расширение прав рабочего класса не только в Югославии, но и во всем мире. Именно благодаря И. Броз Тито, казалось, решались наиболее важные внутривластные и внешнеполитические проблемы СФРЮ. Во время конфликта со Сталиным в 1948 г. Тито боролся за возвращение к «истинному» марксизму, против искажений, которые возникли в сталинском Советском Союзе. Во время студенческих выступлений в Белграде 1968 г. ему удалось в глазах общества стать защитником студентов, способным понять их проблемы и удовлетворить требования. То есть, долгое время личность Иосипа Броз Тито в югославских исторических и публицистических работах оценивалась только положительно. Поэтому неудивительно, что одной из первых работ, положивших начало процессу так называемого «пролома истории», была именно работа, направленная на разрушение культа личности И. Броз Тито.

В опубликованной в 1981 г. монографии «Новый взгляд на биографию Иосипа Броз Тито», В. Дедиер предлагает совершенно новую трактовку исторической роли вождя и самой личности И. Броз Тито. В ней впервые предстал не Тито – символ государства, герой «народно-освободительной войны», «великий лидер», а Тито – человек, который может не только ошибаться, но и, используя любые средства, бороться за власть. Например, именно В. Дедиер впервые рассказал своим читателям об участии Тито в военных действиях против Сербии в составе австро-венгерской армии в годы Первой мировой войны, что дало повод утверждать, что коммунистический лидер Югославии был настроен антисербски⁴⁶. Кроме того, он впервые «поставил вопрос о роли Тито в арестах югославских коммунистов в Москве

⁴⁵ Николић К. Прошлост без историје... С. 319

⁴⁶ Dediđer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Rijeka, 1981. S. 332-334.

в годы великой чистки»⁴⁷. Труд В. Дедиера полон пикантных подробностей из личной жизни вождя, что нанесло непоправимый удар по культуре личности И. Броз Тито в 1980-е гг. В итоге книга «Новое приложение к биографии Иосипа Броз Тито» стала основой для формирования нового образа вождя. И одновременно, благодаря этой работе начал распространяться первый важный для новой ментальной карты прошлого образ И. Броз Тито, главной отличительной чертой которого стало сербофобство. На Тито была возложена вина за «поражение» сербов во Второй мировой войне. Это «поражение» заключалось в том, что после войны сербский народ оказался раздроблен и проживал в различных республиках Югославии.

Во-вторых, важнейшим историческим представлением, получившим распространение в тот период, стало представление о том, что сербы постоянно на протяжении своей истории трудились и приносили жертвы ради создания общего государства всех югославянских народов, зачастую отказываясь ради этого от своего национального государства. Ярко эта идея была представлена в романе В. Драшковича «Ночь генерала»⁴⁸, в котором автор предложил свой взгляд на личность, судьбу и цели деятельности генерала Драже Михайловича, лидера движения четников. Эти идеи содержатся и в романах Добрицы Чосича «Время зла», «Время смерти», «Грешник», «Отступник», посвященных проблемам и противоречиям революционного движения в Югославии.

В-третьих, важным для формирования новой исторической реальности в массовом сознании стало представление о том, что на протяжении истории XX в. сербы неоднократно становились жертвами геноцида со стороны других народов Югославии. Но, как отмечали оппозиционно настроенные интеллектуалы, их жертвы были намеренно забыты, никогда не освещались в прессе и публицистике и не стали предметом исследования в исторической

⁴⁷ Dragović-Soso J. Указ соч... S. 125.

⁴⁸ Драшковић В. Ноћ генерала. Београд, 2000. 177 с.

науке. В качестве примера литературы, посвященной этой идее, можно привести пьесу Йована Радуловича «Голубьяча»⁴⁹.

Представление о т.н. исторической жертвенности сербов тесно переплетается с четвертым тезисом, который в 80-е гг. XX в. стал популярным. А именно тезис о том, что сербов на протяжении всей истории окружали враги, в защите от которых они могли надеяться лишь на собственные силы, не получая поддержки ни от других народов Югославии, ни от государства. В 1980-е гг. такими врагами для сербов стали албанцы, которые планомерно вытесняли сербов с их исконной территории, из «сердца» сербской государственности — Косово. Это представление особенно активно прослеживается в романе Вука Драшковича «Русский консул»⁵⁰.

Работы эти были очень популярны. Об этом, в первую очередь, говорит пристальное внимание прессы. В разные года романы Добрицы Чосича «Время смерти» и «Время зла», роман Антония Исаковича «Миг 2» были признаны романами года белградским еженедельником НИИ. У авторов романов многократно брали интервью, организовывали с ними круглые столы, посвященные проблемам истории, причем не только в редакции НИИ, но и в редакции еженедельника «Литературное обозрение», официального печатного органа Союза писателей Сербии. Помимо этого, «Литературное обозрение» публиковало критические статьи, посвященные данной литературе. По роману Добрицы Чосича «Время смерти» в 1984 г. был поставлен спектакль в Югославском драматическом театре⁵¹. А отрывки из книги В. Дедиера, спустя три года после её выхода в свет, были повторно опубликованы в журнале НИИ⁵². Правда, даже в 1984 г. НИИ поступил очень

⁴⁹ Радуловић Ј. Голубьяча // Случај Голубьяча: за и против. Београд, 2008. С. 9 – 45

⁵⁰ Драшковић В. Руски конзул. Београд, 2000.

⁵¹ Стаменковић В. Сцена као историјска установа. // НИИ 1984 8 јан. С. 37

⁵² Дедиер В. Како је сачувана независност. // НИИ 1984 1 јул. С. 50 – 52; Дедиер В. Рат после рата. // НИИ 1984 8 јул. С. 48 – 51; Дедиер В. Стаљин се спрема за обрачун с Титом. // НИИ 1984 15 јул. С. 49 – 52; Дедиер В. Сталинов ултиматум. // НИИ 1984 22 јул. С. 52 – 54; Дедиер В. Састанак код Стаљина. // НИИ 1984 29 јул г.С. 51 – 54; Дедиер В. Припреме са оружани напад. // НИИ 1984 5 авг. С. 51 – 54.

осторожно, опубликовав наиболее нейтральные с точки зрения оценки личности И. Броз Тито главы.

Помимо возрождения и распространения исторических мифов в 1980-е гг. в массовом сознании стали появляться новые герои. Ярким примером этого явления стала мифологизация образа Александра Ранковича.

Карьера и падение А. Ранковича были освещены во второй главе данной работы. После Брионского пленума он перестал быть публичным человеком и оказался забыт. Ситуация изменилась после его смерти в августе 1983 г., когда об А. Ранковиче вновь вспомнили как об харизматичном герое. Причем во многом такой образ Ранковича был сформирован благодаря Д. Чосичу.

В дневниках Д. Чосича, А. Ранковичу посвящены четыре полноценные записи за 26 апреля 1981 г., 31 января 1982 г., 18 августа 1983 г. и за сентябрь 1983 г.⁵³. Две последние заметки посвящены смерти и похоронам А. Ранковича. Кроме того, вскользь его имя упоминается во многих заметках и отрывках из публичных выступлений писателя, которые он цитирует в своих «Дневниковых записях».

Там А. Ранкович предстает как серб, верный защитник и покровитель сербства, который пострадал за свои убеждения. Последний политик в высшем руководстве государства, который пытался сохранить права сербов на Косово, их исконную территорию, и не допустить ее албанизации. Угроза албанизации стала реальной после его отставки.

В дневниках Д. Чосича А. Ранкович предстает сложным героем, который несет ответственность за создание концентрационных лагерей для политических заключенных «Голый остров» и «Святой Гргур». Но, указывая на это, Чосич подчеркивает, что А. Ранкович выполнял распоряжение И. Броз Тито, борясь с врагами вождя. При этом, по словам Д. Чосича, именно тогда, когда А. Ранкович стал главой УДБ, прекратились попытки

⁵³ Ћосић Д. Пишчеви записи (1981 – 1991). Београд, 2002; Ћосић Д. Пишчеви записи (1992 – 1993). Београд, 2002.

спецслужбуничтожить лидеров четников в эмиграции. Д. Чосич связывает это с влиянием А. Ранковича.

Таким образом, в «Записных книжках» Д. Чосича отражается сложный, но, безусловно, положительный образ А. Ранковича. Таким же этот образ вернулся и в сознание сербского народа. Не случайно, похороны А. Ранковича, которые состоялись в августе 1983 г., сопровождались многотысячными митингами под националистическими лозунгами. Это свидетельствует о том, что А. Ранкович стал восприниматься как сербский великомученик, национальный защитник и герой. Он - важный элемент ментальной карты национальной истории. Популярность образа харизматичного национального лидера прошлого демонстрировала потребность общества в поиске аналогичного лидера в настоящем.

Можно сделать вывод, что в 80-е гг. XX в. «новая» картина недавнего прошлого, растиражированная популярной литературой, была воспринята массами. Именно это изменение в конце 1980-х – начале 1990-х гг. сделало возможным приход к власти лидера, который оперировал именно национально-ориентированными лозунгами. Таким лидером стал Слободан Милошевич, а его обращение к национальным идеям было одной из причин трагического распада страны.

Авторы эпохи «пролома истории» своими произведениями не только сделали возможным утверждение в массовом сознании любой, оперирующей национальными образами и символами программы. Некоторые из них сами прошли путь от простой констатации кризисных явлений в югославском обществе к формулированию подобной политической программы. Ярким примером такой эволюции стала судьба Вука Драшковича. Этот переход символизирует его диалогия, состоящая из романов «Нож»⁵⁴ и «Русский консул»⁵⁵.

⁵⁴ Драшкович В. Нож. М., 1995. 311 с

⁵⁵ Драшкович В. Руски конзул. Београд, 2000. 309 с

В основе литературных и публицистических произведений В. Драшковича, как и в основе большинства романов эпохи «пролома истории», лежат два важнейших исторических представления. Сюжет первого романа «Нож» выстроен вокруг представления о постоянных страданиях и унижениях, которым подвергались сербы на протяжении XX в. А второй роман дилогии «Русский консул» иллюстрирует идею о враждебном окружении, в котором приходится существовать сербскому народу.

Эта дилогия повествовала о судьбе подростка Алии Османовича, впоследствии изменившего имя на «Илия Югович». Эта книга фактически является политическим памфлетом. В нем на фоне событий, происходящих с героями, представлены основные позиции общественного дискурса, основанного на «сербском вопросе» и новой исторической реальности.

Действие романа «Нож» разворачивалось параллельно во времена Второй мировой войны и в 60-ые гг. XX в. Сюжет романа строился вокруг проблемы национального унижения сербов как во время существования Независимого государства Хорватия, так и в югославской республике Босния и Герцеговина. В этом романе Вук Драшкович впервые рассказал массовой аудитории о произошедшем в годы Второй мировой войны межнациональном конфликте на территории Боснии и Герцеговины, который привел к серьезному изменению национально-конфессионального состава населения республики. В центре сюжета романа история двух семей: Османовичей (мусульманская семья) и Юговичей (сербская семья). В рождественскую ночь 1942 г. Османовичи вырезали Юговичей, а в ответ четнический воевода Митар Жеравица напал на село, где жили Османовичи, практически уничтожив его. Параллельно в романе развивается история молодого человека Алии Османовича, проживающего в 1960-е гг. в БиГ. На примере судьбы своего героя автор показал, что и через двадцать лет после войны бытовой национализм, несмотря на официальный лозунг «равенство, братство и единство народов и народностей Югославии», не был искоренен, а старый конфликт между сербами и мусульманами продолжал влиять на

повседневную жизнь людей. В романе «Нож» автор акцентировал внимание общества на проблеме межнациональных отношений, подчеркивая, что за время существования Социалистической Югославии старые межнациональные конфликты решены не были. Более того, эти конфликты были намеренно скрыты от общества официальной историографией, но продолжали жить в народной памяти.

Помимо акцента на проблеме нерешенного межнационального конфликта, в романе В. Драшковича был еще один момент, также касающийся национальной политики СК Югославии. Автор одним из первых зафиксировал кризис национальной идентичности человека в многонациональном государстве, где фактически провалился эксперимент по «созданию» новой наднациональной общности - югославов. Главный герой романа Алия Османович, несмотря на то, что постоянно размышляет о своей идентичности, ни разу не задумался о том, что может считаться югославом.

После публикации роман «Нож» был раскритикован партийно-политической элитой. Его автор подвергся публичному осуждению и был уволен из государственного телеграфного агентства ТАНЮГ, где работал журналистом. Несмотря на это, роман стал популярен, тем более, что его появление совпало с очередным обострением кризиса в АК Косово и Метохия, т. н. «мятежом в Косове» в марте – апреле 1981 г.

Неслучайно вторая часть дилогии В. Драшковича «Русский консул» появилась в середине 1980-х гг. и была посвящена как раз кризису в Косово и положению сербов в этом автономном крае. Роман «Русский консул» — это роман-манифест, роман-памфлет, в котором подробно описываются все беды и притеснения, которым подвергались сербы в Косово. В романе рефреном следовала мысль, что этнические чистки в крае стали возможными только из-за засилья албанцев в руководстве и администрации края и бессилия сербской политической элиты. Произведение В. Драшковича – это и роман-обвинение сербского республиканского руководства, которое из-за страха

перед обвинением в «великосербском национализме» никак не помогает своим соотечественникам.

Устами одного из героев романа, Любо Божовича, автор излагал идею о том, что Косово – это исконно сербская земля, и никто не имеет права изгонять сербов оттуда. Несмотря на мольбы жены, отсутствие работы, постоянные угрозы от соседей-аланцев, Божович отказывался бросить свой дом и уехать в Сербию, как это сделали тысячи сербов и черногорцев в 80-е гг. XX в. Тем самым, он сам сопротивлялся изгнанию сербов из автономного края и призывал других поступать так же. Эти и другие высказывания автора складывались в политическую программу, в основе которой лежала идея сопротивления изгнанию сербов из Косова и этническим чисткам, упрек власти, которая предала, по мнению В. Драшковича, свой народ. Эти идеи созвучны тем, которые высказывал, начиная с середины 60-х гг. XX в., Д. Чосич. В данной диалогии видна трансформация В. Драшковича от простой констатации кризисных явлений в югославском обществе к формулированию политической программы.

На примере эволюции В. Драшковича можно представить и сам процесс эволюции позиции сербской интеллектуальной элиты. В середине 80-х – начале 90-х гг. XX вв. они прошли путь от критики существующей власти и идеологии интегративного югославизма до формирования политической программы. Таким образом, этот пласт «пролома истории» сыграл крайне важную роль в будущей истории СФРЮ. Именно эти авторы в будущем составят основу радикальных политических партий, став важным элементом политической системы сначала Союзной республики Югославии, а затем — Республики Сербии.

Альтернативой этому могла бы стать основанная на научных исторических представлениях картина прошлого. Именно профессиональные историки могли создать реалистичную и непредвзятую картину национальной истории, которая содержала бы ответы на все волновавшие общество вопросы.

Но в 80-е гг. профессиональные историки оказались либо не готовы дать взвешенную, не идеологизированную оценку событиям недавнего прошлого, тем самым снизив градус общественной дискуссии, «либо сами оказались вовлечены в политические спекуляции на почве истории»⁵⁶. То есть в ситуации системного кризиса 80-х гг. история из науки «превратилась в пропаганду»⁵⁷. Кроме того, историческое сообщество Югославии оказалось расколото по национальному признаку, что ярко продемонстрировала ситуация, сложившаяся вокруг издания «Энциклопедии народов и народностей Югославии». Дело в том, что историки различных национальностей так и не смогли прийти к консенсусу по вопросу структуры «Энциклопедии...», настаивая на увеличении объема информации о своих народах и выделении ее в отдельные главы⁵⁸. «Энциклопедия...» в связи с этим так и не была издана.

Наиболее пассивную позицию на тот момент заняли именно сербские историки, которые, имея за плечами печальный опыт чисток на философском факультете Белградского университета, оказались не в состоянии занять принципиальную позицию и фактически отказались стать идеологами и «просветителями».

Ярким свидетельством отказа профессионального исторического сообщества Сербии от активного участия в происходивших событиях стал VIII конгресс Союза историков Югославии в Аранжеловаце, который проходил 20-24 октября 1983 г. Конгресс был посвящен «освободительным и социальным движениям в истории народов и народностей Югославии, с особым вниманием ко второму заседанию АВНОЮ»⁵⁹. Программа Конгресса предусматривала работу в семи секциях по максимально широкому кругу проблем, которые касались вопросов истории от античного периода и

⁵⁶ Романенко С. А. Историческое сознание в период межэтнических конфликтов после распада «закрытого общества» // История и историки в межэтнических конфликтах в конце XX века. Почему и как возрождается сознание «закрытого общества»? М., 1997. С. 13.

⁵⁷ Там же... С. 15.

⁵⁸ Там же... С. 134.

⁵⁹ Осми конгресс историчара Југославије од 20. до 23. октобра 1983. Аранђеловац: Программ. Београд, 1983. 15 с.

раннего средневековья до 80-х гг. XX в. Но на заседаниях не были подняты проблемы, которые в тот период волновали общество и активно обсуждались в СМИ, освещались в публицистических и художественных произведениях. Основной акцент в работе Конгресса был сделан на проблемах преподавания истории в школе и в ВУЗе. Этому были посвящены два доклада из трех на пленарном заседании. Обзорная статья газеты НИН, посвященная этому событию, охарактеризовала программу Конгресса фразой «от Ноя до АВНОЯ»⁶⁰. Несмотря на такой широкий круг тем, проблемы, которые поднимали авторы книг эпохи «пролома истории», не были затронуты. Как показывает анализ программы Конгресса, секции были сформированы по хронологическому принципу, из-за чего в них оказались представлены доклады далекой друг от друга проблематики, что, безусловно, затруднило, если не сделало невозможной плодотворную и интересную дискуссию. Кроме того, как вспоминает участник Конгресса Ю.С. Кирьяков, «в работе конгресса, особенно в работе секций, практически полностью отсутствовали проблемы методологии исторического исследования, крупные историографические проблемы»⁶¹. При этом необходимо отметить, что ведущие сербские историки вообще проигнорировали Конгресс в Аранжеловаце. В нем не приняли участия Б. Петранович, А. Митрович, П. Качавенда и другие, которые по приглашению американской исторической ассоциации находились в США. Конференцию, посвященную историографии в Загребе, которая проходила практически одновременно с Конгрессом в Аранжеловаце, предпочли представители т.н. «новой волны» — Д. Роксандич и Дж. Станкович. Это свидетельствует не только о пассивной позиции, занятой большей частью сербского исторического сообщества, но и о начавшемся расколе среди наиболее крупных его представителей. Неслучайно именно в это время в Загреб из Белграда были

⁶⁰ Фусноте уместо догађаја године // НИН 1983 23 окт. С. 29

⁶¹ Кирьяков Ю.С. Состояние исторических исследований в СФРЮ. Развитие связей между советскими и югославскими историками. // из личного архива Ю.С. Кирьякова. 1983 г. С. 7.

вынуждены под давлением партийно-политической элиты и исторического сообщества переехать Д. Биланджич и Д. Роксандич.

Таким образом, VIII конгресс Союза историков Югославии продемонстрировал, что после репрессий и чисток 70-х гг. XX в. сербские историки оказались не в состоянии стать во главе процесса создания новой, альтернативной идеологии, основанной на историческом знании, в противовес растущей популярности исторической мифологии.

Для сравнения гораздо оживленнее и продуктивнее прошла историческая конференция, посвященная историографии, мемуарам и публицистике в Загребе. На этой конференции предметом обсуждения стали работы В. Дедиера, В. Драшковича и книга К. Чавошки и В. Коштуницы «Партийный плюрализм и монизм». Эта работа была посвящена вопросу о законности сосредоточения власти в руках СКЮ. Авторы доказывали, что приход коммунистической партии к власти в Югославии был незаконным, и высказывали сомнение в правомерности безальтернативной гегемонии СКЮ в политической системе страны. Уникальность ее заключалась в том, что, в отличие от других авторов, занятых пересмотром истории в начале 80-х гг. XX в., К. Чавошки и В. Коштуница были профессиональными юристами и в своей работе основывались на строгих научных принципах. За эту работу авторы подверглись критике, были уволены из Белградского университета, а статья была запрещена к публикации. Несмотря на это, в первом номере журнала «История XX века», утвержденном издательским советом Института современной истории, была опубликована «оригинальная научная работа» тех же авторов «Оппозиционные политические партии в Народном фронте Югославии (1944 – 1949)», которая, как отмечала газета «Политика», являлась в какой-то степени сжатым изложением той же самой статьи⁶². Случай К. Чавошки и В. Коштуницы представлял собой исключение из своеобразного «заговора молчания» сербских профессиональных историков

⁶² Даутовић С. Непромишљеност или нешто друго (О једном несхватљивом уредјивачком потезу часописа «Историја 20 века») // Политика, 1983 28. окт. С. 13

и исторических институтов по поводу вопросов истории XX в., находящихся в центре внимания общества.

Участники конференции в Загребе оценили книгу В. Дедиера и статью К. Чавошки и В. Коштуницы как «случаи на границе публицистики и историографии» и признали их «противоречивыми»⁶³. Но собственная экспертная точка зрения по проблемам, поднятым в этих литературных произведениях, участниками съезда так и не была сформулирована⁶⁴.

Таким образом, профессиональное сербское сообщество в этот период отказалось возглавить процесс познания обществом собственного недавнего прошлого. Это привело к безальтернативному господству версии событий недавней истории сербов, которую предложили авторы произведений эпохи «пролома истории». На основе этой версии в 90-е гг. была сформирована радикальная идеология, которую использовал С. Милошевич сначала для борьбы за власть, а позже и для укрепления своего положения.

В 80-е гг. XX в. сербское общественное сознание свершило переход от картины прошлого, выстроенной вокруг неизменных для идеологии самоуправленческого социализма и югославизма образах героического вождя, «братства и единства народов и народностей», самой совершенной экономической системы, к новой исторической матрице, основанной на традиционных, во многом мифологизированных представлениях и «сербском вопросе». Данная ментальная матрица стала популярной во многом благодаря публицистической литературе эпохи «пролома истории» и ее основным характеристикам. В их основе лежала иллюзия достоверности, которую придавали этим литературным произведениям авторы, не будучи профессиональными историками. Профессиональное историческое сообщество же оказалось в этот период расколотым по национальному признаку и неспособным противопоставить что-либо этим набирающим популярность идеям.

⁶³ Нова лица прошлости // НИИ 1983 16 окт. С. 21

⁶⁴ Там же...С. 22

Эти идеи легли на подготовленную экономическим, социальным и политическим кризисом почву, сформировав в Сербии опасную ситуацию. Следующим шагом в развитии идеологического кризиса должен был стать переход от пропаганды разрозненных идей к формулированию и распространению реальной систематизированной оппозиционной программы.

3.2.2 Окончательное оформление идеологии интеллектуальной оппозиции

В 80-е гг. XX в. в Республике Сербии стала популярной новая картина национального прошлого, в основе которой лежал традиционный «сербский вопрос» и набор отчасти мифологизированных и преувеличенных представлений о героической и одновременно трагической истории сербов в XX в. Завершили процесс формирования этой картины авторы исторических произведений, опубликованных в начале 80-х гг. Но вплоть до 1986 г. эти взгляды не были оформлены в единую и непротиворечивую концепцию. В окончательном виде данный идеологический дискурс был оформлен в Меморандуме Сербской академии наук и искусств 1986 г.

Наиболее заметной реакцией сербской критической интеллигенции на разрастающийся системный кризис стало массовое создание различного рода кружков и общественных объединений, которые с середины 1980-х гг. активно действовали в Белграде. Некоторые из них возглавлял Д. Чосич, который еще в 1970-е гг. позиционировал себя как лидер тогда еще несистемной оппозиции.

Базой для организации таких кружков и обществ стали действовавшие в 1970-е гг. «Свободные университеты»⁶⁵. Их работа началась примерно с 1976 г., когда стали проводиться встречи и дискуссии в частных домах по модели подобных акций в Чехословакии и Польше. Одним из самых известных подобных собраний было собрание в квартире на улице Симине 9 под

⁶⁵ Dragović–Soso J. Указ соч... С. 259.

руководством Д. Чосича. На этих собраниях в свободной интеллектуальной атмосфере проходили дискуссии по самому широкому кругу проблем — от актуальных вопросов югославской действительности 1970-х гг. до научных, академических вопросов. Например, обсуждались такие темы, как концепция правового государства, правовая система и «реальный социализм», современное искусство, гуманистические идеи, деятельность «Солидарности» в Польше и критика марксизма в работах Лешека Колаковского (знаменитого польского философа, историка философии, после студенческих выступлений 1968 г. вынужденного эмигрировать в США).

Активно действовал с начала 1980-х гг. Союз писателей Сербии, организующий литературные вечера, на которых происходили обсуждения основных проблем сербской истории и современности. Вместе с тем Союз писателей активно проявил себя и как правозащитная организация. Самой известной акцией Союза писателей Сербии стала поддержка поэта Гойко Джого, осужденного на два года тюремного заключения в сентябре 1981 г. за сборник стихов «Шерстяные времена». Союз писателей Сербии боролся за освобождение поэта и снятие запрета на публикацию его книги. Так, 19 мая 1982 г. на очередном заседании Союза писателей в повестку дня был включен «вопрос о свободе в сфере искусства». В ходе дискуссии писатели приняли заявление, в котором утверждали, что «произведения искусства не могут быть поводом для судебного преследования»⁶⁶ и потребовали освобождения Г. Джого. Позже журнал «Литературное обозрение», официальный печатный орган Союза писателей Сербии, опубликовал еще несколько обращений в поддержку Г. Джого, написанных как от лица Союза, так и от лица отдельных писателей.

Оппозиционным кружком, который активно занимался правозащитной деятельностью, был «Комитет в защиту свободы мысли и выражения» во главе с Добрицей Чосичем. Главной целью этого объединения интеллектуалов стала борьба за политические свободы, в частности,

⁶⁶ Ђирић Р. Састанак београдских писаца. // Књижевне новине 1982 27 мај. С. 2

требование отмены статьи 133 (враждебная пропаганда)⁶⁷. «Комитет в защиту свободы мысли и выражения» защищал В. Коштуницу и К. Чавошки, когда они были уволены из университета за публикацию статьи «Партийный плюрализм или монизм», протестовал против ареста Али Исетбеговича, боснийского мусульманина, политика, осужденного в 1983 г. за манифест «Исламская декларация». После того, как в середине 1986 г. начался массовый отток сербов из Косова, именно Комитет во главе с Д. Чосичем сотрудничал с представителями косовских сербов, прибывшими в Белград, и помогал им составлять петиции с требованиями о защите прав сербов в КиМ и передавать их властям. О встречах с делегатами косовских сербов и совместной работой над петициями Д. Чосич неоднократно упоминает в своих дневниках⁶⁸.

Таким образом, можно убедиться в том, что, начиная с середины 80-х гг., политическая жизнь в Белграде бурлила, все больше и больше втягивая в свою орбиту критически настроенную интеллигенцию. В идеологическом дискурсе, становившемся популярным в тот период, органически сочетались демократические ценности, с одной стороны, и национально-ориентированные представления - с другой. Постепенно интеллектуалы, участвовавшие в кружках стали переходить от защиты гражданских прав к размышлениям о судьбах собственного народа, и от разоблачения коммунистических мифов к поддержке новых исторических мифов, прочно вошедших в общественное сознание.

Рост влияния критически настроенных интеллектуалов в Сербии и процесс оформления системной интеллектуальной оппозиции вызвали резкую негативную реакцию со стороны партийно-политического руководства других республик, которую поддержала часть верных социалистической идеологии интеллектуалов. А поскольку правозащитная активность сербских интеллектуалов была направлена не только на сербов, но и на жителей

⁶⁷ Biserko S. Srpska elita i realizacija srpskog nacionalnog programa Kn.1 Beograd, 2006. S. 7

⁶⁸ Ћосић Д. Пишчеви записи (1981 – 1991). Београд, 2002. 447 с

других республик, она вызвала серьезное беспокойство партийно-политического руководства этих республик. Это нарушало основополагающий принцип Югославской федерации - невмешательство во внутренние дела соседей.

Показательной была реакция хорватской властной и интеллектуальной элиты, нашедшая выражение в организации совещаний хорватских политиков и интеллектуалов и, в частности, выхода в свет «Белой книги» в 1984 г.

Формально «Белая книга» являлась публикацией материалов Седьмого совещания «об идейной борьбе в сфере культуры»⁶⁹, которое прошло летом 1983 г. В нем участвовали представители партийно-политической элиты Хорватии и хорватские интеллектуалы. Всего до публикации «Белой книги» было организовано шесть таких совещаний, темами которых были: «критика Мирослава Крлежи (25 февраля 1982 г.), Голый остров и Информбюро (14 апреля 1982 г.), демистификация прошлого (10 мая 1982 г.), роль средств массовой информации (16 июля 1982 г.), об идеологических процессах (1 февраля 1983 г.) и историография в Хорватии и Югославии (май 1983 г.)»⁷⁰. Главной декларируемой целью этих совещаний было «побудить и мобилизовать созидательные силы культуры и искусства, путем открытого и толерантного демократического диалога высказаться критически и взвешенно о контрреволюционных интеллектуалах»⁷¹. Кроме того, провозглашалась цель защитить революционные завоевания Югославии, ее общественно-политический строй, ее официальную историю от критики со стороны интеллектуальной оппозиции.

На самом деле авторами материалов, опубликованных в «Белой книге», были «анонимные сотрудники Отдела пропаганды и информации Центрального комитета Союза коммунистов Хорватии»⁷². И целью этой

⁶⁹ Nikolić K., Cvetković S., Tripković D. Predgovor priređivača // Bela knjiga – 1984. Obračun sa “kulturnom kontrarevolucijom” u SFRJ. Beograd, 2010. S. 55

⁷⁰ Jović D. Указ соч... S. 345.

⁷¹ Nikolić K., Cvetković S., Tripković D. Указ соч.. S. 56

⁷² Указ соч... S. 54

публикации была не столько защита существующей системы СФРЮ и ее идеологии от критики и пересмотра, а, во-первых, демонстрация хорватской элитой своей лояльности существующей власти и идеологии, во-вторых, демонстрация партийно-политической элитой Хорватии своей способности контролировать собственных интеллектуалов и, в-третьих, нанесение удара по соседней Сербии, в которой критика югославской политической системы, идеологии «самоуправленческого социализма» и «югославизма» как раз в этот период достигла своего пика, а руководство Союза коммунистов Сербии оказалось неспособно предотвратить это. Несмотря на кампании осуждения, литература эпохи «пролома истории» оставалась популярной и переиздавалась. Не снижалась и активность активистов оппозиционных кружков.

Создание «Белой книги», как считает К. В. Никифоров, символизировало отход партийно-политического руководства Хорватии от «политики молчания»⁷³, которая негласно была установлена в югославских республиках в середине 1960-ых гг. Дело в том, что примерно в этот период было принято решение о том, что борьбу с национализмом и другими негативными проявлениями в общественно-политической жизни республик должны вести именно республиканские руководители. А партноменклатура других республик и федеральное руководство не имели право вмешиваться во внутренние дела соседних республик. После событий «Хорватской весны», по мнению ряда российских исследователей⁷⁴, у хорватского руководства появился страх спровоцировать новые массовые выступления под националистическими лозунгами, что привело бы к очередной партийной чистке. В этот период хорватское руководство стремилось максимально абстрагироваться от событий, происходивших в других республиках, не вмешивалось в их внутренние дела. В газетах и журналах не размещались

⁷³ Никифоров К.В. «Карделевская Югославия»... С. 740

⁷⁴ См. Никифоров К.В. «Карделевская Югославия»... С. 735 – 765; Романенко С.А. Югославия: История возникновения. Кризис. Распад. Образование независимых государств (национальное самоопределение народов Центральной и Юго-Восточной Европы в XIX – XX вв.). М., 2002. 500 с.

критические комментарии, посвященные происходившим в соседних республиках событиям.

Но в середине 80-х гг. XX в. ситуация кардинальным образом изменилась. Видимо, объяснить это можно несколькими причинами.

Во-первых, на рубеже 70-х – 80-х гг. XX в. в Хорватии, также как и во всей Югославской федерации происходила смена поколений партийно-политической элиты. В 1980 г. умер Иосип Броз Тито. На место, скончавшегося в декабре 1982 г. его преемника и соратника еще по партизанской борьбе, В. Бакарича, пришел «деятельный и амбициозный»⁷⁵ Стипе Шувар. Он стремился усилить роль Хорватии в федерации. Для этого необходимо было, во-первых, отказаться от «политики молчания», а во-вторых, доказать несостоятельность руководства соседних республик, в частности Сербии, в борьбе с критической интеллигенцией и протестным движением. Именно Стипе Шувар стал главным инициатором и организатором совещаний власти и интеллигенции, результатом которых и стал сборник «Белая книга».

Во-вторых изменилась обстановка в Белграде. Публикация книг, содержащих новый взгляд на историю XX в., деятельность различного рода оппозиционных кружков и комитетов, которые контролировала сербофильская интеллектуальная элита, не могли не тревожить хорватское руководство. Дестабилизация обстановки в Белграде, а в целом в Сербии, угрожала целостности югославской федерации. Кроме того, обнародование свидетельств об усташеском терроре, направленном против сербского населения (что сделал Вук Драшкович в своем романе «Нож»⁷⁶), могло угрожать внутренней стабильности в Хорватии, пятая часть населения которой являлась сербами. В-третьих, именно в этот период своего пика достигла борьба «уставобранителей» и «уставореформаторов» по вопросу о дальнейшей судьбе Конституции 1974 г. А явная неспособность сербского

⁷⁵ Никифоров К.В. «Карделевская Югославия»... С. 766

⁷⁶ Драшкович В. Нож. М., 1995. 311 с.

руководства взять ситуацию под контроль, давала хорватам хороший повод для идеологической атаки на сербское руководство и, соответственно, укрепления своих позиций в федерации, позволяла эффективно противодействовать попыткам сербской партноменклатуры инициировать пересмотр Конституции 1974 г.

Материалы «Белой книги» 1984 г. были изданы сербскими историками Костой Николичем, Срджаном Цветковичем и Джоко Трипковичем в 2010 г. в сборнике «Белая книга 1984. Расправа с «культурной контрреволюцией» в СФРЮ»⁷⁷. Помимо собственно текста источника сборник был снабжен предисловием, послесловием и справочным аппаратом.

«Белая книга» состояла из трех частей. Первая часть представляла собой теоретическое рассуждение авторов о состоянии культуры на момент создания документа, об «идейной борьбе в культуре и искусстве»⁷⁸.

В этой части сборника авторы констатировали наличие в стране глубочайшего системного кризиса, который особенно ярко проявлялся именно в сфере идеологии и в тесно связанной с ней сфере культуры. Согласно анализу ситуации сотрудниками отдела Пропаганды и идеологии ЦК СКХ, признаками кризиса были «трудности в хозяйственной и общественной жизни»⁷⁹, «агрессивное наступление сил албанского национализма и ирредентизма в Косове»⁸⁰, смерть Иосипа Броз Тито и других «великих революционеров»⁸¹. Системный кризис, как отмечали авторы «Белой книги», вызвал закономерную критику общественных организаций, поиск виноватых в кризисе и попытки найти выход из сложившейся ситуации. Одновременно, реакцией на кризис стала критика существующей системы со всех сторон. Она была «направлена на наш курс общественного развития и на основы экономической и политической

⁷⁷ Nikolić K., Cvetković S, Tripković D. Bela knjiga – 1984. Obračun sa “kulturnom kontrarevolucijom” u SFRJ. Beograd, 2010. 289 s.

⁷⁸ Nikolić K., Cvetković S, Tripković D. Bela knjiga – 1984. Obračun sa “kulturnom kontrarevolucijom” u SFRJ. Beograd, 2010. S. 63.

⁷⁹ Ibid S. 63

⁸⁰ Ibid S.63

⁸¹ Ibid S.63

системы»⁸². Эта критика, в отличие от критики интеллектуалов, которые «не выступали против системы»⁸³, была нацелена не на реанимацию, но на разрушение социалистической Югославии, как неоднократно подчеркивали в тексте авторы «Белой книги».

Вторая часть «Белой книги» собственно представляет собой подробный разбор и оценку самых значимых произведений литературы, опубликованных с 1982 по март 1984 г., которые, по мнению авторов, являлись идеологически вредными. При этом авторство наибольшего количества проанализированных и подвергшихся критике художественных произведений принадлежало сербам (90 из 120), 15 – 20 - словенцам и только несколько хорватам⁸⁴. Авторы «Белой книги» не только высказали собственную точку зрения на эти произведения, но и привели довольно богатую подборку цитат из газетных статей и рецензий на эти произведения.

В качестве примера хотелось бы проанализировать разделы сборника, посвященные двум известным литературным произведениям сербских авторов, относящихся к той литературе, которую еженедельник НИН назвал «проломом истории». Это роман В. Драшковича «Нож»⁸⁵, опубликованный в 1981 г., и пьеса Й. Радуловича «Голубняча»⁸⁶, впервые поставленная на сцене в октябре 1982 г. Оба эти произведения объединяет то, что они затрагивают наиболее болезненную, и, при этом, наиболее табуированную и закрытую тему югославской истории второй половины XX в. В. Драшкович и Й. Радулович первыми рассказали своим читателям и зрителям о геноциде сербского населения на территории Независимого государства Хорватия во время Второй мировой войны.

Оценивая роман В. Драшковича, авторы сборника «Белая книга» приводят серьезную подборку цитат из критических статей, опубликованных в газетах «Борба», «НИН», «Книжевне новине». Если судить по этим цитатам, то

⁸² Ibid S. 63

⁸³ Ibid S. 54

⁸⁴ По Jović D. Jugoslavija... S. 345.

⁸⁵ Драшкович В. Нож. М., 1995. 311 с.

⁸⁶ Радуловић Ј. Голубњача // Случај Голубњача: за и против. Београд, 2008. С. 9 – 45

большое внимание к этому роману проявила не столько литературоведческая периодика, а, напротив, газеты и журналы общественно-политической направленности. Например, «Борба», печатный орган СК Хорватии, посвятила роману огромную статью обозревателя Жарко Папича, которая выходила с продолжением в трех выпусках газеты. В статье роман и его автор подверглись жесткой критике с «идейно-политической позиции»⁸⁷. Ж. Папич назвал роман В. Драшковича «сербской книжной ложью», «апологией четничества», «критикой народно-освободительного движения из уст апологета четничества»⁸⁸. Этот отзыв был растиражирован журналами «Освобождение» и «Вестник».

Сербские журналы «НИН» и «Книжевне новине», напротив, отнеслись к роману благосклонно. Общественно-политический журнал «НИН» охарактеризовала роман «Нож» как «эмоциональный и мастерский рассказ о братоубийственном зле предыдущей войны»⁸⁹. Литературный критик Лилиана Шоп в рецензии, опубликованной журналом «Книжевне новине», отметила, что роман не только рассказывает о событиях недавней истории, но глубоко исследует человеческие характеры и судьбы⁹⁰.

Особо авторы сборника «Белая книга» подчеркнули отсутствие рецензии в печатном органе ЦК СК Югославии газеты «Политика», тем самым акцентировав внимание читателей на нежелании сербской партийно-политической элиты бороться с националистическими проявлениями в республике.

Обращает на себя внимание, что большинство рецензий, отобранных авторами «Белой книги», носило явно негативный характер. Позитивный характер имели только рецензии, вышедшие на страницах белградских газет. Таким образом, можно убедиться, что целью отдела Пропаганды и идеологии ЦК СКХ был не просто анализ популярных литературных произведений с точки зрения их политической и идеологической благонадежности, но и

⁸⁷ По Nikolić K., Cvetković S, Tripković D. Bela knjiga...S. 116.

⁸⁸ Ibid S. 116 – 117.

⁸⁹ Ibid S.115.

⁹⁰ Ibid S. 118

давление на сербское руководство. Тем более, что содержание романа «Нож» авторы «Белой книги» охарактеризовали как националистическое. А борьба с национализмом в своих республиках была важнейшей обязанностью партийно-политического руководства республики.

Несмотря на давление, оказываемое сербским руководством на В. Драшковича, роман «Нож» стал бестселлером. А неспособность сербских политиков остановить рост его популярности демонстрировала слабость сербской партноменклатуры.

Анализ пьесы Й. Радуловича был выстроен по такой же схеме, как и анализ романа В. Драшковича. Точно также подобраны цитаты из газетных статей, посвященных пьесе «Голубняча», содержащие как положительные, так и отрицательные оценки пьесы. В конце высказывалось мнение авторов «Белой книги».

Но, в данном случае ситуация была гораздо сложнее, чем ситуация с романом В. Драшковича «Нож». Дело в том, что в отличие от романа «Нож», пьеса Й. Радуловича вызвала не только негативную реакцию Хорватской партийно-политической элиты, но и конфликт между руководством Сербии и руководством ее автономного края Воеводины.

В начале 80-х гг. XX в. между руководством АК Воеводина и руководством Сербии начались конфликты, связанные с сепаратистскими устремлениями руководства края. И ситуация вокруг пьесы Й. Радуловича «Голубняча» стала отражением этого конфликта. Впервые пьеса, являющаяся, по словам автора, «независимой драмой о жизни сербов в Далмации»⁹¹, была поставлена в «Народном театре» в Новом Саде. Партийное руководство Воеводины запретило постановку. «В осуждении "Голубнячи" приняла участие вся краевая партийная организация»⁹². Напомним, что руководство Воеводины обвинило пьесу в национализме, искажении истории, а сербская

⁹¹ Dokumenti o slučaju «Golubnjača» URL:<http://www.glas-javnosti.rs/clanak/glas-javnosti-09-05-2008/dokumenti-o-slucaju-golubnjaca> (дата обращения 10.09.2013).

⁹² Джукич. С. Како се догодио. Београд, 2009. С. 256

партноменклатура, напротив, поддержала ее в пику «воеводинским догматикам»⁹³.

Раздел в «Белой книге», посвященный «Голубняче», отлично иллюстрирует эту борьбу. Например, в нем подчеркивалось, что положительные рецензии на пьесу публикуются исключительно в сербской прессе и являются, по мнению авторов «Белой книги», «политической ложью»⁹⁴, а рецензии других, не сербских газет дают исключительно критические отзывы. Например, «Воскресная Далмация» обвинила пьесу и ее автора в «злонамеренном манипулировании историческими событиями»⁹⁵.

В третьей части «Белой книги» авторы подвели итог и сделали «несколько заключительных констатаций»⁹⁶. Фактически этот раздел повторял тезисы первой части о том, что белградская критическая интеллигенция стремится к разрушению существующего строя и изменению государственной идеологии, а сербская партийно-политическая элита настолько слаба, что не может ничего противопоставить этим устремлениям.

Отсутствие адекватной реакции со стороны республиканской партноменклатуры и критика со стороны хорватского руководства создали условия, при которых сербская критическая интеллигенция стала консолидироваться. В дальнейшем это привело к формированию на ее основе системной оппозиции. Этот процесс завершится уже в конце 80-х гг. XX в., когда в СРЮ начнется процесс партийного строительства, и некоторые представители интеллектуальной оппозиции возглавят собственные партии.

Символом оформления идеологии интеллектуальной оппозиции, документом, в котором впервые последовательно и системно были изложены идеи интеллектуалов, стал «Меморандум Сербской академии наук и искусств 1986 г».

Толчком к созданию Меморандума САНИ стал очередной виток кризиса в Косово, который начался с т.н. «дела Мартиновича». Как свидетельствуют

⁹³ Там же...

⁹⁴ По Nikolić K., Cvetković S, Tripković D. Bela knjiga...S.96.

⁹⁵ Ibid S. 98.

⁹⁶ Ibid S. 243.

авторы книги «Меморандум Сербской академии наук и искусств. Ответ критикам»⁹⁷ К. Михайлович и В. Крестич, участвовавшие в написании Меморандума САНИ, после очередного обострения внутренней ситуации в АК Косово и Метохия, И. Стамболич (в то время председатель президиума ЦК СКС) предложил Сербской Академии наук и искусств создать «Меморандум по актуальным политическим вопросам»⁹⁸. Главной задачей академиков был анализ внутренней ситуации в стране и поиск путей выхода из кризиса. 23 мая 1985 г. на общем собрании Академии был создан «Комитета по подготовке Меморандума об актуальных общественных вопросах», в который вошли Павле Ивич, Антоний Исаакович, Душан Каназир, Михайло Маркович, Милош Мацура, Радован Марджич, Деян Медакович, Мирослав Пантич и другие. Всего 23 академика. Председателем Комитета стал академик, президент САНИ Душан Каназир, вице-председателем – Антоний Исаакович. Первое заседание «Комитета...» состоялось 23 мая 1985 г. На этом заседании была утверждена структура будущего документа. Комитет провел еще несколько заседаний — 31 марта и 23 сентября 1986 г., а на следующий день 24 сентября в крупнотиражной белградской газете «Вечерние новости» появилась статья, в которой говорилось о тайной работе Академии над документом, который «призывает к братоубийственной войне и новым потокам крови»⁹⁹. Был опубликован рабочий текст, содержащий не прошедшие обсуждение и окончательную редактуру отрывки (на заседаниях Комитета и рабочих групп удалось согласовать только 30 страниц из 73). Известно, что всего было двадцать копий Меморандума, которые хранились у академика Йована Джорджетича, зять которого, журналист Александр Джуканович, затем написал обвинительную статью¹⁰⁰. А. Джуканович никогда не говорил ни о своих мотивах, ни о заказчиках статьи, а возможно и краже Меморандума.

⁹⁷ Mihailovic K., Krestic V. Memorandum of the Serbian Academy of sciences and arts. Answers to criticisms. Belgrade, 1995 URL: <http://www.rastko.org.eu/istorija/srbij-balkan/html> (дата обращения: 4.11.2006).

⁹⁸ Ibid.

⁹⁹ Гуськова Е.Ю. Указ соч... С. 73

¹⁰⁰ Dragović-Soso J. Указ соч... С. 349.

Главная сложность интерпретации Меморандума САНИ состоит в том, что документ состоит из двух совершенно разных по содержанию частей.

Первая часть документа была посвящена анализу системного кризиса в СФРЮ. Академики-авторы Меморандума САНИ подробно проанализировали важнейшие на их взгляд составные части кризиса и их истоки. К важнейшим составляющим кризиса, по мнению авторов Меморандума САНИ, относились экономический кризис, кризис центральной власти и «моральный кризис»¹⁰¹, который охватил значительную часть общества.

Причины экономического кризиса академики САНИ видели в экономических ошибках руководства СФРЮ, сделанных во второй половине 1960-х гг. Во-первых, партийно-политическая элита совершила серьезнейший просчет в планировании, «уделив первостепенное значение производству сырья»¹⁰². Во-вторых, партноменклатура, в попытке преодолеть начинавшийся кризис, выпустила руководство экономикой из своих рук, но, при этом, не создала в стране условий для развития реальных рыночных механизмов. И третья, роковая, по мнению авторов Меморандума САНИ, ошибка партийно-политического руководства Социалистической Югославии — это «децентрализация экономики, первоначально задуманная как способ освободить экономику от оков бюрократии»¹⁰³. Вместо расцвета экономики, децентрализация привела к разрушению единого общегославского рынка, нарушению экономических связей между республиками, которые «все более и более стремились сделать свои экономики замкнутыми»¹⁰⁴. Осложнило ситуацию то, что должностные лица, ответственные за будущее Югославии, пытались замолчать, не замечать начавшийся кризис, вместо того, чтобы

¹⁰¹ Меморандум САНУ // Михаиловић К., Крстић В. Меморандум САНУ под ударима политике. Београд, 2002. С. 141.

¹⁰² Там же... С. 143.

¹⁰³ Там же... С. 143

¹⁰⁴ Там же... С. 143

«сразу же определить истинные и реальные причины кризиса, а затем приступить к обсуждению мер к спасению экономики государства»¹⁰⁵.

В нежелании партийно-политической элиты замечать признаки экономического кризиса академики видели признак кризиса центральной власти. Причиной кризиса центральной власти в Меморандуме САНИ 1986 г. была названа конституционная реформа 1974 г. Прямым следствием этой реформы, по их мнению, стало превращение Федеративной Югославии в конфедерацию. Академики отмечали, что «конфедерализация страны привела к невозможности принимать решения по важнейшим вопросам развития страны»¹⁰⁶. Авторы Меморандума САНИ в первой части документа подробно проанализировали новую систему управления страной и пришли к выводу, что «современная политическая система Югославии становится все более и более противоречивой, нефункциональной и дорогой»¹⁰⁷. Как показывает анализ системного кризиса СФРЮ 80-х гг., авторам Меморандума САНИ удалось выделить наиболее острые проблемы экономической и политической системы Югославии.

«Моральный кризис», поразивший югославское общество, авторы Меморандума САНИ считали самым опасным элементом кризиса, разрушающего страну. Причины «морального кризиса» авторы данного документа связывали с идеологической ситуацией в стране в 80-е гг. Авторы Меморандума считали, что людей развращало явное «несоответствие между словом и делом у политического руководства»¹⁰⁸. Безработица, порожденная экономическими проблемами, привела к расцвету кумовства. Среди молодежи из-за невозможности найти достойную работу, рос нигилизм, неверие в свои силы и в идеалы «честной работы, добросовестности»¹⁰⁹. Самое страшное в моральном состоянии общества – это «нехватка демократического общественного мнения, которое может действовать как

¹⁰⁵ Там же ... С. 146

¹⁰⁶ Там же ... С. 150

¹⁰⁷ Там же ... С. 151

¹⁰⁸ Там же ... С. 159

¹⁰⁹ Там же ... С. 160

эффективная совесть общества»¹¹⁰. Это привело к бюрократическому своеволию, расцвету привилегий, моральному конформизму, карьеризму, беспринципности в достижении целей, зависимости судов, отсутствию юридического равенства граждан.

Кроме глубокого анализа причин главных элементов общественно-политического кризиса, в первой части Меморандума САНИ авторы высказали практические рекомендации по преодолению кризисных явлений в экономике, центральной власти и в обществе.

Из приведенного выше анализа первой части документа видно, что она представляла собой целостный, логически связанный текст. По сути, эта часть - глубокий экспертный анализ внутренней ситуации в стране. Это отличает ее от второй части Меморандума, которая представляет собой собрание плохо связанных между собой кусков текста, посвященных судьбе и положению сербов в Югославии. Вероятно, эти отрывки были созданы разными членами Комитета, но окончательной редактуры и объединения в единый сбалансированный текст пройти не успели.

Во второй части документа можно выделить несколько главных мотивов.

Во-первых, это рассуждения об историческом прошлом сербского народа, его заслугах перед другими народами. Фактам сербской истории уделялось достаточно много внимания в тексте второй части Меморандума САНИ. Причем большинство событий подавалось в интерпретации, характерной не для социалистической историографии, а для авторов эпохи «пролома истории».

Во-вторых, это тезис об отношении к сербам других народов Югославии. Авторы Меморандума САНИ отмечали крайне негативное отношение к сербам, несмотря на несомненные исторические заслуги своего народа во время Второй мировой войны и строительства новой Югославии. «Подвергнутые постоянным обвинениям в том, что они являются «угнетателями», «унитаристами», «централистами» или «полицейскими»,

¹¹⁰ Там же ... С. 161

сербы так и не смогли достичь равенства в Югославии, ради создания которой они понесли самые большие жертвы»¹¹¹. Негативное отношение к сербам разделяли и рядовые жители югославских республик, и партийно-политическая элита СФРЮ. Академики отмечали, что положение, которое занимают сербы в Югославии, свидетельствовало о «худшем историческом поражении в мирное время»¹¹². В самом тяжелом положении оказались, по мнению авторов Меморандума, сербы, проживавшие за пределами Республики Сербии. В качестве наиболее яркого примера дискриминации сербов академики приводят снижение численности сербов в Хорватии. Доля сербского населения в Хорватии за тридцать три года снизилась практически на 4% (по переписи 1948 г. она составляла 14,8%, а в 1981 г. – 11,5%). Языковая политика руководства Хорватии служила поводом для обвинения партийно-политической элиты республики в дискриминации. «Согласно статье Конституции этот язык (хорватский – *Н.Г.*) был сделан обязательным для сербов, живущих в Хорватии», «была проведена хорошо организованная кампания, которая сделала хорватский язык максимально отличным от сербохорватского языка»¹¹³.

В-третьих, это тезис о юридическом неравенстве Республики Сербии по сравнению с другими республиками Югославии. Как утверждали авторы текста, «Конституция 1974 г. в действительности разделила Сербию на три части. Автономные области были поставлены в равное положение с республиками. Единственное различие между ними состоит в том, что они не были обозначены как государства. Они могут вмешиваться во внутренние дела Сербии через общереспубликанскую Скупщину, тогда как их собственные выборные органы власти полностью автономны»¹¹⁴.

В-четвертых, конечно, это Косовский вопрос. Авторы Меморандума САНИ отмечали, что «в Косово и Метохии прошлое сербов, отразилось в

¹¹¹ Меморандум САНУ // Михаиловић К., Крстић В. Меморандум САНУ под ударима политике. Београд, 2002. С. 170

¹¹² Там же... С. 178

¹¹³ Меморандум САНУ // Михаиловић К., Крстић В. Меморандум САНУ под ударима политике. Београд, 2002. С. 178.

¹¹⁴ Там же... С. 178.

ценнейших культурных и исторических памятниках»¹¹⁵. При этом авторы Меморандума констатировали, что, начиная с 1981 г., «сербам была объявлена открытая и полномасштабная война»¹¹⁶. Причем, ситуацию осложняло то, что эту войну сознательно не желали видеть ни «соседние народы»¹¹⁷, ни политические лидеры Сербии, не называя войну «войной»¹¹⁸. В Меморандуме САНИ академики сравнивали современную ситуацию в Косове с событиями времен Второй мировой войны, происходившими в Независимом государстве Хорватия, а албанцев, нападающих на сербов, называли «неофашистами»¹¹⁹.

Таким образом, в отличие от первой части документа, которая являлась экспертным анализом ситуации в федерации, вторая часть полностью посвящена истории, современному положению и правам сербского народа. Необходимо отметить, что содержание этой части не оригинально. Все тезисы второй части документа, начиная с 70-х гг. XX в., активно обсуждались сербскими оппозиционно настроенными интеллектуалами. Впервые тезис об унижениях и притеснениях сербского народа высказал Добрица Чосич в своем докладе на заседании ЦК СКС в 1968 г. «Критика правительственной концепции национальной политики»¹²⁰. В этом докладе Д. Чосич указывает на то, что, несмотря на декларируемый интернационализм, в Югославии процветает «бюрократический национализм». Причем направлен он главным образом против сербов. Особенно ярко негативное отношение к сербам, по мнению писателя, было распространено в Словении и Хорватии. Д. Чосич в докладе указал на то, что именно они «чаще всего твердят и верят, что сербы - этатисты, унитаристы, централисты, консерваторы, одним словом, что они хотят подчинять, управлять, подавлять»¹²¹. Подчеркнем, что эту фразу практически

¹¹⁵ Там же ... С. 176.

¹¹⁶ Там же ... С. 176.

¹¹⁷ Там же ... С. 177.

¹¹⁸ Там же ... С. 177.

¹¹⁹ Там же... С. 186

¹²⁰ Ћосић Д. Критика владајуће концепције о националној политици // Косово. Београд, 2004. С. 10 – 24.

¹²¹ Ћосић Д. Критика владајуће концепције... С. 12.

дословно повторили спустя практически двадцать лет авторы Меморандума САНИ. После доклада Д. Чосича свой вклад в распространение представления о жертвенности сербского народа внесли авторы художественных произведений эпохи «пролома истории», посвященных истории Югославии в целом и сербского народа в частности.

Следующий важнейший тезис, содержащийся в Меморандуме САНИ, - о неравном правовом положении Республики Сербии по сравнению с другими республиками СФРЮ - первыми озвучили преподаватели и студенты Юридического факультета в 1971 г. Они отметили, что Сербия - это единственная республика, которая имеет в своем составе два автономных края (Косово и Метохия и Воеводина). Автономные края обладают непропорционально широкими правами, нарушающими суверенитет Республики Сербии. Практически все преподаватели, которые участвовали в дебатах о конституционных поправках, были уволены из университета и исключены из партии¹²². В 1986 г. авторы Меморандума САНИ считают Конституцию 1974 г. главной причиной кризиса центральной власти в СФРЮ и повторяют тезис о неравенстве Сербии по сравнению с другими республиками Югославии. «Конституция 1974 г. в действительности разделяет Сербию на три части»¹²³. И третий, основополагающий вопрос, поднятый во второй части Меморандума, — вопрос о Косово — также был не оригинален. Впервые данную мысль высказал Добрица Чосич. Во всех публичных выступлениях и дневниках Д. Чосича с начала 60-х гг. красной нитью проходит мысль о том, что Косово - это исконная сербская территория, на которую сербы имеют историческое право, ради освобождения которой вместе с живущими там албанцами они сражались во время Второй мировой войны. А в 1980-е гг., как пишет Д. Чосич в апреле 1984 г., «нас с собственной земли – Косово и Метохии – гонит власть Энвера

¹²² Dragović-Soso J. Указ соч. ...S. 389

¹²³ Меморандум САНУ // Михаиловић К., Крстић В. Меморандум САНУ под ударима политике. Београд, 2002. С. 173.

Ходжи»¹²⁴. Кроме того, Косовская проблема была актуализирована в романе В. Драшковича «Русский консул».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что все тезисы, содержащиеся во второй части Меморандума САНИ, витали в воздухе в 1980-е гг., активно разрабатывались и озвучивались оппозиционно настроенными интеллектуалами. В большинстве случаев впервые эти идеи высказывал Д. Чосич, который именно в этот период стал признанным лидером оппозиционной сербской интеллигенции. Публикация части текста Меморандума САНИ в газете «Вечерние новости» вывела обсуждение данных проблем за границу узкого круга интеллектуалов, сделала их достоянием широкой публики. Впервые эти идеи были изложены в одном тексте и более или менее последовательно выстроены в единую логичную и непротиворечивую идеологическую схему, альтернативную югославизму и «самоуправленческому социализму».

Таким образом, видно, что вторая часть документа посвящена исключительно проблемам сербского народа в Югославии. Именно содержание этой части дало повод некоторым исследователям характеризовать Меморандум САНИ как националистический документ¹²⁵. Действительно, тезисы, содержащиеся в этой части, стали инструментом мобилизации общества для борьбы с «врагами», который активно использовал как Слобан Милошевич, так и другие радикальные сербские политики. При этом, безусловно, поднятые авторами Меморандума САНИ проблемы, были реальны и актуальны для сербского населения СФРЮ в 1980-е гг. Именно это, несмотря на некоторую фрагментарность и «неотредактированность» текста, придало ему такую убедительную силу, сделало предметом обсуждения как среди партийно-политической, так и интеллектуальной элиты. И неудивительно, что именно вторая часть

¹²⁴ Ћосић Д. Пишчеви записи (1981 – 1991)... С. 94.

¹²⁵ См: Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. М., 2000. 366 с.; Неймарк Н. Пламя ненависти. М.:СПб., 2005. 356 с.

Меморандума САНИ привлекла гораздо больше внимания. Именно исходя из ее содержания, в последующем делались оценки всего текста документа.

Публикация текста, который был назван Меморандумом САНИ, вызвала бурную реакцию как партийно-политической, так и интеллектуальной элиты.

Сразу после публикации Меморандума, этот документ накрыла волна инспирированной властями критики. Газета «Вечерние новости» назвала Меморандум «призывом к безнадежности», газета «Сегодня» — «шовинистским памфлетом». «Политический экспресс» назвал этот документ «торговлей совестью». Газета «Борьба» писала о нем: «Не случайность, но закономерность». «Коммунист» — «Меморандум разрушения». Газета «Политика» — «Меморандум – ненависть как принцип»¹²⁶. Более мягкую позицию занял еженедельник НИН. В статье, опубликованной в нем, подчеркивалось, что, хотя на первый план в документе вышли антиюгославские, антиавноевские и националистические идеи, он «полон разнообразных, часто противоречащих друг другу идей»¹²⁷. Поэтому, как заметил автор статьи, его трудно проанализировать и объективно оценить.

Реакция партийно-политической элиты, безусловно, была очень жесткой. Министр внутренних дел СФРЮ, словенец Стане Доланц, первым начал наступление на Академию и на руководство Сербии. Он обвинил Академию в национализме, а руководство Сербии в том, что они допустили явное проявление национализма у себя в республике. Остро отреагировал И. Стамболич, на тот момент, Председатель Президиума Республики Сербии, назвав Меморандум «шовинистской инициативой»¹²⁸, которая разжигает вражду между народами Югославии. Он отмечал, что Меморандум «вбивает нож в спину Югославии, Сербии, социализма, самоуправления, равенства, братства и единства»¹²⁹.

Наиболее интересной на этом фоне выглядит реакция С. Милошевича, который тогда уже занимал пост Председателя Президиума ЦК СК Сербии:

¹²⁶ По Dragović–Soso J. Указ соч... С. 356.

¹²⁷ Никшић С. Добри и лоши момци. // НИН 1986 16 новемб. НИН С. 9

¹²⁸ По Jović D. Указ соч... С. 367.

¹²⁹ Dragović–Soso J. Указ соч... С. 271.

он ни разу публично не осудил ни Меморандум САНИ, ни Сербскую академию наук и искусств. Единственное его выступление, посвященное оценке Меморандума САНИ, состоялось на закрытом собрании для работников Управления государственной безопасности. В этом выступлении он крайне осторожно и сдержанно осудил содержание документа. Но как политик, занимавший высокий пост в руководстве Союза коммунистов Сербии, Милошевич был серьезно дискредитирован самим фактом появления документа с подобным содержанием. Поэтому публично поддержать документ он не мог. Хотя, вероятно, понимал, что эти идеи востребованы нацией и могут стать фундаментом для будущей победы в борьбе за власть.

Из-за публикации «Меморандума» Академии пришлось отложить празднование своего 100-летнего юбилея, а юбилейную сессию Академии, которая состоялась в мае 1987 г., бойкотировало все политическое руководство Сербии.

Более мягкую позицию по отношению к «Меморандуму» занимали представители интеллектуальной элиты. Например, поэт М. Бечкович написал протестное письмо, которое подписали восемь академиков. В этом письме он высказался против критики Академии на основании того, что Меморандум был опубликован до того, как был одобрен на общем собрании Академии наук и искусств. Бывший партизанский генерал и автор военных мемуаров Г. Николич сравнил травлю академиков со Сталинским ультиматумом 1948 г.¹³⁰

Сами академики активно участвовали в обсуждении Меморандума САНИ. 26 октября 1986 г. в еженедельнике НИИ было опубликовано «Заключение президиума САНИ», в котором утверждалось, что главной целью работы Комитета был анализ «общественных, экономических, социальных, научных и культурных проблем общества»¹³¹. В этом заявлении подчеркивалось, что рабочий текст был опубликован незаконно, до одобрения Комитетом и что

¹³⁰ Михаиловић К., Крестић В. Меморандум САНУ под ударима политике. Београд, 2002. С. 48

¹³¹ Закључци председништва САНУ. // НИИ 26 окт. С. 14.

«этот текст не содержит никакого общего мнения Академии»¹³². Точно такой же вывод был сделан на специальной сессии САНИ, посвященной «Меморандуму». На этом заседании только два члена Президиума Академии — историк Васа Чубрилович, один из старейших и авторитетнейших членов САНИ, и физик-ядерщик Павел Савич — открыто осудили этот документ. Остальные академики во главе с председателем партийной ячейки Академии Милошем Мацурой и президентом САНИ Душаном Каназиром отказались признавать коллективную ответственность Академии за содержание этого документа.

Таким образом, подводя итог анализу Меморандума САНИ, необходимо отметить, что он стал не только важнейшим документом сербских оппозиционных интеллектуалов, в котором был окончательно систематизирован идеологический дискурс, основанный на «сербском вопросе». Фактически, именно после публикации Меморандума возникла та национально-ориентированная платформа, которая стала казаться единственно возможной основой для выхода из системного кризиса. И именно эту платформу в конце 80-х – 90-х гг. XX в. инструментально будет использовать С. Милошевич для получения и удержания власти.

Помимо собственно содержания Меморандума САНИ, важным фактором для дальнейшего перерождения групп оппозиционно настроенных интеллектуалов в системную оппозицию стала и полемика вокруг этого документа. Именно необходимость противостоять волне критики сплотила интеллектуалов и подтолкнула их к осознанию необходимости кардинальной смены стратегии поведения ради победы в политической борьбе. И действительно, многие из участников кружков и обществ начала – середины 1980-х гг. в 90-е гг. будут создавать собственные партии, формируя политический ландшафт сначала Союзной Республики Югославии, а позже, в 2000-е гг. — Республике Сербии.

¹³² Там же... С. 15.

Можно сделать вывод, что в 80-е гг. XX в. в Республике Сербии, на фоне системного кризиса, поразившего всю Социалистическую Югославию, произошло окончательное идейное становление интеллектуальной оппозиции. В основе идеологического дискурса, взятого на вооружение интеллектуалами в этот период, лежали национально-ориентированные положения «сербского вопроса». В этот же период начинается активное распространение этих идей, что особенно ярко проявилось в появлении литературы эпохи «пролома истории». Как показала эволюция образа А. Ранковича, сербское общество нуждалось в харизматичном национальном лидере. И таким лидером стал Слободан Милошевич, который инструментально использовал набравшие популярность идеи, системно изложенные в «Меморандуме Сербской академии наук и искусств 1986 г.», сначала для завоевания власти, а потом для обоснования своей политики.

Заключение

Исследование становления сербской интеллектуальной оппозиции и формирования в ее среде национально-ориентированного дискурса позволило сделать следующие выводы.

В 60-е — 70-е гг. XX в. в экономике Югославии начали проявляться кризисные явления, связанные с сочетанием в экономической системе элементов рыночной экономики и системы планирования. В партийно-политической сфере в этот период проявились серьезные противоречия между двумя партийными группировками по вопросу пути дальнейшего развития федерации, которые разрешились на Брионском пленуме ЦК СКЮ 1966 г. Результатом пленума стало начало конституционной реформы в СФРЮ, которая обозначила переход Югославии от федеративного к конфедеративному устройству и настолько серьезно изменила страну, что позволила исследователям говорить о наступлении нового этапа в истории СФРЮ: этапа «четвертой Югославии» или «карделисткой Югославии». Кризисные явления в югославском обществе и последствия конституционной реформы спровоцировали появление интеллектуальной оппозиции. В 1960-е гг. существовал консенсус партийно-политических и интеллектуальных элит. Этот союз позволял интеллектуалам открыто высказывать свои идеи. Ярким примером, иллюстрирующим данную ситуацию, являлось издание марксистского журнала «Праксис», существование различных интеллектуальных трибун, в работе которых участвовали ведущие ученые не только СФРЮ, но и мира. Вышеперечисленные кризисные явления породили всплеск недовольства в обществе, который проявился в массовых выступлениях в республиках Сербии и Хорватии. Причем студенческие выступления в Белграде в 1968 г. прошли под лозунгами, повторяющими лозунги европейских «студенческих революций» и идей реформирования марксизма, звучавших на страницах журнала «Праксис».

В 1970-е гг., после подавления выступлений в Сербии и Хорватии ситуация изменилась. Партийно-политическая элита во главе с И. Броз Тито перешла к

политике усиления контроля над интеллигенцией в частности и над обществом в целом. Власть отказалась от сотрудничества с протестной интеллектуальной элитой, толкнув ее в оппозицию. Власть заставила сербских интеллектуалов искать другие идеологические платформы, другую не коммунистическую и не югославистскую идеологию. Такими идеологическими дискурсами в 70-е гг. XX в. стали либерально-демократические идеи и национально-ориентированные представления, основанные на возрожденном Д. Чосичем традиционном «сербском вопросе». Наиболее ярко либеральные настроения проявлялись в Республике Сербии во время правления так называемого «либерального руководства» во главе с М. Никезичем. Краткое правление «сербских либералов» закончилось инициированной И. Броз Тито отставкой М. Никезича в 1972 г. В результате проведенных в начале 1970-х гг. политических чисток из руководства Республики Сербии были устранены представители новой реформаторской генерации политиков, которые стремились к демократическому обновлению модели «самоуправленческого социализма». Вместе с ними, в тот же период, пострадали и либерально настроенные интеллектуалы. Большая часть из них, в том числе Д. Мичунович, была вынуждена эмигрировать, и смогла вернуться в страну только в середине 80-х гг. XX в. Таким образом, итогом процессов, происходивших в 1970-е гг., стал раскол политической и интеллектуальной элиты.

В 1980-х гг. в СФРЮ разразился системный кризис, который стал логическим продолжением кризисных явлений в экономике, политике и общественной жизни 60-х – 70-х гг. XX в. Существенным отличием данного периода от предыдущего стала явная слабость центральной власти, которая парализовала всю систему управления страной. Кроме того, 80-е гг. XX в. характеризуются глубоким идеологическим кризисом. В этот период наднациональная по своей сути концепция югославизма потеряла свою актуальность, перестала быть доминирующей в массовом сознании. На ее место пришел национально-ориентированный дискурс, основанный на

возрожденном Д. Чосичем «сербском вопросе». Ни технократическая партноменклатура, ни находившиеся долгое время в эмиграции и потерявшие влияния либералы не смогли ничего противопоставить растущей популярности этой идеологической платформы. Тем более, что ее распространению способствовали как публикация литературы эпохи «пролома истории», так и активная деятельность различных интеллектуальных кружков и объединений. К середине 80-х гг. она стала восприниматься обществом как единственная основа для поиска путей выхода из кризиса.

В середине 1980-х гг. на фоне кризиса межреспубликанских отношений и роста влияния этнократических кланов, произошел открытый конфликт между сербской и хорватской республиканскими элитами. Он проявился в публикации в Хорватии «Белой книги» в 1984 г. Поводом для отхода от «политики молчания», которой долгое время следовала хорватская партноменклатура, стала активность оппозиционно настроенной интеллектуальной элиты и рост популярности их идей. Этот конфликт, выразившийся в открытой критике сербских интеллектуалов, подтолкнул их к консолидации.

Именно в середине 1980-х гг. происходит окончательное идейное оформление интеллектуальной оппозиции. Его символом стал Меморандум САНИ 1986 г. Сравнительный анализ идей, изложенных в Меморандуме САНИ 1986 г., и идей интеллектуалов, сформулированных в конце 60-х – 70-х гг. XX в., показывает явную преемственность, даже вторичность идей, изложенных в Меморандуме. Авторы Меморандума САНИ не высказали новых идей и оценок югославской действительности. Ценность Меморандума САНИ для становления интеллектуальной оппозиции заключалась в том, что в нем были собраны и систематизированы все идеи, высказывавшиеся критически настроенными интеллектуалами. Poleмика вокруг Меморандума САНИ во многом спровоцировала завершение организационного оформления интеллектуальной оппозиции и начало

процесса ее трансформации в политическую системную оппозицию, который завершится к началу 90-х гг. XX в.

Таким образом, период 60-х – середины 80-х гг. XX в. стало временем оформления идеологии критической интеллектуальной элиты, которая во второй половине 1980-х гг. трансформировалась в организованную интеллектуальную оппозицию. Процесс оформления идеологии условно можно разбить на несколько этапов, каждый из которых характеризуется спецификой отношения партийной и интеллектуальной элиты.

Первый этап ограничивается 1960-и гг. В это десятилетие в интеллектуальной среде распространяется увлечение альтернативными теория экономического и общественно – политического развития. Благодаря положению идеологии «самоуправленческого социализма» об обязательной критики и самокритики и тесным дружеским связям некоторых представителей интеллектуальной и властной элиты этот этап отмечен снисходительным отношениям партноменклатуры к идеологическим поискам интеллектуалов. Тем более, что в данный период они не затрагивали основы существующей идеологии. Высшей точкой данного периода стало проведение философской Летней школы на острове Корчула и издание журнала «Праксис». Второй этап датируется концом 1960-х – серединой 1970-х гг. Переход ко второму этапу связан с событиями «Жаркого лета» в Белградском университете 1968 г. и «Хорватской весны» 1971 – 1972 гг. Именно эти события, напугав руководство страны, заставили их ужесточить давление на интеллектуалов. Главное содержание этого этапа – раскол критической интеллигенции на либеральное (в югославском понимании этого термина) и национально-ориентированное крыло. Давление на интеллектуалов достигло своего пика после дискуссии о конституционных изменениях на Юридическом факультете Белградского университета в 1971 г. После нее «чистки» подверглись собственно Юридический факультет и Философский факультет, в том числе его историческое отделение. Был закрыт журнал «Праксис» и многие другие литературные, философские и

общественно – политические журналы. Верхняя граница периода обусловлена датой принятия новой Конституции Югославии в 1974 г., которая кардинально изменила страну. Необоснованное выделение двух автономных краев только в составе Сербии и предоставление им широких полномочий, а также нарастание противоречий между сербами и албанцами в КиМ привело к сплочению и радикализации национально-ориентированного крыла сербской критической интеллигенции. Хронологические границы третьего этапа формирования идеологии интеллектуальной оппозиции в Сербии охватывают период с начала 80-х гг. (условной датой начало можно признать смерть Иосипа Броз Тито 4 мая 1980 г.) до середины 1980-х гг., а именно 24 сентября 1986 г. – даты публикации «Меморандума Сербской академии наук и искусств». В этот период окончательно оформилась идеология национально-ориентированной части интеллектуальной оппозиции, символом чего и стал Меморандум САНИ. В этот же период началось активное распространение националистических идей в основ через художественную литературу. На фоне системного кризиса, внутренней нестабильности и невозможности властной элиты найти выход из ситуации, идеи эти стали очень популярными, окончательно заменив собой как официальную идеологию «самоуправленческого социализма» и «югославизма» так и либерально-демократическую идеологию.

Необходимо подчеркнуть, что процесс формирования идеологии интеллектуальной оппозиции в Сербии и других югославских республиках протекал практически синхронно. В частности, если сравнить периодизацию становления интеллектуальной оппозиции в Хорватии, предложенную Тихомиром Ципеком и Катариной Спехняк, то можно увидеть что хронологические рамки этапов практически полностью совпадают с предложенными в данной работе. Также необходимо подчеркнуть, что процесс становления интеллектуальной оппозиции и радикализации их взглядов происходил не только в Сербии. Опираясь на выводы сделанные

некоторыми историками¹³³ и результаты данного исследования можно сказать, что формирования и бурный рост популярности национально-ориентированных идеологий происходил практически в каждой югославской республике.

В Сербии комплекс идей национально-ориентированной интеллектуальной оппозиции, изложенный в Меморандуме САНИ, стал идеологической платформой, вокруг которой в конце 1980-х гг. будет строиться системная оппозиция правящему режиму. Эти же идеи позже, уже в конце 80-х — начале 90-х гг. XX в., будет инструментально использовать Слободан Милошевич сначала для получения, а после и для удержания власти и оправдания своей политики.

¹³³ Сipeк Т., Spehñjak К. Disidenti, opozicija i otpor Hrvatska i Jugoslavija 1945-1990. //Časopis za savremenu povijest. 2007. № 2. S. 249 – 513.; Никифоров К.В. Сербия на Балканах. XX век. М., 2012. 176 с.; Югославия в XX веке: очерки политической истории. М., 2011. 888 с.; ¹³³ Гуськова Е.Ю. История Югославского кризиса (1990 – 2000). М., 2001. 720 с.; Батакович Д. Косово и Метохия: история и методология. Екатеринбург, 2014. 400 с.

Список использованных источников и литературы

Источники:

I. Неопубликованные источники:

1. Архив Југославији. Фонд бр. 507. Фасц. бр. II/2-b. Јед описа бр. 212
1965 г.
2. Архив Југославији. Фонд бр. 507. Фасц. бр. IV/41. Јед описа бр. Prilog1.
1968 г., Јед описа бр. Prilog4. 1966 г.,
3. Архив Југославији. Фонд бр. 507. Фасц. бр. K-11. Јед описа бр. 2-b.
1963 г.
4. Архив Југославији. Фонд бр. VIII. Фасц. бр. II. Јед описа бр. 2-b-161.
1961 г., Јед описа бр. 2-b-162. 1962 г., Јед описа бр. 2-b-157. 1961 г., Јед
описа бр. 2-b-172. 1963 г.
5. Архив Југославији. Фонд бр. VIII. Фасц. бр. IV/I. Јед описа бр. Prilog1
1966 г., Јед описа бр. Prilog4. 1966 г.
6. Кирьяков Ю.С. Состояние исторических исследований в СФРЮ.
Развитие связей между советскими и югославскими историками. Отчет
о прохождении годовой стажировки в СФРЮ. 1983 г. // Материалы из
личного архива Ю.С. Кирьякова.

II. Официальные издания документов и материалов:

7. Конституционные поправки XX – XLII. Белград, 1971. 60 с.
8. Конституция Социалистической Федеративной Республики Югославия
// Конституции социалистических государств: сборник / под ред. Б.А.
Страшуна, Б.Н. Топорнина, Г.Х. Шахназарова. Т. 2. М.: Юридическая
литература, 1987. С. 230 - 382.
9. Осми конгресс историчара Југославије од 20. до 23. октобра 1983.
Аранђеловац: Программ. Београд: Космос, 1983. 15 с.
10. Статистически справочник Југославије, 1985 г. Београд: Завод за
статистику, 1985. 128 с.
11. Статистички календар Југославије 1983. Београд: Савезни завод за
статистику. 1983. 256 с.

III. Сборники документов:

12. Анатомия конфликтов. Центральная и Юго-Восточная Европа: документы и материалы последней трети XX века. Т1 – 2 / под ред. Ю.С. Новопашина, Е.Л. Валева, Э.Г. Задорожнюк, К.В. Никифорова. СПб.: Алетейя, 2014.
13. Меморандум САНУ // Михаиловић К., Крестић В. Меморандум САНУ под ударима политике. Београд: Борба, 2002. С. 139–189.
14. Милошевић Н. Одабрани текстови академика Николе Милошевића и академика Косте Чавошког / приредили П. Ђуришић, А. Недић, В. Божић. Београд: Српска либерална странка, 2005. 208 с.
15. Случай «Голубњача»: за и против. Београд: Филипп Вишњић, 2008. 832 с.
16. Чавошки К. Анатомија једне чистке. Изгон са Правног факултета у Београду 1973–1975. Београд: Службени гласник, 2013. 397 с.
17. Bela knjiga – 1984. Обрачунса “kulturnom kontrarevolucijom” u SFRJ. Beograd, 2010. 397 с.
18. Dokumenti o slučaju «Golubnjača». URL: <http://www.glas-javnosti.rs/clanak/glas-javnosti-09-05-2008/dokumenti-o-slucaju-golubnjaca> (дата обращения 10.09.2013).
19. Kosovo: pravo i politika. Kosovo: u normativnim aktima pre i posle 1974 godine. Beograd: Helsinški odbor za ljudska prava u Srbiji, 1998. 117 с.

IV. Мемуары, дневники:

20. Ђурић М. Србија и Европа: између прошлости и будућности. Летопис југословенске трагедије. Београд: Бонат, 2003. 215 с.
21. Ћосић Д. Пишчеви записи (1961–1981). Београд: Филип Вишњић, 2002. 457 с.
22. Ћосић Д. Пишчеви записи (1981–1991). Београд: Филип Вишњић, 2002. 447 с.
23. Ћосић Д. Пишчеви записи (1992–1993). Београд: Филип Вишњић, 2002. 423 с.

24. Ћосић Д. Српско питање. Београд: Филип Вишњић, 2003. 340 с.
25. Мићуновић Д. *Život u nevremenu. Ruža vetrova. Knjiga prva: 1930–1990.* Београд: Архипелаг, 2013. 428 с.
26. Мићуновић Д. *Моја политика.* Београд: Филип Вишњић, 2005. 479 с.
27. Perovic L. *Zatvaranje kruga.* Сарајево: Svjetlost, 1991. 465 с.
- V. Художественна литература и публицистика:
28. Джилас М. *Лицо тоталитаризма.* М.: Новости, 1992. 544 с.
29. Драшковић В. *Ноћ ђенерала.* Београд: Српска реч, 2000. 177 с.
30. Драшковић В. *Руски конзул.* Београд: Српска реч, 2000. 309 с.
31. Драшкович В. *Нож.* М.: Вагриус, 1995. 464 с.
32. Меморандум САНУ // Михаиловић К., Крестић В. Меморандум САНУ под ударима политике. Београд: Борба, 2002. С. 139–189.
33. Ћосић Д. *Косово.* Београд: Новости, 2004. 281 с.
34. Dedijer V. *Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita.* Београд: Риека, 1981. 473 с.
35. Милајловић В. Драгослав Марковић: *Diskontinuitet.* URL: <http://www.slobodnaevropa.org/articleprintview/1045349.html> (дата обраћања: 25.03.2009).
- VI. Речи:
36. *Выступление президента республики И. Броз Тито на собрании руководства актива Социалистической республики Сербия, состоявшегося 16 октября 1972 г. // Идейное и политическое наступление СКЮ. Выступления тов. Тито, Карделя и Доланца. Белград, 1977. С. 94–108.*
37. *Выступление товарища Э. Карделя на расширенном заседании межобщинной конференции Союза коммунистов по Герцеговине, состоявшемся в Мостаре // Идейное и политическое наступление СКЮ. Выступления тов. Тито, Карделя и Доланца. Белград, 1977. С. 25 – 50.*
38. *Доклад президента Тито на заседании общего Собора федерации СФРЮ, состоявшегося 23 апреля 1973 г. Белград, 1973. 10 с.*

39. Из речи на VII съезде народной молодежи Югославии 23 января 1963 г. // Иосип Броз Тито. Избранные статьи и речи. М.: Политиздат, 1973. С. 688–697.
40. Из речи по случаю пятидесятилетия Люблянского университета 11 декабря 1969 г. // Иосип Броз Тито. Избранные статьи и речи. М.: Политиздат, 1973. С. 628–629.
41. Наша печать – один из основных факторов формирования и распространения социализма (беседа президента Тито с членами президиума Союза журналистов Югославии) // Речи президента Тито. Возвращение из СССР. В Железнике. Новогоднее послание. Беседа с журналистами. Белград, 1963. С. 31 – 51.
42. Тито И. Броз. Наша молодежь показала свою зрелость. Направления важнейших задач СКЮ в развитии системы общественно-экономических и политических отношений. Београд: Социалистическая мысль и практика, 1968. С. 3–10.

VII. Материалы периодической печати:

43. Јеличић З. Наши национализми // Недељне информативне новине. 1986. 23 фебр.
44. Вучелић М., Луковић М. Још једном заједно: језик и политика // Недељне информативне новине. 1986. 27 апр.
45. Даутовић С. О једном несхватљивом уредјивачком потезу часописа «Историја 20 века» // Политика. 1983. 28 окт.
46. Дедиер В. Како је сачувана независност // Недељне информативне новине. 1984. 1 јул.
47. Дедиер В. Припреме са оружани напад // Недељне информативне новине. 1984. 5 авг.
48. Дедиер В. Рат после рата // Недељне информативне новине. 1984. 8 јул.
49. Дедиер В. Састанак код Стаљина // Недељне информативне новине. 1984. 29 јул.

50. Дедиер В. Стаљин се спрема за обрачун с Титом // Недељне информативне новине. 1984. 15 јул.
51. Дедиер В. Стаљинов ултиматум // Недељне информативне новине. 1984. 22 јул.
52. Ђирић Р. Састанак београдских писаца // Књижевне новине. 1982. 27 мај.
53. Закључци председништва САНУ // Недељне информативне новине. 1986. 26 окт.
54. Зечевић В. Неравноправност равноправних слова // Недељне информативне новине. 1986. 6 апр.
55. Каљевич Б. Косовски егзодус // Недељне информативне новине. 1986. 2 фебр.
56. Лазаревић Р. У реду за ручак, читаоницу, купатило... // Политика. 1983. 23 феб.
57. Марковић Д. Истина о «Голом оттоку» // Недељне информативне новине. 1986. 28 дец.
58. Матић М. Гигантизам администрације // Недељне информативне новине. 1986. 23 новемб.
59. Никшић С. Добри и лоши момци // Недељне информативне новине. 1986. 16 новемб.
60. Нова лица прошлости // Недељне информативне новине. 1983. 16 окт.
61. Огнјановић Т. Јединство праксе и мисли. Уз 70-годишњицу рођења Е. Карделя // Књижевне новине. 1980. 9. септ.
62. Палавестра П. Критичка књижевност као облик очишћења // Књижевне новине. 1982. 8 апр.
63. Стамболић И. Криза нас буди // Недељне информативне новине. 1986. 20 апр.
64. Стаменковић В. Сцена као историјска установа // Недељне информативне новине. 1984. 8 јан.

65. Фусноте уместо догађаја године // Недељне информативне новине.
1983. 23 окт.

66. Шта су косовци рекли у Скупштини // Недељне информативне новине.
1986. 23 март.

Литература:

1. 1968 – четрдесет година после: зборник радова /гл. ред. Р. Радић.
Београд: Институт за новију историју Србије, 2008. 719 с.
2. Аблазова Л.С. Дискусија: национални фактор у међународним
одношењима у ЦЈОВЕ // Советско славјановедение. 1992. № 1. С. 23 –
36.
3. Андерсон Б. Воображаема заједница. Размишљања о изворима и
распрострањени национализма. М.: Русь – Олимп: Астрел: АСТ,
2001. 845 с.
4. Арендт Х. Истоци тоталитаризма. М.: ЦентарКом, 1996. 521 с.
5. Арон Р. Опиум интелектуалаца. URL: [http:// www. ruthenia. ru/logos/number/51/10.pdf](http://www.ruthenia.ru/logos/number/51/10.pdf) (дата обраћања: 15.05.2006).
6. Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нација, клас. Двусмислене
идентичности. М.: Высшая школа, 2004. 658 с.
7. Балкански кризис: истоци, стање, перспективе. Материјали
међународног научног семинара у Нижњем Новгороду 4 – 5 фебр.
2000. ННГУ им. Лобачевског / под ред. В.С. Павлова. Нижњи
Новгород: ННГУ им. Н.Т. Лобачевског, 2000. 215 с.
8. Батаковић Д. Косово и Метохија: историја и методологија.
Екатеринбург: Из-во Урал. ун-та, 2014. 400 с.
9. Бауер О. Национални проблем и социјал-демократија // Нације и
национализам. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 52–120.
10. Белов М.В. У изворима српске националне идеологије: механизми
формирања и специфика развоја (конец XVIII – средина 30-х гг.
XIX века). СПб.: Алетеја, 2007. 544 с.

- 11.Беляков С.С. Идеология Усташеского движения, как историческая форма хорватского этнического национализма (1929 – 1945). Автореферат диссертации канд. Ист. наук Екатеринбург, 2006. 27 с.
- 12.Валецкий О.Б. Югославская война 1991–1995 гг. М.: Крафт+, 2006. 528 с.
- 13.Васильева Н.Г., Гаврилов В.В. Балканский тупик? Историческая судьба Югославии в XX веке. М.: Гея итерум, 2000. 328 с.
- 14.Велика Србија: истине, заблуде, злоупотребе: зборник радова СА Међународног научног скупа одржаног у Српској академији наук и уметности од 24–26 октобра 2002 // под ред В. Крестић., М. Недић. Београд: Српска књижевна задруга, 2003. 567 с.
- 15.Волков В.К. Трагедия Югославии // Новая и новейшая история. 1994. № 4/5. С. 3 - 33
- 16.Волков В.К. Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Индрик, 2000. 368 с.
- 17.Волков В.К. Этнократия – непредвиденный феномен посттоталитарного мира // Полис. 1993. № 2. С. 16–35.
18. Волкова Е.Г. Еще один путь в Европу: от нерушимой Югославии к неделимой Сербии. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. 212 с.
19. Воробьева А.А. Десятилетие деятельности обновленной Матицы Хорватской // Славяноведение. 2011. № 4. С. 11–18.
- 20.Вуяич В., Заславский В. СССР и Югославия: причины распада // Этнографическое обозрения. 1993. № 1. С. 25–30.
- 21.Геллнер Э. Пришествие национализма // Нации и национализм. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 146–200.
22. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. 459 с.
- 23.Гибианский Л. Я. У начала советско-югославского конфликта // Рабочий класс и современный мир. 1990. № 2. С. 34–44.

24. Гиббианский Л.Я. Из друзей – во враги: конфликт с Кремлем (1948–1949) // Югославия в XX веке. Очерки политической истории / отв. ред. К.В. Никифоров. М.: Индрик, 2011. С. 567 – 595.
25. Гиренко Ю.С. В борьбе за интересы трудящихся: к 70-летию СКЮ // Советское славяноведение. 1989. № 4. С. 10–15.
26. Гобино Ж.А. де. Опыт о неравенстве человеческих рас. URL: http://www.hrono.ru/libris/lib_g/gobino00.php (дата обращения 12.04.2014).
27. Гумилев Л. Н. Этносфера: история людей и история природы. М.: Экопрос, 1993. 147 с.
28. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Эксмо, 2007. 136 с.
29. Гуськова Е.Ю. Геополитические аспекты современного балканского кризиса // Славянский мир в третьем тысячелетии. Славянская идентичность — новые факторы консолидации. М.: Институт славяноведения РАН, 2008. С. 44-50.
30. Гуськова Е.Ю. Динамика косовского кризиса и политика России // Косово: международные аспекты кризиса. URL: <http://propagandist.narod.ru> (дата обращения 1.12.2011).
31. Гуськова Е.Ю. История Югославского кризиса 1990–2000. М.: Русское право/Русский национальный фонд, 2001. 720 с.
32. Гуськова Е.Ю. Размышления по поводу книги Карлы дель Понте «Охота: я и военные преступники» // Новая и новейшая история. М., 2008. № 4 С. 14 – 18.
33. Гуськова Е.Ю. Уроки балканского кризиса для Европы и России. // Межрегиональная конференция славистов. Российское славяноведение в начале XXI века: задачи и перспективы развития. Материалы Всероссийского совещания славистов (23 – 24 окт. 2003 г.). М.: Институт славяноведения РАН, 2005. С. 89 – 99.

34. Гуськова Е.Ю. Югославия: социальная трансформация в условиях кризиса // Новый социальный облик Восточной Европы. М.: ИНИОН, 2002. С. 80-96.
35. Джукич. С. Како се догодио. Београд: Службени гласник, 2009. 365 с.
36. Джуретич В. Развал Югославии: исторические предпосылки (1918–2003). М.: Кобексинтернэшнл, Кристи инжиниринг, ООО «СтройСпецМонтаж», 2003. 897 с.
37. Димић Љ. Историја српске државности. Србија у Југославиј. Нови Сад: Беседа, 2001. 472 с.
38. Димић Љ., Чавошки Й. Политический кризис в Чехословакии и общественная мысль Югославии // 1968 год. «Пражская весна»: историческая ретроспектива / под ред. Т.В. Волокитиной. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. 287 с.
39. Дюма Ж. Об изучении элит в современной историографии // Французский ежегодник. М.: ИВИ РАН, 2001. С. 56–67.
40. Ђукић С. Политичко гробље. Београд: Службени гласник, 2010. С. 650 с.
41. Едемский А.Б. От конфликта к нормализации: советско-югославские отношения в 1953–1956 гг. М.: Наука, 2008. 610 с.
42. Едемский А.Б. Так становились диссидентами: путевые заметки «Лето московское 1964 год» М. Михайлова в перекрестье советской и югославской критики (по архивным документам) // Славянский мир в третьем тысячелетии. Образ России в славянских странах. М.: Институт славяноведения РАН, 2012. С. 189 – 201.
43. Жутич Н. Срби римокатолици такозвани Хрвати: „Срби сви и свуда“: хрватске земље без Хрвата. Земун: Службени гласник, 2006. 366 с.
44. Искендеров В.Э. История Косово: межэтнические аспекты // Славяноведения. 2011. № 1. С. 18–28.
45. Искендеров П.А. Сербская социал-демократия и албанский вопрос // Вопросы истории. 2010. № 7. С. 3–9.

46. История антикоммунистических революций конца XX века: Центральная и Юго-Восточная Европа / под ред. Ю.С. Новопашина. М.: Наука, 2007. 397 с.
47. Калоева Е.Б. Роль национализма и популизма в судьбах народов Югославии в XX–XXI веках // Национализм и популизм в Восточной Европе / под ред. Ю.И. Игрицкого. М.: ИНИОН РАН, 2007. 176 с.
48. Кандель П.Е. «Посттоталитарность» как теоретическая проблема и региональная характеристика // Мировая экономика и международные отношения. 1996. № 5. С. 93–101.
49. Кандель П.Е. Российское общественное мнение до и после косовского кризиса // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX века / под ред. Г.Г. Литаврина, Р.П. Гришина. СПб.: Алетейя, 2002. С. 386–402.
50. Кандель П.Е. Сербия между Косово, ЕС и Россией // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 1. С. 52–60.
51. Кирьяков Ю.С. Белград 1983: на какой почве вырастают «монстры» национальной памяти? // Славянские диалоги на границе Европы и Азии. Историческая память: арена войны «национальных историй» или основа для диалога и взаимопонимания. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. С. 272–277.
52. Коган-Ямный В.И. Косово: Торжество обывательской политики. М.: ЭПИцентр, 1999. 23 с.
53. Козинг А. Философия «современного марксизма» // Вопросы философии. 1970. № 3. С. 168 - 181.
54. Кремптон Р. Балкан после Другог светског рата / превела са енглеског К. Тодоровић. Београд: Слио, 2003. 517 с.
55. Кудров В.М. Югославия: трудный путь. М.: Издательский дом «Экслибрис-Пресс», 2001. 84 с.

56. Кузмичева Л.А. Сия семейная вражда. URL: http://www.istrodina.com/old/2001_01_02/vrazhda.htm (дата обращения 18.09.2010).
57. Культура сквозь призму идентичности: сборник статей. М.: Индрик, 2006. 431 с.
58. Лебон Г. Психология народов // Психология толпы: социальные и политические механизмы воздействия на массы. М.; СПб.: Наука, 2003. С. 146–157.
59. Лещиловская И.И. Исторические корни Югославского конфликта // Новая и новейшая история. 1995. № 3. С. 40–55.
60. Љушић Р. Српска, великосрпска и југословенска државна политика Србије (1804–1918) // Велика Србија: истине, заблуде, злоупотребе. Београд: Српска књижевна задруга, 2003. С. 287–315.
61. Маначинский А.Я. Югославия: приговор вынесен. Киев: Изд. дом «Румб», 2005. 288 с.
62. Мартынова М.Ю. Балканский кризис: народы и политика. М.: Индрик, 1998. 511 с.
63. Митровић М. Студентске демонстрацију у Београду 1968 године // 1968 – четрдесет година после /главни уредник Р. Радић. Београд: Служебни гласник, 2008. С. 481 - 499.
64. Митрович М. Югославская действительность в анонимных посланиях И.Б. Тито (1956–1966) // Славяноведение. 2008. № 3. С. 48–59.
65. Михаиловић К., Крестић В. Меморандум САНУ под ударима политике. Београд: Борба, 2002. 191 с.
66. Мурашко Г.П. Москва и Восточная Европа. Становление режимов советского типа (1949–1953): очерки истории. М.: Наука, 2002. 316 с.
67. Мысливченко А.Б. Философские парадигмы «западного марксизма»: генезис и классификация. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Article/musl_filos.php. (дата обращения: 21. 11. 2013).

68. Национализм и популизм в Восточной Европе: сб. науч. трудов / под ред. Ю.И. Игрицкого. М.: ИНИОН РАН, 2007. 176 с.
69. Национальная политика в странах формирующегося советского блока. 1944–1948 гг. / отв. ред. В.В. Марьина. М.: Наука, 2004. 551 с.
70. Национальные меньшинства в странах Центрально-Восточной Европы: сб. обзоров и реф. М.: ИНИОН РАН, 2007. 140 с.
71. Неймарк Н. Пламя ненависти. М.; СПб.: Логос, 2005. 356 с.
72. Некрасов И. Ни разрубить, ни развязать: Косово – заложник противоположных интересов // Известия. 1999. 14 января.
73. Никифоров В.К. Югославский эксперимент // Власть – общество – реформы: Центральная и Юго-Восточная Европа. Вторая половина XX века. М.: Наука, 2006. С. 355 – 371.
74. Никифоров К.В. «Карделевская Югославия» (1974–1990) // Югославия в XX веке: очерки политической истории. М.: Индрик, 2011. С. 735–765.
75. Никифоров К.В. Сербия на Балканах. XX век. М.: Индрик, 2012. 176 с.
76. Никифоров К.С. Распад Югославии // Власть – общество – реформы: Центральная и Юго-Восточная Европа, вторая половина XX века / под ред. Э.Г. Задорожнюк. М.: Наука, 2006. С. 368–383.
77. Николаева Т.В. Анализ югославской модели социализма в контексте причин балканского кризиса 90-х гг. М.: Индрик, 2002. 264 с.
78. Николић К. «Нико не сме да вас бије»: Слободан Милошевић у Косову Пољу 24 – 25 април 1987: историја и легенда. Београд: Институт за савремену историју, 2006. 242 с.
79. Николић К. Прошлост без историје: полемике у југославској историографији 1961 – 1991: главни токови. Београд: Графос, 2003. 476 с.
80. Николић К. Срија у Титовој Југославији: (1941–1980). Београд: Завод за уџбенике, 2011. 423 с.

81. Николић К. Српска књижевност и политика: 1945 – 1991, главни токови. Београд: Планета Принт, 2012. 483 с.
82. Павловић М. Југославија 1987: Криза идеологије – криза државе // *Osmo sednica CK SKS: uzroci, tok i posledice. Srbija 20 godina kasnije: 1987-2007: zbornik radova sa međunarodnog naučnog skupa, održanog u Beogradu 21-22. septembra 2007.* Београд: Институт за савремену историју; Stirling: Centar za proučavanje evropskog susedstva, 2008. С. 21–22.
83. Поздняков Э.А. Нация. Национализм. Национальные интересы. М.: Ладомир, 1994. 397 с.
84. Проблемы управления в сфере межнациональных отношений: предпосылки и формы разрешения межнациональных конфликтов /под ред. С. И. Замогильного. Саратов: Центрполиграф, 1998. 513 с.
85. Рибич В. Поделъе на нација: српски национализам и политички сукоби у Србији, 1990-2000. Београд: Чигоја штампа. 2005. 469 с.
86. Ристановић П. Добрица Ћосић и отварање косовског питања 1968 године. Приштина: Баштина, 2012. С. 197 – 229.
87. Романенко С.А. «Хорватска весна» и советско-југославске одношенија на рубезе 1960-1970-х гг. // *Славяноведение.* 2008. № 3. С. 60 – 76.
88. Романенко С.А. Историческое сознание в период межэтнических конфликтов после распада «закрытого общества» // *История и историки в межэтнических конфликтах в конце XX века: почему и как возрождается сознание «закрытого общества»?* М.: Магистр, 1997. 47 с.
89. Романенко С.А. История и этнонационализм в постсоциалистическом мире: югославский вариант (1980 – 1990-е гг.) // *Национализм в мировой истории / под ред. В.О. Тишкова, В.А. Шнирельман.* М.: Московский общественный научный фонд; ООО «Издательский центр научных и учебных программ, 2007. 999 с.

90. Романенко С.А. Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством»: российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе (начало XX века – 1991 г.). М.: Новое литературное обозрение, 2011.
91. Романенко С.А. Югославия, Россия и «славянская идея»: вторая половина XIX – начало XXI века. М.: Наука, 2002. 596 с.
92. Романенко С.А. Югославия: История возникновения. Кризис. Распад. Образование независимых государств (национальное самоопределение народов Центральной и Юго-Восточной Европы в XIX–XX веках). М.: Наука, 2002. 500 с.
93. Русские о Сербии и сербах. СПб.: Алетея, 2006. 681 с.
94. Руткевич М.Н., Савцова Н.И. Курс диалектического материализма югославских авторов // Вопросы философии. 1969. № 7. С. 184 - 196.
95. Сербия о себе / сост. М. Йованович. М.: Европа, 2005. 520 с.
96. Сергеев Е.Ю. Современное элитоведение: итоги и перспективы // Элиты и лидеры: традиционализм и новаторство. М.: Наука, 2007. С. 7–22.
97. Симић П. Тито – тајна века. Београд: Службени гласник, 2010. 419 с.
98. Спечински Л., Кандель П. Югославский кризис вчера и сегодня. М.: Квадрат-С, 2002. 60 с.
99. Стыкалин А.С. Пражская весна: проблемы изучения // Славяноведение 2010. № 3. С. 44–61.
100. Терзич С. История Сербии с гневом и пристрастием // Славяноведение. 2010. № 5. С. 82–89.
101. Тишков В. О нации и национализме: полемические заметки // Свободная мысль. 1996. № 3. С. 31–37.
102. Тишков В.О. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 432 с.
103. Тодоров Н. Балканский узел противоречий: история и современность // Новая и новейшая история. 1995. № 3. С. 75–78.

104. Тодоровић Д. Књига о Тосићу: Добрица Тосић – прилози за политичку биографију. Београд: Трећ имленјум, 2005. 368 с.
105. Фрейдзон В.И. История Хорватии: краткий очерк с древнейших времен до образования республики (1991 г.). СПб.: Алетея, 2001. 318 с.
106. Хобсбаум Э. Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С. 332–346.
107. Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации. Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С. 121-145.
108. Централно-Восточная Европа во второй половине XX века: в 3-х т. Т. 2: От стабилизации к кризису (1966–1989). М.: Наука, 2002. 516 с.
109. Чемберлен Х.С. Славогерманцы. URL: http://hrono.ru/statii/2005/chember_slavuno.php (дата обращения 12.04.2014).
110. Чернявская Ю. Фокусы национальной идентичности // Космополис. 2008. № 3. С. 34–41.
111. Чиркович С. История сербов. М.: Весь Мир, 2009. 448 с.
112. Шахин Ю.В. Югославия на пути модернизации: 1947–1961 гг. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 237 с.
113. Шутовић М. Покушај (ре)дефинисања уставног аранжмана аутономних покрајина из 1974. године. Приштина: Чигоја штампа, 1994. 438 с.
114. Югославия в XX веке: очерки политической истории / отв. ред. К.В. Никифоров. М.: «Индрик», 2011. 888 с.
115. Яжборская И.С. Глобализация и опыт трансформации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы // Славяноведение. 2011. № 3. С. 65–73.
116. Bilandžić D. Jugoslavija poslije Tita (1980–1985). Zagreb: Globus, 1986. 255 s.

117. Biserko S. Srpska elita i realizacija srpskog nacionalnog programa. Kn. 1. Beograd: Zagorac, 2006. 931 s.
118. Bjelajac M. Krivokapić-Jović G. Prilozi iz naučne kritike – srpska historiografija i svet. (uticaj jugoslovenske krize na stranu i domaću historiografiju). Beograd: Institut za noviju istoriju Srbije, 2011. 407 s.
119. Bogdanović D., Kovačević-Vučo B. Zloupotrebene institucije: ko je ko u Srbiji 1987 – 2000. Beograd: Fond “Bilijana Kovačević – Vučo ”, 2011. 336 s.
120. Bogetić D. Kriza Jugoslovenskog društva početkom 1970-ih i pitanje sovjetske pomoći opstanku Titivog režma. Beograd: БеоКњига, 2001. 489 s.
121. Cipek T., Spehnjak K. Disidenti, opozicija i otpor: Hrvatska i Jugoslavija 1945-1990. //Časopis za savremenu povijest. 2007. № 2. S. 249 – 513.
122. Cvetković S. Između srpa i čekića 2. Politička represija u Srbiji 1953 – 1985. Beograd: Službeni glasnik, 2011. 700 s.
123. Dragović-Soso J. Spasiocinacije: intelektualna opozicija Srbije i oživljavanje nacionalizma. Beograd: Fabrikaknjiga, 2004. 411 s.
124. Dzuda T. Srbi: istorija, miti razaranje Jugoslavije. Beograd: Dan Graf, 2003. 266 s.
125. Glenny M. The Balkans, 1804–1999: Nationalism, War and the Great Powers. L.: Granta Books, 2000. 765 p.
126. Jakšić B. “Praxis” – kritički izazovi // Praxis. Društvena kritika i humanistički socializam. Zbornik radova sa međunarodne konferencije o jugoslovenskoj levice: Praxis-filozofija i Korčulanska ljetna škola (1963–1974). Beograd: Pekograf, 2012. S. 30–90.
127. Jović D. Jugoslavija: drzavakoja je odumrla, uspon, krizai pad Kardeljeve Jugoslavije. Zagreb: Prometej, 2003. 528 s.
128. Kuljić T. Tito: sociološko istorijska studija. Beograd: Čigoja, 1998. 394 s.
129. Miladinovic S. Elite raspada. Beograd: Glasnik, 2009. 289 s.

130. Milosavljević O. U tradiciji nacionalizma ili stereotipisrpskih intelektualaca XX vera o «nama» i «drugima». Beograd: Zagorac, 2002. 333 s.
131. Nikezić M. Srpska krhka vertikala. Beograd: Zagorac, 2003. 170 s.
132. Nikolić K., Cvetković S., Tripković D. Predgovor priređivača // Bela knjiga – 1984. Obračunsa “kulturnom kontrarevolucijom” u SFRJ. Beograd: Glasnik, 2010. S. 5–54.
133. Ognjanovic T. Utrina ili Srbija. Beograd: Čaršija, 2008. 161 s.
134. Popov N. Iskušavanja slobode: Srbija naprelazu vekova. Beograd: Glasnik, 2010. 630 s.
135. Praxis. Društvena kritika i humanistički socializam. Zbornik radova sa međunarodne konferencije o jugoslovenskoj levice: Praxis-filozofija i Korčulanska ljetna škola (1963–1974). Beograd: Pekograf, 2012. 411 s.
136. Srbija (Jugoslavija), 1945–2005: ideologije, pokreti, praksa: zbornik radova sa međunarodnog naučnog skupa održanog 4–5 maja 2005 u Somboru. Beograd: Institut za savremenu istoriju, 2006. 278 s.
137. Trkulja J. Zločin nad mišljenjem : osuda i izgon Mihaila Đurića. Beograd: Centar za unapređivanje pravnih studija, 2005. 138 s.
138. VIII sednica CR SK Srbije: nulta tačka “narodnog pokreta” / predili S. Lekić, Z. Pavić Beograd: Službeni glasnik, 2007. 288 s.
139. Wachtel A. Making a Nation, Breaking a Nation: Literature and Cultural Politics in Yugoslavia. Stanford: Stanford University Press, 1998. 355 p.

Список сокращений:

1. АЈ – Архив Југославије (архив Югославии).
2. АК КиМ – автономный край Косово и Метохия.
3. БиГ – Босния и Герцеговина.
4. ИК ЦК СКС – Исполнительный комитет Центрального комитета Союза коммунистов Сербии.
5. Меморандума САНИ – Меморандум Сербской академии наук и искусств.
6. НГХ – Независимое государство Хорватия.
7. НИН - Недељне информативне новине (Воскресные новости).
8. СКС – Союз коммунистов Сербии.
9. СКХ – Союз коммунистов Хорватии.
- 10.СКЮ – Союз коммунистов Югославии.
- 11.СФРЮ – Социалистическая федеративная республика Югославия.
- 12.УДБ – Управление государственной безопасности.
- 13.ЦК СКС – Центральный комитет Союза коммунистов Сербии.
- 14.ЦК СКХ – Центральный комитет Союза коммунистов Хорватии
- 15.ЦК СКЮ – Центральный комитет Союза коммунистов Югославии.